

МОСКОВСКИЙ

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

Что мы
и
акже...

К 90-летию
Московского союза литераторов

КТО МЫ И КАКИЕ

Авторы Московского союза литераторов
друг о друге и о себе

Издательство «БОС»
Москва 2022

УДК 82-822

ББК 84-4

К 87 Кто мы и какие. Авторы Московского союза литераторов друг о друге и о себе. Сборник к 90-летию Московского союза литераторов. — М.: Изд-во «БОС». 2022. — 292 с.

ISBN 978-5-905117-63-3

Авторы этой книги — члены старейшего в столице Московского союза литераторов, который в 2022 году отпраздновал 90-летний юбилей. Здесь представлены очерки, рассказы, эссе, воспоминания, интервью, биографические заметки и размышления членов секций документальной литературы, поэзии, прозы, детской и юношеской литературы Московского союза литераторов. Все они пишут о себе и коллегах, о творческих достижениях, планах на ближайшее будущее, о событиях прошлого и настоящего времени.

Безусловное достоинство книги — разнообразие форм изложения, стилистических приёмов, характеризующих творчество каждого автора отдельно и креативный потенциал Московского союза в целом.

Таким образом, название книги «Кто мы и какие» полностью соответствует её содержанию.

ISBN 978-5-905117-63-3

© Авторы сборника (текст), 2022

© М.М. Стародуб (редактор и составитель), 2022

© В.А. Галечьян (оформление обложки), 2022

© Т.М. Хуциев (дизайн, верстка), 2022

© Издательство «БОС», 2022

Встречая 90-летие Московского союза литераторов...

С конца 20-х годов XX века российские, советские литераторы на уровне инстинкта испытывали острую потребность в объединении — в целях самосохранения, самозащиты от слишком бурной социальной действительности. Центром их притяжения были издательства, куда поэты, прозаики и прочие литераторы приносили свои произведения — в надежде, что их напечатают. Такие объединения были в Москве, в Петрограде-Ленинграде, в русскоязычном Харькове, в Баку, в Тифлисе и в других крупных культурных центрах нашей страны. В 1932 году они получили официальный статус «профкомов литераторов», то есть профессиональных комитетов пишущих и зарабатывающих этим людей. Это были реальные профсоюзы литераторов, с уплатой членских взносов и материальной помощью бедствующим гениям.

От одного из таких профкомов и ведёт свою родословную Московский союз литераторов. Его прародителем был профком литераторов при издательстве «Советский писатель». Кроме него в Москве существовало ещё три подобных объединения, но долгая жизнь была суждена только этому профкому, в котором числилось более 700 литераторов. В нём состояли Леонид Леонов, Виктор Шкловский, Николай Погодин, Анастасия Цветаева. В послевоенные годы в разных секциях состояли представители московского андеграунда: Генрих Сапгир, Игорь Холин, Всеволод Некрасов, Ян Сатуновский, Юлий Даниэль, знаменитый коллекционер Александр Глейзер, поэты-песенники Леонид Дербенёв и Алексей

Дидуrow. Очень многих удивительных творческих личностей можно здесь назвать! И сейчас в продолжение этого списка можно отметить заслуженных работников культуры РФ поэтессу Татьяну Михайловскую и прозаика Михаила Стародуба, сатирика Владимира Вишневого, писателей-путешественников Вадима Бурлака и Людмилу Стасенко, поэтов-авангардистов Татьяну Виноградову, Валерия Галечьяна, Владимира Пряхина, сказочников Петра Шарганова и Нелли Копейкину и многих других талантливых авторов.

В 1977 году профком наконец получил для себя освободившееся помещение в обшарпанном флигеле по соседству с гаражами Госснаба. Сейчас это здание известно как выставочный зал «Новый Манеж». С тех пор и по настоящее время можно говорить и о территориальной правопреемственности, ибо мы так и располагаемся в московском особнячке по адресу: Большая Дмитровка, 5/6, строение 8. А в 1997 году бывший профком ещё раз сменил название, окончательно став Московским союзом литераторов (МСЛ).

Организацией руководили такие замечательные люди, как Алексей Владимирович Владимиров, Алексей Николаевич Баташёв, Виктор Анатольевич Соколов, Лидия Ивановна Александрова. В 2018 году МСЛ возглавил Валерий Абгарович Галечьян.

В Московском союзе действуют четыре секции: поэзии, прозы, документальной литературы и детской и юношеской литературы. За годы перемен мы потеряли секцию критики и перевода, но в каждой из оставшихся секций критики и переводчики обнаружатся безо всякого труда.

Все помнят рок-кабаре «Кардиограмма» Алексея Дидуrowа, театр Александра Прахова, Георгиевский клуб Татьяны Михайловской. Всё это пело, играло, кричало, ломало перила в 1990-е годы в том же помещении бывшего профкома... и исчезло вместе с лихими девяностыми. Сегодня здесь регу-

лярно проводят творческие вечера, собираются и обсуждают свои произведения литераторы четырёх секций. Гений места нас по-прежнему хранит.

Литераторы принимают активное участие в общественной жизни столицы: проводят занятия и семинары в колледжах, школах, выступают в лечебно-оздоровительных заведениях, в советах ветеранов всех административных районов Москвы, участвуют в праздниках, посвящённых главным историческим и культурным событиям, встречаются с читателями на ежегодных книжных ярмарках на Красной площади и на ВДНХ. Регулярно проводятся совместные выездные сессии с редакцией газеты «Московский комсомолец».

Мы внимательно относимся к заслуженным ветеранам РСPL. К празднованию 75-летия Великой Победы нами издан сборник «Дети войны», в котором они рассказывают о своей жизни в те годы. Не остались в стороне и более молодые наши авторы, отметившиеся ещё в одном сборнике, посвящённом этой знаменательной дате.

Особое внимание наш Союз уделяет сохранению и популяризации многонациональной российской культуры. Важная роль в этой задаче отводится проекту «Две столицы», в котором московские авторы пишут о Москве, пластах её жизни, а литераторы из другой столицы раскрывают её мир. В 2019 году вышел первый сборник-билингва на русском и осетинском языках, в котором о своих столицах рассказали члены МСЛ и владикавказские авторы. Презентации сборника состоялись при непосредственном участии московских авторов во Владикавказе и Москве. В 2020 году вышел русско-непальский сборник (совместно с литераторами Катманду). В январе 2021 года в онлайн-режиме была проведена презентация сборника на три континента с участием многих ведущих специалистов по восточной культуре. В 2022 году издаётся третий сборник серии,

в котором наши литераторы вместе с киргизскими авторами пишут о Москве и Душанбе. Уже готовится сборник 2022 года с армянскими авторами.

В 2019 году член МСЛ профессор Ю. Б. Орлицкий двадцать пятый раз возглавил оргкомитет Международного фестиваля свободного стиха, в котором традиционно участвуют многие наши поэты. По материалам фестивалей с 1990 по 2018 год при непосредственном участии МСЛ была издана двухтомная антология «Современный русский свободный стих» под редакцией Анны и Юрия Орлицких, в которой представлены произведения 200 поэтов. В развитие начинания все тексты переведены на английский язык и в 2021 году создан специальный англоязычный сайт для пропаганды современной российской поэзии.

Основной площадкой для развития культурных связей и инициатив служат библиотеки Москвы. Поэты и писатели Союза на многолетней постоянной основе выступают в библиотеке № 33 им. Дмитрия Фурманова, в библиотеке № 2 им. Ю. В. Трифонова, других библиотеках.

Надо отметить, что наш Союз уделяет особое место работе с подрастающим поколением. Вот уже 10 лет М. П. Соловьева ведёт занятия по истории мировой литературы и истории религий («Уроки толерантности») для студентов колледжей района Беговой. Занятия проходят в библиотеке № 33 им. Фурманова и пользуются огромным успехом. Автор книги «Первый» о Юрии Гагарине А. Б. Дихтярь проводит регулярные встречи с детьми и юношеством, рассказывая о жизни космонавта. Виктор Кротов более двадцати лет ведёт занятия с детьми в литературной студии «Московского реабилитационного центра для детей с отклонениями здоровья». Летом он продолжает вести занятия с детьми в лагере, пишет статьи о значении таких занятий, участвует в конференциях, выступает на радио. Екатерина Ливи-Мо-

настырская ведёт изостудию «Волшебная кисть» в ТЦСО «Бабушкинский» и так далее.

Союз литераторов шефствует над реабилитационным отделением ГКПБ им. Ганнушкина. Ежемесячно там проводятся литературные вечера, концерты бардовской песни и лекции-презентации. Это большая помощь людям, стоящим на пути восстановления после тяжёлых душевных болезней.

В рамках работы со старшим поколением наш Союз часто выступает в ТЦСО различных районов Москвы, организует не только концерты, но и занятия, связанные с раскрытием творческого потенциала наших пенсионеров.

Секции детской и юношеской литературы, документальной литературы, поэзии, прозы имеют свои собственные художественные издания, выходящие с завидной регулярностью уже много лет подряд. Неудивительно, что среди авторов литературно-художественных альманахов «Клуб №» и «Среда», главные редакторы которых — члены Союза Т. Г. Михайловская и В. К. Пряхин, — также в основном наши писатели. В свою очередь, главными редакторами альманаха секции прозы «Литературный перекрёсток» в разное время были члены Союза: Виктор Кротов, Виктор Черняк, Надежда Днепровская, Михаил Стародуб, Джангули Гвилава.

Поскольку наш Союз — московский, то естественно, что тематика произведений его членов зачастую связана со столицей России. Коренным москвичам близки проблемы города, а их идеи, пожелания и чаяния, несомненно, важны для его развития и процветания. Гражданская позиция находит отражение в посвящённых Москве жанровых сборниках, таких как «Москва. Мегapolis. Дом» (2017 г.). Но и любой наш сборник не обходит эту тему стороной. Столице посвящены и книги многих авторов МСЛ. Так, действие пятнадцати книг Марии Романушко протекает в Москве, на её улицах и переулках с их старыми и новыми названиями. Она же является

инициатором проведения Фестиваля искусств им. Л. Енгибарова. А Виктор Черняк с 2013 по 2017 год опубликовал пять книг информационно-документального содержания: «ПАЗЛЫ. Москва–2013. 365 дней одного года», «ПАЗЛЫ. Москва-2014. 365 дней одного года» и т. д. — до 2017 года.

Союз поддерживает связи с его членами, уехавшими на постоянное или временное место жительства в разные страны. Кстати, в последние годы некоторые из них вернулись в Россию и присоединились к работе своих коллег. Московские члены Союза участвуют в фестивалях, литературных встречах в различных странах, выступают не только как литераторы, но и как пропагандисты современной российской литературы. Так, Юрий Орлицкий по приглашению немецкой стороны читал лекции и проводил семинары по современной российской поэзии в Германии в 2017–2018 годах.

Авторы МСЛ публикуются за рубежом в таких странах, как Австралия, Германия, Италия, США и многих других. С 2016 года мы издаём на русском языке и распространяем в Израиле ежегодный альманах «Чаша», в котором наряду с местными авторами представлены и члены нашего Союза.

Произведения членов Союза пользуются успехом не только у читательской аудитории, но и у взыскательной литературной общественности, о чём свидетельствуют и их литературные награды.

Тексты книг членов Союза в электронном виде размещаются на нашем сайте mossouzlit.ru. На сайте, а также в социальной сети Facebook рассказывается о новостях, деятельности и текущих событиях МСЛ.

Встречая 90-летие Московского союза литераторов, его члены, думая о грядущем, готовят новые проекты.

Председатель Московского союза литераторов

Валерий Галечьян

ГЕРМАН АРУТЮНОВ

Московский союз литераторов. Член Союза журналистов России. Первая проба пера — стихи, рассказы, зарисовки в 16–17 лет. По призванию — исследователь. По образованию — журналист (факультет журналистики Московского университета), искусствовед (народный Университет культуры, лекторская

школа МГУ), по увлечению — уфолог (практическое изучение аномальных явлений в течение 20 лет). 30 лет (с 1987 по 2017) работал в журнале «Природа и человек», вёл рубрики «Познай себя», «Экология культуры», «Взгляд за горизонт», «Аномалия», открыл при журнале Центр духовного развития «Сфинкс», в котором за 10 лет прошло более 120 круглых столов, посвящённых загадкам бытия. Параллельно 5 лет работал в журнале «Народное творчество», изучая феномен русского обряда. По соционике — генератор идей. Призвание — делать открытия, формировать взгляд, будить фантазию. «Войди в картину», «Огонь, мерцающий в сосуде», «Часослов бытия», «Вечные ценности» — не просто книги, это метод автора осваивать любое информационное пространство, входя в резонанс с темой. Ему интересны исследования загадок жизни и природы человека, особенно русские обряды и процесс творчества. Планы — книги по аномалиям, искусству, музыке и народному творчеству. Живёт в Москве.

ГЕОРГИЙ ДЬЯЧЕНКО

Историк, философ, уфолог. Сотрудничал с журналами «Феномен», «Аномалия», «Загляни за горизонт», «Экология непознанного», «Гармония», «Природа и человек». Проживает в Киеве.

Любой из нас магнит

Как часто в жизни мы просто живём, живём обычной земной жизнью, в беспрестанных делах, заботах, а кто-то рядом с нами всё время делает открытия. А мы не удивляемся этому, даже не замечаем. С одной стороны — потому, что открытия делают дети, а мы, взрослые, сами открытия делать перестали. А с другой... наверное, потому, что **видеть в обычном необычное** — это Божий дар, который не всем даётся.

У Германа Арутюнова этот дар есть. Тридцать пять лет я выписывал журнал «Природа и человек» и в 1988 году сразу заметил в нём появление нового автора. Первая его статья «Я мыслю образами» была посвящена женщине-факиру Светлане Тим. Помню, меня тогда поразило **его открытие** — среди причин, почему хождение по острым саблям не причиняет ей вреда, **он выделил мысль о единстве «поля»**, которая помогала факиру. Светлана представляла себе, что её тело и сабли — это единая среда. Точно так же как йог, перед тем как выпить соляную кислоту, представляет себе, что он и кислота — это одно целое. И кислота не причиняет ему вреда.

Открытие было вроде бы не глобальным, касалось редкого, нетипичного явления. Ну в самом деле, многие ли из нас ходят по саблям, а поэтому так ли уж важно, что помогает

не порезаться? И в то же время мысль о единстве «поля» ему тогда показалась интересной, пошли аналогии. Сразу вспомнились слова Маугли: *«Мы с тобой одной крови, ты и я»* — из «Книги джунглей» Р. Киплинга, слова, которые помогали снимать все различия, напоминая о единой природе всего и вся на этой планете. То есть узкое одиночное явление (хождение босиком по саблям) вывело на всеобщность.

Проработав несколько лет в журнале, который исследовал загадочные явления природы, Герман стал вести именно эти темы — видимо, потому, что **по натуре он — исследователь**. Глубоко влезая в каждую тему, ездил в командировки по России, изучал места и условия, опрашивал массу людей. Потом сидел в библиотеке, листал журналы, книги. Видимо, по той же причине к каждой теме, которой занимался, будь то

гравитация,
 снежный человек,
 биолокация,
 магнетизм,
 гомеопатия,
 телекинез,
 полтергейст,
 реинкарнация,
 места силы,
 летаргический сон,
 левитация

и многое другое, он стал подключать учёных и любителей, всех, кому было интересно. С этой целью открыл при журнале Центр аномальных явлений и духовного развития «Сфинкс», где каждый месяц собиралось 50 и более человек, приглашались известные люди и проводился как бы мозговой

штурм темы. Потом это находило отражение в журнале, в печати, на радио, на телевидении.

Неудивительно, что со временем Герман Арутюнов стал экспертом в области загадочных, аномальных явлений и его, как и других авторитетов, таких, например, как руководитель «Космопоиска» Вадим Чернобров, стали приглашать исследовать разные случаи аномалий. И каждое приглашение заканчивалось буквально открытиями.

Например, его поездка в Воронеж к метрологу Генриху Силанову, который, много лет исследуя долину реки Хопёр как место силы, обнаружил, что местная природа (воздух, вода, камни, деревья), как магнитофон или видеокамера, может записывать всё происходящее. И то ли это от того, что здесь какая-то магнитная аномалия, то ли здесь находятся какие-то особые электромагнитные поля, то ли вообще **вся природа, везде, независимо от места, может записывать происходящее (!)**. А до сих пор считалось, что *«магнитная запись основана на свойствах некоторых материалов сохранять намагниченность»*. Во всяком случае, звукозапись или видеозапись так или иначе связана с магнитами, неспроста одно из записывающих устройств назвали магнитофоном.

А проявить записанное, воспроизвести его, оказывается, можно, возбуждая пространство генератором высокой частоты и снимая тут же фотоаппаратом со специальным кварцевым объективом. Силанов пришёл к этому после многочисленных опытов. И тогда проявляются образы прошедших времён, правда, не последовательные, как листание страниц времени — день за днём, час за часом, а отдельные, как бы случайные: двадцати-, пятидесяти-, столетней давности...

Это было настолько потрясающе, настолько необычно, что, как и Силанов, Герман буквально «заболел» этой темой, потому что это было не просто открытие в какой-то одной области, но как бы ключ к нашему миру. Это значит, что **любое преступление, совершённое где бы то ни было, записывается природой и может быть расшифровано.**

А с другой стороны, наш интерес к чему-либо растёт в зависимости от степени нашей намагниченности. А намагниченность зависит от трения и от движения проводника в магнитном поле. Значит, двигайся в теме взад-вперёд — и будешь намагничиваться...

Общение с Силановым в Воронеже было похоже на творческое «опьянение» или даже горение в преддверии открытий, как в знаменитой книге Даниила Гранина «Иду на грозу». В результате Герман написал статью «О чём помнит поле», которую потом перепечатали многие российские газеты и журналы, и стихотворение «Магниты», которое мне очень нравится и отражает, как мне кажется, его эрудицию и творческий потенциал:

«Любой из нас магнит. Плюс — в голове
У нас, а минус носим на подкове,
Так дерево, рассеяв плюс в листве,
Прессует минус в корневой основе.
Меж минусом и плюсом пустота?
Иль вещество, сверхсжатое, как воля?
Рассеянное, словно простота,
Иль чуткое, как луч в магнитном поле?
Поля... мы в них на миг или на час

Врываемся, ломая их тиранство.
 Поля сплошные окружают нас,
 Поля друг друга и поля пространства.
 Земля, Сатурн, Венера, все планеты
 Полями многослойными одеты...
 Любое поле стоит изменить —
 Натянется вся мировая нить,
 Вся паутина вмиг придёт в движение,
 Изменятся повсюду напряженья.
 Зашепчется таинственно листва,
 Трава, немая прежде, «Я — трава», —
 Прошепчет, беззащитно замирая,
 И клёна лист, над спичкою сгорая,
 Проречет, проскрепечет: «Это я...»
 И всей природы сонная семья
 Проснётся разом, пробудясь от спячки,
 И, как больной в палительной горячке,
 Загомонит, глотая части фраз...
 Мы слушаем и слышим, не внимая
 И многого пока не понимая...
 Но тлеет, тлеет пониманье в нас!»

Или его экспедиция на Памир, где он с Михаилом Трахтенгерцем, секретарём Смолинского семинара при Дарвиновском музее, облазил почти весь Гиссарский хребет в поисках йети, или снежного человека. Йети не встретили, но удалось пообщаться с очевидцами, например с учителем из

Душанбе Замиром, брат которого после встречи с этим существом сошёл с ума. С тех пор Герман увлёкся этой темой, поскольку йети — нижняя ступенька к современному человеку, к периоду, когда прямохождение, мелкая моторика и развитие речи как раз и сформировали нашего предка.

Отсюда всплыла ещё одна тема — общение с природой на её языке, лесные знаки американских индейцев и охотников-хантов, юкагиров, других малых народов, поскольку этот язык использует в общении и снежный человек, а современный человек практически утратил. Лесные знаки, которые являются кодами для запоминания целых пластов информации. Ведь на этом построены фольклор и вся наша устная народная культура, только вместо лесных знаков — звуки, ритм, повторы... Какие пласты устной культуры исчезнувших народов ещё ждут своей расшифровки! И после этого историки будут продолжать говорить, что без письменности нет культуры?

А какой ажиотаж вызвала серия статей Арутюнова в журнале «Природа и человек» о собаке Марте, которая несколько лет спала летаргическим сном! В редакцию со всех концов страны и из-за рубежа приходили мешки писем, потому что эта тема до сих пор остаётся малоисследованной и полной загадок. Даже сейчас не совсем понятно, почему человек впадает в летаргический сон и почему, находясь в нем 10, 20, 30 лет, остаётся молодым, таким, каким уснул, а потом, проснувшись, сразу стареет. И если медведи впадают зимой в спячку, то почему человек не может? Помню, как Герман несколько раз встречался с главным специалистом по сну не только у нас в стране, но и в мире — академиком Вейном — и рассказывал мне, сколько интересного он открыл для себя. Например, то, что в летаргическом сне человек не стареет, возможно, потому, что через подсознание подключается

к всемирному банку информации (Солярису), в том числе и к своему родовому древу. Этим, наверное, можно объяснить и то, что в природе все живые существа, кроме человека, могут бесконечно долго ждать, нисколько не тяготясь процессом ожидания.

Самое удивительное, что случилось с самим Германом, — это полтергейст (с немецкого — «шумный дух») — аномалия, свидетелем которой по статистике становится один из миллиона. А здесь экологическая комиссия при районном Совете народных депутатов пригласила его, как эксперта по аномалиям, в обычную московскую квартиру, где происходили непонятные явления:

сама собой двигалась мебель,
 выкручивались лампочки,
 проворачивались замки во входной двери,
 летали разные предметы,
 загорались обои,
 на стенах проступала влага.

Кроме того, звучал сдавленный хриплый голос, с которым можно было общаться и который Герману удалось записать на плёнку, — едва ли не единственный в России случай записи голосового полтергейста... Из зарубежной прессы известен только один такой случай — шведский кинорежиссёр Фридрих Юргенсон в конце 50-х годов случайно записал на магнитофон вдруг зазвучавший голос своей умершей матери. Хотя этот случай, наверное, правильнее отнести к открытию Силанова, потому что Юргенсон записывал в саду пение птиц, а потом, при расшифровке плёнки, услышал голос матери. Значит, сад записал голос, а потом почему-то позволил воспроизвести его...

Целую неделю Герман вместе с членами комиссии по очереди дежурили в злополучной квартире, фиксируя буквально по минутам всё происходящее, чему он потом посвятил несколько круглых столов в своём Центре «Сфинкс» и что описал потом в нескольких статьях, которые растиражировала пресса. Осмысливая события и все возможные версии, он открыл для себя, что и полтергейст, и другие аномалии сопровождаются резким изменением четырёх факторов:

времени (может ускоряться или замедляться),
температуры (может подскакивать или падать),
давления (огромные перепады) и
повышения уровня радиации.

Радиация — это особая тема... Изучая разные аномалии, а также разных экстрасенсов, знахарей и народных целителей, Герман не раз замечал, что в воздухе пахнет озоном, с рукавов рубашки сыплются искры, и возникает свечение. А однажды в городе Черновцы поднесённый на его глазах к воде, заряженной одним из экстрасенсов, счётчик Гейгера застрекотал, показав превышение дозы радиации. И по аналогии, что яд может быть и лекарством — всё зависит от дозы, у него мелькнула догадка, что **радиация несёт в себе не только смерть, но и жизнь**. Тем более что, по версиям некоторых учёных, радиация возникает при ударе, да и само происхождение жизни на Земле произошло под воздействием радиации. Так возникла интересная идея осмыслить тему «Радиация и творчество».

Для него это уже стало привычкой — когда что-то интересно, проводить как бы мозговой шторм темы с привлечением разных людей, причём повернув её под каким-нибудь

интересным углом. Так и тут — с этой темой он выступил на одном из литобъединений. Надеялся, что собравшиеся его поддержат, подготовятся, выскажут какие-то идеи. Увы, никто не подготовился, просто выслушали. Но он не очень огорчился, потому что самому было интересно. Даже сложились два стихотворения, которые он назвал «Облучение» и «Ода удару»...

В первом, затрагивая такой аспект радиации, как облучение, он побуждает задуматься о радиоактивности человеческого взгляда. Ещё Сократ 2400 лет назад в одном из своих диалогов задумался о силе взгляда: *«Красавицы страшнее тарантулов, так как тарантулы прикосновением впускают что-то, а красавицы даже без прикосновения, если только смотрят на тебя, впускают что-то такое, что сводит человека с ума».*

«Облучение»

«Зачем меня ты облучил,
Взглянув опасным взглядом?
Меня ты как бы зарядил
Каким-то там зарядом.
Молекул, атомов пошло
Теперь во мне движенье.
И даже, кажется, пришло
Тут чьё-то отраженье!
Одним я глазом на другой
Могу теперь смотреть.
И бровь могу теперь дугой
Я мыслью подпереть!»

Во втором речь идёт о происхождении радиоактивности, что до сих пор среди физиков вызывает бурные споры. Удар — одна из версий. Но Герман поворачивает эту версию под бытовым углом, и получается и интересно, и забавно...

«Ода удару»:

«Однажды мне заехали по уху.
Случайно в потасовке меж гостей.
И я не то чтобы лишился слуха,
Наоборот, стал слышать всё ясней.
Приятель мой, на свадьбе веселяся,
В глаз получил. И видел лишь едва.
«Ослеп!» — кричал он, дико матерясь.
Но к ночи видел зорко как сова.
Сойдя с трамвая, я задел случайно
Стоящий рядом телеграфный столб,
Который закрепил чрезвычайно
Во мне упрямый творческий апломб.
А как о ствол долбит башкою дятел —
Пытается до Бога докричать.
И, сколько б он ударов ни потратил,
Дано ему без усталости стучать.
Простой удар — но как он животворен,
Какой несёт крутой потенциал...
Лишь потянуть за этот чудный корень —
Эйнштейн тут и рядом не стоял.

Ударил фрукт по голове Ньютона,
 И он открыл известный всем закон.
 А если б не ударил, без закона
 Сидели б мы за этим вот столом.
 Как возникает жизнь? Опять удару
 Обязаны и жизнь, и всё вокруг.
 Два тела астероидных на пару,
 Столкнувшись, высекают искру вдруг.
 Из искры, знаем, возгорится пламя,
 А в нём зародыш жизни огневой,
 И пламя разгорается, как знамя,
 И в космосе летит по круговой...»

Может быть, это шуточный бред, а может быть, открытие. Недаром же говорят, что нечто **новое в жизни всегда чуть-чуть за рамками здравого смысла, потому что принадлежит будущему.**

И вот в одной из своих последних книг «Вечные ценности» Герман пишет о вроде бы привычных для всех нас понятиях, но **в каждой главке свои открытия, и в каждой один и тот же «мотор» — повторы.** Кто из нас задумывался о повторах как о механизме преобразования материальной энергии в духовную? Почему в компьютере повторы не рожают ничего нового — для этого нужна новая программа, а у живых существ при повторах (например, мама-волчица учит волчат охотиться) возникают новые качества?

Оказывается, **при определённом количестве повторов происходит переход количества в качество.** Скажем, шаман, чтобы вызвать дождь, танцует вокруг костра и бьёт в

бубен. Сколько кругов он должен сделать и сколько раз должен ударить в бубен, чтобы пошёл дождь? А это зависит от многого: его состояния (запас энергии) и настроения, состояния среды (костёр, публика, музыка, погода), каких-то мелочей (удобные унты, добротная малица), чистоты настройки на иные миры. Но чтобы всё это сработало, он должен танцевать, делая **одни и те же** движения, совершать **повторяющиеся круги** вокруг костра. Тогда на каком-то витке *«цепь замкнётся, и по ней пойдёт ток»*.

Так и с вечными ценностями... Сколько раз каждая из них должна прокрутиться в сознании ребёнка, чтобы стать ценностью и тем более вечной, то есть превратиться в оберег? Никто не скажет. Но одно точно: если не пропускать их через себя, не осмысливать, не обсуждать, **если не включать механизм повторов, ничего не будет**.

Повторы действуют не только в священных и намоленных местах (святынях, храмах, мемориалах), где совершаются чудеса, но и в толще самой обычной жизни, которой все мы живём. Известна общая для всех фраза, с которой обращаются к каждому из нас и которую каждый из нас не однажды произносит: *«Сколько раз я тебе говорил (говорила), а ты только сейчас делаешь...»* Потому и делают, что столько раз говорили... Не важно, после скольких раз доходит, — важно, что без повторов дошло бы не скоро. Или вообще бы не дошло.

Почему во всех монастырях монахи по много раз переписывали священные книги? По той же причине — чтобы сработал **священный механизм повторов**. Почему в тибетских храмах монахи постоянно крутят барабаны с записанными на них изречениями мудрых? По той же причине — чтобы сра-

ботал **священный механизм повторов**. Почему кришнаиты постоянно поют одни и те же мантры? По той же причине — чтобы сработал **священный механизм повторов**. Почему я сейчас всё это повторяю? По той же причине — чтобы сработал **священный механизм повторов**.

Странно, что о таких, казалось бы, очевидных вещах никто не говорит и не пишет. То есть, конечно, говорят и пишут, но не выделяя повторы как волшебный механизм. Это делает Герман Арутюнов — спокойно, рассудочно, без архимедовского выскакивания голым из ванны и криков «Эврика!», но последовательно и повторяясь, зная, что повторы сами сыграют свою роль.

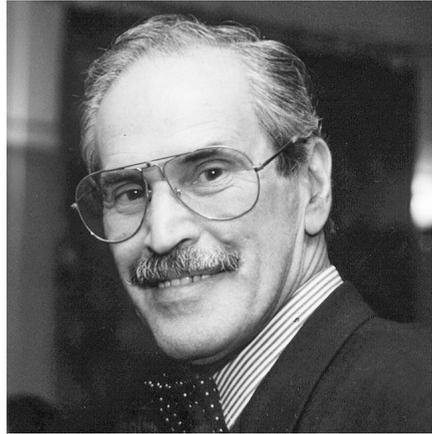
Как в забавном ирландском лимерике (шутливом стишке):

«Жил на свете разумный супруг,
Запиривший супругу в сундук.
На её возражения
Мягко, без раздражения,
Говорил он: «Пожалте в сундук!»

(Эдвард Лир, перевод Григория Кружкова)

АЛЕКСЕЙ БАТАШЁВ

Московский союз литераторов. Музыкант, музыкальный критик, историк джаза. В 60-70-е годы читал курс лекций по истории джаза в клубах и домах культуры. Автор многих статей о джазе и первой монографии «Советский джаз»(1972); один из основателей Международной джазовой федерации при ЮНЕСКО, организатор множества концертов и фестивалей джаза в СССР и РФ. Автор семейной хроники «Баташи» (2002). Председатель Российского союза профессиональных литераторов. Заслуженный деятель искусств РФ.

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВСКАЯ

Московский союз литераторов. Поэт, прозаик, литературный критик. Окончила филологический факультет МГУ. Заслуженный работник культуры РФ. С 2004 по 2020 год — Председатель Российского союза профессиональных литераторов. Работала редактором в отделах критики различных журналов («Литературное обозрение»,

«Октябрь», «Новое литературное обозрение»); в начале 2000-х была главным редактором журнала о книгах «Библио-Глобус». Составитель и редактор многих сборников и альманахов. Приоритет её профессиональных интересов — независимая литература XX века (самиздат). В 90-е годы прошлого века под её началом выходили книги Генриха Сапгира, Андрея Сергеева, Игоря Холина, Дмитрия Пригова, Георгия Балла, а позже Ры Никоновой, Анны Альчук, Дмитрия Авалиани. Организатор и ведущая литературного Георгиевского клуба (1995–2001), еженедельные собрания которого приобрели международную известность. Автор уникального выставочного проекта «Дом со стихами» (выставки в Государственном музее В. В. Маяковского (2001), в Государственном музее декоративно-прикладного искусства (2006)). Составила альманах короткой прозы «PRO/за», семь выпусков которого вышло в составе ежегодника «Меценат и мир». Организовала при Русском ПЕН-центре «Центр поэтической книги» с обширной библиотекой современной поэзии. На базе этого Центра начиная с 2012 года издаёт ежегодный альманах «Клуб N». Сборники стихов: «Вечерний свет» (1982), «Солнечное сплетение» (1995), «То есть» (совместно с Р. Элининым) (1998), «Парад-алле» (2005), «Отражения в воде» (2009), «Земные времена» (2011). Её стихи переводились на польский (журнал *Metafora*) и сербский (журнал «Паун») языки. Сборник рассказов «Ерундопель» (2009), роман «Дама у окна» (2017). Публикации в альманахе «Черновик», журналах «Нева», «Стрелец», «Крещатик», «Меценат и мир», «АКТ», «Стороны света», «Чёрное море», «Кукумбер», «Арион», «Арагаст», газете «Русская мысль» и других изданиях. Член жюри многих поэтических конкурсов. Лауреат Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

Воспоминание в ритмах джаза

Те, чья юность пришлась на 60-е годы прошлого, XX века, наверняка помнят то ощущение всего нового повсюду — в быту, в мыслях, в искусстве. Новые художники показывают свои картины в подвальных мастерских, новые поэты и барды выступают в студенческих аудиториях, новая музыка звучит на танцплощадках, цветомузыку Скрябина можно послушать в одном кинотеатре, а в кафе вертящиеся шары бросают цветные блики на стены, на бокалы с коктейлями, на посетителей, которые молоды, молоды, молоды... Высокий стройный темноволосый человек в белой рубашке и галстук-бабочке — артист! — колдует у аппаратуры.

«Лёша! Время!» — кричит кто-то с другого конца зала. Человек в галстук-бабочке оглядывается и машет рукой. Начинается музыка. В этот вечер мы слушаем в записи Эллу Фицджеральд и Лёша рассказывает и о самой певице, и об её исполнении спиричуэлс. Потом в каком-то клубе я снова вижу этого молодого человека, опять же при бабочке, и слушаю его лекцию о джазе, о творчестве великого Сачмо — короля джаза Луи Армстронга. Всё впервые.

Я знаю, что человека в галстук-бабочке зовут Лёша и он музыкант, специалист по джазу, но фамилия его мне неизвестна. Разумеется, я не догадываюсь, что устроитель джазовых лекций, а позднее, в 70-е и 80-е — концертов и фестивалей, в 90-е встанет во главе Российского союза литераторов, будет создавать его устав и добиваться в Думе принятия Закона о творческих работниках и творческих союзах. И уж конечно, в мою юную голову не приходит мысль о том, что в начале нового века я буду писать о его книге «Баташ»,

посвящённой многочисленным предкам древнего рода Баташёвых, представляя её в книжном журнале. Много лет автор, теперь уже величаемый по имени-отчеству — Алексеем Николаевичем, начав с семейного архива, занимался изучением прихотливых извилов своего родословного древа, в котором и купцы-заводчики, и военные, и мастера, занявшие своё место в истории. Образец самого добросовестного тщательного исследования, научный метод, применённый к семейной хронике.

Алексей Николаевич Баташёв сыграл выдающуюся роль не только в развитии и популярности джаза в нашей стране. Трудно переоценить его роль в укреплении молодого Российского союза профессиональных литераторов. Самые трудные годы — 90-е, до 2003 года он был его председателем. Всегда энергичный, подтянутый, неизменно в галстук-бабочке, он внушал оптимизм и уверенность в будущем нашего профессионального сообщества. Благодаря его усилиям совместно с усилиями тогдашнего председателя Московского союза литераторов Виктора Анатольевича Соколова мы выдержали и внутреннюю неразбериху, и судебные страсти, и бюрократические препоны. Без этих усилий нашей творческой организации сегодня не было бы.

Но мы уже забываем переживания и испытания прежних лет, мы не оглядываемся на прошлое, а надо помнить, ведь это своего рода семейная хроника Российского союза профессиональных литераторов, и Алексей Николаевич Баташёв — яркая активная личность, действующее лицо его истории.

ТАТЬЯНА БРАТКОВА

Московский союз литераторов. Заслуженный работник культуры РФ. Окончила МГУ, факультет журналистики. Начинала в газете «Московский комсомолец», в 1964 году вступила в Союз журналистов и всю дальнейшую жизнь работала как внештатный корреспондент разных журналов. Много ездила по стране, печаталась в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Дружба народов» и других. Автор книг «Дорога проходит под радугой», «Бремя взросления», «Пусть будет радостью дорога». Более двадцати лет возглавляла секцию очерка и публицистики Союза литераторов.

ЛИНА ТАРХОВА

Московский союз литераторов. Член Союза журналистов, член Союза писателей Москвы. Окончила факультет журналистики МГУ, была принята в «Московский комсомолец», затем несколько лет работала в журнале «Смена», из ко-

торого ушла в поисках свободы творчества. Сотрудничала со многими журналами. Лауреат премий журналов «Работница», «Дружба народов», «Знамя». Автор книг «Заложники Кремля», «Что случилось с женщиной», «Как уберечь ребёнка от тюрьмы и панели» и других.

Я шла по её следам

Так получилось, что, прежде чем повстречаться с Татьяной Братковой, я долго шла по её следам. Начинаю работать в «Московском комсомольце», только что окончила МГУ, никого в редакции не знаю. Первые разговоры с коллегами. «А ты Браткову знаешь?» — «Нет. Кто это?» — «Танька Браткова — красавица и журналист что надо! Жалко, только что уволилась». Через пару лет сдаю статью в комсомольский журнал. «Слушай, а ты Браткову знаешь?» — «Не знаю». — «Только что от нас ушла, жаль. Красавица. И пишет здорово». Ещё через несколько лет, собираясь вступить в профком литераторов, ищу, кто бы мог дать мне рекомендацию. В редакции толстого журнала: «Там Браткова, наш человек». — «Красавица, умница?» — «Именно. Так ты её знаешь? Не знаешь? Всё равно иди к ней».

Так, след в след за Таней, я пришла в наш Союз. Мы как-то сразу подружились. Татьяна говорит о себе: «Я — профессиональная подруга», что означает: за друга — в огонь и в воду. Нас соединяют сорок с лишним лет безупречной (надеюсь, и с моей стороны тоже) дружбы. Таня категорически отмечает, как ложную, поговорку «Платон мне друг, но истина дороже». Если слышит столь привычное, не молчит. «Нет! —

произносит она чуть высокомерно. — Друг — всегда друг!» Подразумевая, что друг не случаен, выбран сердцем из многих, навсегда. А с истинами иногда такое творится...

Неуживчивая красавица — надёжный единомышленник, а когда надо — и крепкий орешек. Она больше двадцати лет была председателем секции очерка и публицистики, это сильный лидер. Но главное, что восхищает в Братковой, — страстность, с какой она берётся за любое дело, ей интересное.

90 лет истории нашего Союза — это история выживания, серия крупных и не очень крупных катаклизмов. Одно из потрясений пришлось на Танино председательство. 90-е годы, профсоюзные боссы решили окончательно подмять под себя литераторов. Готовилась конференция, на которой всё и должно было как бы законно утвердиться. Наш куратор от профсоюзов, судя по его поведению (а нам приходилось чуть ли не ежедневно с ним созваниваться, что-то обсуждать), мысленно уже праздновал победу. И какой же ждал его конфуз...

Союз готовился к решающему дню. Наша секция перенесла всю работу к Татьяне на дом. Готовились выступающие, писались документы... Бесперывно стучала пишущая машинка, телефон не умолкал. Смольный 1917 года! Браткова тогда ещё курила, и дым стоял коромыслом. Без конца кто-то звонил в дверь. Лёню, Таниного мужа, возвращавшегося домой после работы, не раз строго спрашивали: «А вы кто такой?», боясь впустить соглядатая «с чужого берега».

Этот день помнят участники конференции. Выступающие с нашей стороны были хороши. Но, думаю, враг дрогнул, когда слово взяла Браткова. Наш председатель Союза Алексей Владимирович Владимиров называл Татьяну «громокипящим

кубком». Она — великолепный оратор, у неё громкий, красивый голос. И «кубок» прогрохотал! Это был день победы.

Таня — типичный представитель той лучшей части журналистики, которая сформировалась в СССР. В западном — или общекультурном — понимании журналист — это объективный свидетель событий, явлений. И только. А в СССР он был отчасти и правозащитником, поскольку больше жаловаться было некому. Мы как могли старались помочь своим героям, боролись за них.

Работая в газете «Молодёжь Якутии», Браткова, конечно же, не могла не оказаться в самой дальней, самой трудной жилой точке республики — в посёлке Русское Устье. Она была первым журналистом, которого занесло на этот край тундры. До Якутска — два часовых пояса, 80 километров — до Ледовитого океана. Там, на берегу Индигирки, живут неведомо как попавшие туда русские люди, род занятий — песцеловы. Ни в коем случае не охотники: они белого полярного песка не бьют, а ловят при помощи самодельных ловушек из брёвен, которые выбрасывает на берег река.

Первым из русских людей, подробно написавшим в 1912 году об этом диковинном месте и его обитателях, был сосланный в Устье политический ссыльный, левый эсер Зензинов. Это место, написал он, «лежит на пределе человеческого жительствова вообще». Он не нашёл там ни одного грамотного человека. Календарь — палочка с зарубками, отмерить время — «чайнику доспеть», «мясу свариться».

Тане рассказывали, в каких условиях жили устьянцы, а кто-то и по сию пору живёт — в рассыпанных по тундре зимовьях, поселения считали не по домам, а по дымам. В 30-е годы прилетел первый разведывательный самолёт — так

люди со страху разбежались кто куда. Только в кино видели они леса, поля, высокие дома...

Медленно ползла цивилизация в сторону Русского Устья. Лишь в конце 60-х годов там появились фельдшерский пункт и магазин. Домишки свои топили тем, что выбросит река. Круглые сутки, с конца августа по июнь, закидывали в железные бочки щепки, пеньки, коряги. Ребятишек, уходя из дому, привязывали верёвками к спинке кровати, чтобы не дотянулись ручонками до малиново-красной жаркой печи.

Страшными бедами грозит людям жизнь в этом краю земли. «Почти каждый год, — пишет Татьяна, — берёт коварная Индигирка человеческие жертвы. Привыкшие постоянно быть на воде, мужчины порой теряют осторожность в обращении с лодкой с мотором. Николай Портнягин неправильно переключил скорость, лодка резко рванулась вперёд, и он упал в воду. А это — верная гибель в здешних краях: температура воды в Индигирке никогда не поднимается выше 1–2 градусов».

Николай — сын старинной знакомой Татьяны. «Что творилось в её материнском сердце? — пишет она. — Ведь где-то, впаянное в ледяную глыбу, неслось, как в вечность, в безбрежный простор Ледовитого океана тело её сына, самого младшего, самого любимого... Что встаёт перед её глазами, когда она, сидя за столом, склонившись над какой-нибудь работой, вдруг зайдётся в полувздохе, полустоне?».

Почему-то мне кажется, что эта картина — склонившаяся над столом женская фигура — напоминает Тане её мать. Таня не раз говорила: «Меня никто не воспитывал. Меня воспитывала мамина спина, вечно склонённая над письменным столом». Мама — профессор МВТУ имени Баумана. А отца

Таня никогда не видела. В проклятом 1937 году ему, молодому инженеру, уже кандидату наук, было предложено срочно написать автобиографию. Предложено представителем серьёзного органа. Для чего? Почему непременно срочно? Никто ничего не объяснял. А у отца в роду были немецкие корни. А время было страшное. И он посчитал, что ничего хорошего это не сулит. И сам развязал затянувшийся узелок. Все было оформлено как несчастный случай.

Таня подолгу сидит у старой женщины, потерявшей сына. «Осиротел отчий дом! — протяжно повторяет Катя, и я знаю, что сделаю, когда вернусь в Москву. Я пойду в один старый переулок у Бульварного кольца и буду долго стоять возле большого старого дома, где прошли мои детство и юность, и смотреть на два высоких окна на втором этаже. И благодарить Бога, в которого не верю, что дом этот будет стоять здесь и тогда, когда меня уже не будет на свете».

...Несколько командировок в Устье; одна, летом, растянулась на два месяца. Можно себе представить, сколько было тревожных заметок в «Молодёжи Якутии» о проблемах Русского Устья, в скольких кабинетах чиновников звучал «громокипящий кубок». Положение коренных жителей Крайнего Севера катастрофическое!

Пришло время и столичной прессы. Браткова напечатала большой очерк в «Литературной газете» и с трепетом ждала: как-то воспримут его устьянцы? «В первое утро иду по посёлку, и от каждого дома то хозяин, распрямившись с топором в руке, то хозяйка, оторвавшись от чистки рыбы, кричат мне: «С приездом, Васильевна!» Зовут в дом, угощают юколой, приглашают вечером на строганину, делятся новостями. «С банькой беда, по весне под воду ушла». «А у Варякиных

третья девчонка родилась. Иван смеётся — будем, говорит, стараться, пока охотника не родим». «Сезон хороший был, песка богато. А рыбка нынче омалилась, только кормиться». Спасибо тебе, жизнь, за это утро».

Как решить проблемы устьинцев, которые даже огорода для прокорма завести не могут — вечная мерзлота не даст? Без господдержки северным народам не выжить. Но для этого государство должно выделить, выдавить из своего бюджета огромные деньги. Об этом — большой очерк Братковой в «Новом мире». «Могу ли я предложить выход? Я только могу сидеть в библиотеке над подшивкой газеты «Якутия», выискивая статьи и заметки о положении Крайнего Севера и чувствуя, как леденеет сердце. Все они — как крик о помощи с тонущего корабля. В отличие от большинства людей, для которых это — пусть страшная, но просто информация, я вижу лица, исчезающие навсегда. И для меня этот очерк — как вскинутая вверх в последнем прощании рука. Прощайте!»

Но не «прощай» профессия, которая неизменно изменилась в новом веке — не каждый литератор находит себя в ней. Но мы-то живы, и нам тоже есть что сказать. Десяток лет назад Татьяна предложила: давайте издавать сборник нашей секции. Что? Зачем? Кому это нужно? Убедила, придумала название, немного корявое, но его все запомнили: «Одна рубашка для двадцати одного литератора». Тогда по неопытности редколлегия привлекла к работе женщину, которую Тане кто-то рекомендовал, а та оказалась мошенницей. Собрала с авторов деньги и улетучилась. Наша максималистка вложила в издание все украденные тысячи; как мы ни уговаривали её принять наши рубли, не взяла ни одного. «Я её породила, я её и убью».

Сборник, оказалось, очень нужен; каждый год, как из пушки, вылетает толстый том. Правда, название всё же присвоили новое — «Посиделки на Дмитровке». Последний — №11.

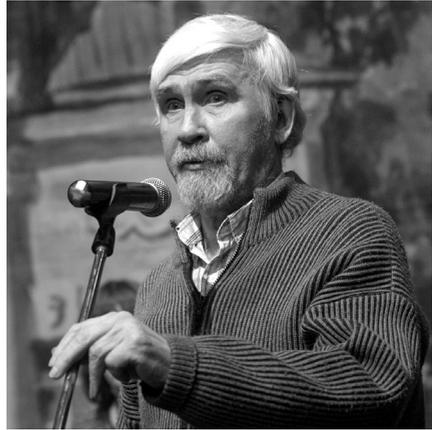
А недавно, на девятом десятке лет, Таня начала писать стихи. И это не рифмованные строчки, а, смею думать — поэзия.

Шторм отсиял, могуч и громок,
И на мели
Остались жалкие обломки —
Твои. Мои.

Краюха высохшего хлеба.
Вода, чтоб пить...
Восход. Закат. Овчинка неба.
И надо жить.

ДМИТРИЙ ВЕРЕЩАГИН

Московский союз литераторов. Дмитрий Иванович Верещагин родился в 1941 году в Пензенской области, в селе Ильмино. Окончил Пензенское художественное училище и Литературный институт. В 1970–1980-е годы публиковался в периодической печати, преимущественно детской. В 2004, 2005 и 2007 годах в Германии печатался его роман «Больница». Состоял в секции детской и юношеской литературы Московского союза литераторов с 1984 года.

ПЁТР ШАРГАНОВ

Московский союз литераторов. По образованию архитектор, в течение последних 30 лет занимается литературным творчеством. Публиковался в газетах, журналах, альманахах, литературных сборниках. Писал сценарии к документальным фильмам, стихи к музыкальным произведениям. Избирался председа-

телем (2001–2016 годы) секции детской и юношеской литературы Московского союза литераторов.

Силуэт в проёме двери в малый зал творческого союза

*Памяти Дмитрия Ивановича Верещагина
(1941–2019)*

В небольшом зале литсоюза полумрак. Я пришёл раньше всех. Открыл ключом дверь, распахнул настежь. Жду. Коридор ярко освещён. Наконец — скрип лестницы. Размеренный командорский шаг выдаёт с головой второго участника собрания.

В полумраке зала на фоне света из коридора вырисовывается внушительная фигура. Высокий, прямой, в жёстком, коричневой кожи пальто с проплешинами. В широкополой шляпе. Кто это? Гаучо из страны Серебра и Огненной Земли? Нет, пожалуй, не Гаучо — не звенят колокольчики на шпорах его сапог, и нет замшевых краг на его руках. Да и докуренная наполовину сигара в зубах не чадит невольничьими плантациями. Впрочем, он и вовсе не курит.

Тот, кого я принял за Гаучо, разоблачается не спеша, обращившись ко мне, и я вижу спокойное лицо, взгляд холодный, сухой и твёрдый — ну точно такой же, как следующее за тем рукопожатие — холодное, сухое и твёрдое.

Ба! Да это — Дмитрий Иванович Верещагин!

В его лице нет ничего лишнего. Оно вырезано одним махом резца. Если Дима молчит, то рукопожатие весьма красноречиво. Во-первых, оно долгое, но не чересчур; во-вторых, сообщает мне всё ту же личную, годами выстроенную симпатию, отношение почти родственное; в-третьих — понимание меня как равную ему, даже в чём-то превосходящую его натуру... в недостатках.

Молчание резко прерывается, и завязывается разговор с пол-оборота о самом главном — о любви.

— У моего любимого Иоанна Златоуста, — тихо-доверительно говорит мне Дмитрий Иванович (вероятно, поднимаясь по лестнице, он беседовал с ним), — есть такая мысль о любви: «...даже язык Ангелов не в состоянии в совершенстве исследовать её». А я думаю — у Ангелов прекрасные лица, но на них никогда не бывает слёз... Нет, это, кажется, не я, это Метерлинк сказал...

Пол уходит из-под моих ног и превращается в скалистый берег Эгейского моря, а декабрьский студёный московский вечер за окном — в слепящую беспощадным солнцем Антиохию. Теперь в окне за моей спиной — не задворки Малого Манежа, а очередное стойбище Великого шёлкового пути.

Я тоже завожусь с полуоборота: «Боящийся не совершенен в любви», — парирую словами другого Иоанна — моего любимого. Минут семь мы сосредоточены на теме, близкой нам во всех аспектах.

— А вот у Игнатия Брянчанинова... — от удовольствия, принесённого беседой, причмокивает Дима...

Не замечаем, как появляется следующий посетитель, точнее, писательница.

— Димочка! Как я рада тебя видеть! — ...И мы снова в нашем столетье.

Да, Дмитрий Иванович — украшение секции. Его все любят. Ему все рады. Он предупредителен, естественно галантен, всегда первым очередной даме поможет снять манто. Однако до фамильярностей он не приближает к себе никого, всем своим возвышенным видом олицетворяет завидное, но недоступное лицо мужского пола, без видимых недостатков.

Я уже говорил: он высок и строен. Строен оттого, что сухощав и, как говорили в старину, «ладно скроен». Откуда привычка держаться прямо — может, с молодых ногтей внушили, спортивная юность или увлечение балетом? Во времена наших бабушек и дедушек, отдавая в учение с детства, лупили

линейкой или розгами, приговаривая: «выпрями спину, балбес» или «сядь прямо, негодник». Но Дима этих времён не застал. Спорт — гимнастика или гребля — тоже вряд ли. Как можно совместить гимнастику тела и ума — ума не приложу! Одни древние греки на это были способны. Вспомнил — он работал несколько лет в Большом театре. Только не припоминаю, кем — электриком или рабочим сцены? Возможно, раскланиваясь с Григоровичем или подавая норковую шубку Плисецкой, старался выглядеть не хуже, выпрямив спину, словно приготовившись к пируэту или батману.

«Дружок, вызови мне такси», — говорила Кармен Дмитрию Ивановичу. Поклонившись резким кивком, как солдат Хосе, сделав лёгкое антраша, в три больших прыжка он у телефона. Оно и вошло в привычку.

Эти шуточные предположения, конечно, имеют мало общего с действительностью. А серьёзно говорить — его стройность была частью его натуры и его характера. При всей деликатной обходительности, особенно с дамами, Дима был внутренне строен и подтянут незыблемостью своих правил, нравственной внутренней культурой и постоянным честным взглядом внутрь себя в поисках жизненной правды. Может быть, даже истины. Как сейчас вижу, как выпрямляется он в стержень, чтобы, копнув поглубже в себя, понять что-то важное или поймать единственную верную мысль, заплутавшую в сомнениях.

Лицо его было слегка вытянуто, как и фигура. Глаза, широко открытые, не моргали, но бегали, будучи неподвижными, — в себя и обратно. Когда они смотрели куда-то в глубину сознания, они неестественно увеличивались и сильно округлялись. Губы, помогая Дмитрию Ивановичу всматриваться в мысли, морщились, как говорили раньше, в подобие «куриной гузки», и усы топорщились, но не агрессивно. Чёлка седоватых волос неспешно заходила на лоб.

С тем же выражением лица он отвечал, немного подумав, на чей-то вопрос, прокрутив в себе несколько вариантов ответа. Он был серьёзен и всерьёз воспринимал собеседников, со всеми был ровен и равен.

Серые глаза, рыжеватая седина шевелюры, чётко очерченные скулы, длинный породистый нос, выступающий вперёд подбородок — и по другим чертам лица Дмитрия Ивановича знатокам можно было бы как-то классифицировать по родам и племенам населяющих Пензенскую область, откуда он был родом. Но я не знаток. Однако уж точно — финно-угорские племена были где-то рядом с его племенем, и варяжское семя осело в его далёком пращуре. В подтверждение этого я слышал от него, что в нём журчит кровь двух родственных ветвей — среднерусской и мордовской. Знаток мордовской психологии (и не только мордовской) А. М. Горький в своих рассказах выводил на первый план крепкие характеры и правдолюбие. Один из его персонажей говорил: «Ваш бог — веру любит, Кереметь — правду. Правда выше веры». Пожалуй, Дмитрий Иванович подписался бы под этой характеристикой. Но тут есть и кровь великорусов. Чем дополняет она образ Дмитрия Ивановича? Тут нам пригодится В. О. Ключевский: «В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого». Пожалуй, и это о Диминых корнях.

Что определённо могу я сказать о нём, но как об архетипе: Дима — человек «от сохи». Если уточнять — плавно перешедший от крестьянской сохи к литературной. Трудовой «сохи» без оглядки на Мамону, без передышки на послеобеденный кайф и сиесту, невзирая на то, кто и как трудится рядом, с полной уверенностью в необходимости своей миссии, самозабвенно.

Дмитрий Иванович — «классик», так говорят о нём в литературной секции. И неспроста, и не в шутку. Его книги

рекомендованы для чтения в средней школе, у него много публикаций, литературных наград. Но это далеко не всё. Когда закончите чтение, надеюсь, поймёте: уж кто-кто, а Дима был настоящий «классик».

Однажды он дал интервью, рассказав о своём писательском пути. Вот небольшая часть из интервью — о том, как он начинал:

«Э. К.: — Первая публикация повлияла на вашу дальнейшую литературную судьбу?»

Д. И.: — Да, конечно! Приехал ко мне домой Александр Толстиков из детского журнала «Костёр». Он забрал у меня все детские рассказы, написанные карандашом, — потому что я всегда писал карандашом и все предложения много раз стирал ластиком, так что невозможно было разобрать текст, но Саша Толстиков сказал, что он разберётся. «Не волнуйся, милый мой! Всё будет окей».

Тогда последовали публикации одна за другой: в «Сельской молодёжи» и в «Мурзилке», и «Пионерская правда» печатала меня много раз. И везде мне, однако, присуждали годовые премии».

Тем не менее продолжим. Дмитрий Иванович читает свои тексты с хрипотцой в голосе, на своём севернорусском диалекте, с пензенским яканьем, полуоканьем, растягивая иные знаковые слова, даже причмокивая и (реже, конечно) глотая слюну в иных, особенно «вкусно» описанных местах. Новый человек в секции теряется, не всегда сразу понимает смыслы повествований Дмитрия Ивановича. Смотрит на колоритную наружность Димы, слышит чудной диалект и настораживается, как многие в присутствии чудаковатого человека, чуть ли не «городского сумасшедшего». Но когда раздаётся весёлый смех ветеранов секции или все замирают, не дыша, слыша, как муха жужжит между стёклами в оконной раме, новичок начинает понимать, что седовласый

литератор, по крайней мере, просто выше его понимания, и слушает далее, всё-таки начиная что-то понимать, позабыв закрыть рот.

Кстати, о смехе. Если общаться с Димой не ведая, что он пишет, как с простым человеком — с тем же электриком или рабочим сцены, и в голову не придёт, что ему, с виду простаку и тугодуму, свойственно чувство юмора. Но послушаешь или считаешь его прозу — удивишься: надо же, наследник Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова объявился!

Смех, перерастающий в колики, плавный или внезапный переход от улыбок к гомерическому хохоту — это бывало на заседаниях секции не единожды.

Должно быть, все выпускники Герценовского литературного института так великолепно знают мировую и отечественную литературу (или только отличники — кто их разберёт). Но Дмитрий Иванович прочёл всё, что было напечатано до него, обо всём имеет суждение и в моих глазах создал о себе впечатление как о человеке, что если не с Пушкиным, то, по крайности, с Достоевским на короткой ноге. Вот что пишет о нём его дочь Вероника:

«Читал книги он медленно и внимательно, проникая в самую суть. Часто выходил из маленькой комнаты и говорил: «Ну невозможно читать!» А потом, через некоторое время: «К концу расписался, подлец. Но какая концовка. Гениальная концовка!» Папа прекрасно знал всю классику и современных авторов. И русских, и зарубежных. И когда он слышал, что кто-то не читал какое-то известное произведение, это для него было равносильно абсолютному невежеству. Почти всё прочитанное он помнил в мельчайших подробностях. Всё подвергалось критическому анализу и осмыслению, в которые он вовлекал нашу маму, ну иногда, за компанию, и нас, своих дочек. Всё прочитанное, увиденное и услышанное становилось материалом для его новых произведений. Процесс творчества

в его голове не останавливался никогда. Своё последнее эссе он написал за несколько дней до смерти».

Мало кто может похвастаться художественным образованием как весьма существенной добавкой к филологическому. Рисовать образы в уме, уметь их изобразить пером и кистью одновременно — завидное качество. Дмитрий Иванович окончил Пензенское художественное училище, был земляком В. Д. Поленова, посещал Тарханы и был знаком с сыном Василия Дмитриевича.

Чтение коллег по секции он слушает с вниманием и никогда критически не оценивает услышанное. Бывает, он изрекает доверительно и серьёзно: «Это гениально!» — так, что автор, поёживаясь от мурашек счастья, не сразу находит себе место среди простых смертных, что окружают его. Но, что удивительно, искренне верит Дмитрию Ивановичу!

Дима очень ласково разговаривает с молодыми авторами, которые делают первые шаги, сразу принимая их в свой круг общения. Он настолько естественно прост, что никто не заподозрит его в лицемерии или фальши. С чем-чем, а с двуличием Дмитрий Иванович несовместим.

У каждого в секции своя хозяйственная обязанность: кто наливает воду в самовар и следит, когда вскипит вода, кто приносит сладости, фрукты, кому посуду мыть достаётся. Дима традиционно приносит натуральную чайную заварку и с видом друида заваривает чай. Движения скупы, точны, выверены. Какие молитвы при том он шепчет — неведомо, но чай очаровывает духовитостью, крепостью и полезностью для любого писательского организма и перевешивает своим значением все дары, что выложили на стол литераторы. Слышал, что у себя дома Дима был непревзойдённым кулинаром. Его дочь Вероника написала мне об этом его таланте:

«Вскользь скажу, что одной из граней его личности был раскрывшийся талант кулинара. Он очень вкусно готовил.

Он любил сам сходить за продуктами, выбрать правильное мясо, рыбу, овощи. Закрывал дверь на кухню и начинал творить. Ингредиенты были простые, и блюда были простые, но было неповторимо вкусно. Вкус был яркий и насыщенный.

«Дочка, свари ухи», — попросил он меня незадолго до кончины. «У меня не получится как у тебя. Я так не смогу, пап», — отвечала я. «Ну что там не суметь?!» — спрашивал он. — «Это же элементарно».

Я сварила. Он съел три ложки. «Всё. Наелся, — сказал он. — Спасибо, больше не хочу», — и он печально и немного виновато посмотрел на меня. Ингредиенты все были те же, но вкус был слабый и совсем не тот. Увы, руку мастера не повторить...»

Дмитрий Иванович религиозен, но редко бывает в церкви. Читает Евангелие, святителя Иоанна Златоуста и Добротолюбие. О Господе Боге и о вере не упоминает всуе — вера крепко заложена в тайных глубинах его личности. Мировоззрение у него твёрдое и уверенное, как рукопожатие. Он в постоянном соприкосновении со святоотечественной литературой, как коренной русский любомудр, радуется всякой красивой мысли.

Суета чужда ему, как всё непостоянное, поверхностное, легкомысленное. Дмитрий Иванович беспощадно равнодушен к «суете сует».

Но «томление духа» в нём присутствует, что ясно для меня как божий день. Знаю, в чём причина — и я иногда бываю таким, но недолго и не всегда.

«Томление духа» у Димы чисто творческое, зудящее, будоражащее. Слова, которые толкаются и облекаются в мысли, не в состоянии усидеть в голове. В нём чешется, свербит, бухтит неистребимое желание описывать характеры, сочинять диалоги, моделировать события... Ещё точнее говоря — создавать свой мир на бумаге. Причём это не повинность, не

обязанность по должности и профессии, не интеллектуальная игра и не приятное времяпровождение. Это — миссия, он в своём миссионерстве уверен без колебаний. Миссия и есть главнейшая ипостась, суть его личности. В таком состоянии Дмитрий Иванович врывается в ход жизни, останавливает время, ломает под себя стереотипы, создаёт курьёзные небывальщины, утрирует, шаржирует персонажи. Так было почти всегда, но особенно — когда он работал над романом «Больница». Гротесковое, парадоксальное обнажает его думы о том, как должен быть устроен наш мир — без пошлости, невежества, подлости...

Но живёт в Дмитрие Ивановиче иное «томление» — сладкая тоска по родимой стороне, по давно ушедшему в прошлое детству.

Родился Дима в деревне за пару месяцев до начала войны. Горьковатый вкус этого времени, пропахший тугой-бедой, голодом-разрухой, гибелью отца в бою осенью того же, 1941 года, сопровождал всё его детство. Иного он не знал — сравнивать было не с чем. Был с малых лет мужичком, хозяйственным, по-своему всерьёз понимал свою роль, свою обязанность в жизни семьи. Когда старую избу, прогнившую и покосившуюся, ломали и новую строили, переживал, следил за работой плотников, не отходя целыми днями, контролировал: мало ли что! Из рассказа «Изба»:

«Сколько в деревне мужиков не пришло с войны! И каждой семье помощь нужна. Нам вот брёвна привезли. Как же их не беречь? Ведь можно растащить дом по щепочке. Люди, что мимо ходят туда-сюда, берут вроде бы только себе на розжигу. А всё-таки растаскивают.

А у нас ещё и сени стоят без стен. И чужие люди идут к нам напрямик через сени. А вот когда будут стены, не больно они походят напрямик! Софрон мой говорит, что он такие сделает стены, что ни один вор к нам не заберётся! Но когда

это ещё будет? Ведь все, кому только не лень, ходят напрямик. Даже когда скажешь:

— Не ходи тут. Иди через дверь.

— А какая тебе разница?

— А такая! Вон коза глядит, как мы ходим, и она сейчас тоже полезет! А мне надоело её гонять. И...

— Чего?

Ну как тут объяснишь, что напрямик через сени не дело ходить? И что... когда даже жук пролетает через них, думаешь: а вот если бы стены были, то бы пролетел?»

Детство у Димы было просто сказочное, со слезами и радостями, какие мог передать в рассказах, трогая за сердце, только он сам. Я слышал запись рассказа «Любимая учительница», его легко можно найти на полях Интернета. Он меня очаровал. В исполнении Димы было неплохо. Несколько лет он сам читал свои рассказы на радио, и слушатели писали хвалебные отзывы, мол, авторское чтение ничьим не заменишь. Но то, как прочитал этот рассказ Андрей Юрьевич Толубеев, народный артист, было незабываемо! К огромному огорчению, творческая дружба Димы с народным артистом внезапно оборвалась преждевременной кончиной Толубеева. Мне думается, что если взяться за рассказы и повести Дмитрия Ивановича профессиональным чтецам типа Ильинского, Плятта, Журавлёва, в стиле «радиоспектакль», то его озвученные тексты зазвучали бы благородным тембром в широком диапазоне, с высокой эмоциональной речевой культурой, получили бы «бриллиантовую огранку», оказали бы более глубокое и сильное воздействие на всех нас. Крохотный кусочек из рассказа «Любимая учительница» перечитываю, и слышится мягкий, доверительный, сказочной красоты бархатный тембр Андрея Толубеева:

«Екатерина Петровна. Первая она моя учительница... Меня ни сопливого, ни в пыли не боялась. Возьмёт и приведёт

в более или менее приличный вид. Но зато уже и я, конечно, старался и делал всё, чтобы ей понравилось. А именно: молоко, бывало, как понесу я — так уж понесу. Наливал в погребке в бидончик двухлитровый не простого, а из сметанницы. Напополам разбавлял.

«Ах, Мария Ивановна, какое у вас густое молоко! Просто как сметана». — «Да, у Жданки хорошее молоко. И даёт, вы знаете, ещё неплохо. Всё ж, как-никак, уж к зиме дело идёт, а она тоже даёт». И ей — моей Екатерине Петровне — я таскал картошку в мешке. Набирал самую рассыпучую — Вольтмана»...

Хотите верьте, хотите нет, но весь неразменный капитал ума, души и тела, а с ними тёплое сердце, светлость лица и детскость натуры, с умело сокрытой от окружающих восторженностью, и многое лучшее и дорогого стоящее он унаследовал в военные и послевоенные годы в родном селе Ильмино. Да, да! Это была его первая любовь, любовь на всю последующую жизнь. Она возникла среди лесов и полей, весенних ручейков и всегда желанной родной Суры, студёных зим и летних зорь; в среде птиц, травинок, огурцов, репы, сирени, коров, лошадей, дворовых псов, жаворонков, ласточек, петухов, кур, цыплят — ангелов хранителей этого огромного мира природных красот и радости общения с Божьими творениями! А как он любил своих домашних питомцев и кормильцев! Как «вкусно-художественно» описывал их, вспоминая. Несколько строк всего лишь о том, как идёт корова Жданка домой:

«Все коровы идут прямо, домой. А наша, глянешь, вбок. И, задрвав хвост трубой, — по колючкам, по репьям. И вот уже шумит дном реки. По гальке она идёт. И головой она кивает. Потому что за ней гонятся мухи. Ой сколько мух! Которые помельче — слепая мушка — стоят столбами. А те, что зелёные (зелёные-зелёные есть, даже не верится, что и мухи такие бывают), — все на неё. И на глаза, и на спину ей садятся.

А лягушки при этом, когда она подходит к их бассейну, прыгают. Буль, буль. Но она их не боится. Она подходит смело к родничку. И только она нагнётся, чтобы начать пить, как — та, та, та — телега въезжает на мост. Скачет, гремит по настилу, как по рёбрам. Жданка — чу! — поднимает голову. А лягушки все, сколько их живёт под мостом, переныривают. Точно пловцы в бассейне: те, которые были на этой стороне, спешат, работают ластами туда, на ту сторону, а те, которые на той стороне, — сюда, на эту сторону спешат».

Ещё несколько строк из рассказа «Любимая учительница»:

«Мать сшила мне рубашку из мешка и выкрасила в такой разнолапый цвет, что... все ржали в классе. А она сказала, что, если услышит ещё, кто надо мной будет смеяться, сама вот возьмёт и хуже отца-матери отхлещет. Или, помню, я заболел. Из-за Жучки. Её раздавил «студебеккер». Откуда он появился, я вам не скажу, но, видимо, после войны — откуда же ему ещё взяться. И эта махина остановилась зачем-то на нашей Большой улице. Даже помню, у чьего двора — у Парфёнова. Мотор, помню, как работал и как из выхлопной трубы интересно воздух тукал: тёплый и такой чёрный, что мы, все уличные, лезли под трубу в драку. И когда постоишь минутку и вылезешь наружу, то весь чёрный ты, как негр. И тут же со мной крутилась Жучка. И как она попала под колесо, я сейчас не помню тоже, но... какая была ужасная минута. Гляжу: она ползёт на передних ногах, а задние обе волочатся... Нет, этого нельзя передать...»

Рядом всегда была мама.

«...Вот это как раз и есть конец мой самый последний. Мама, мамочка! И только я произнёс про себя это, как молитву, — она, собака, встала и, виляя хвостом, убежала прочь. И, слышу я, тихо. Все собаки как умерли сразу. О, братцы, какое слово — «мамочка!» — восклицал маль-

чишка Димка. Были её тепло и забота, тонкая неразрывная нить от сердца к сердцу — спаянности сыновней любви и материнской. Мария Ивановна воспитала четверых детей, потеряв в первые месяцы войны своего мужа. Несколько строк из рассказа Дмитрия Ивановича, первого напечатанного в еженедельнике «Литературная Россия», — «Мама»:

«...Стоит около окна и мне машет, машет. Окно тёмное, и за ним нельзя ничего разглядеть, но я сразу разглядел. Родное лицо. Мамкино лицо. Секунда — и окно распахнулось. И... вот уже посыпались стены. Но они посыпались не на землю, а в небо. Стена вознеслась на небо. А мать, слышу, говорит:

— Ты погляди-ка: он целоваться умеет! Ты аль любишь меня?

— Да. Вот как!

И всё. Как только мать услышала, что я её люблю — да ещё, оказывается, так! — она сразу выздоровела.

— Ой, Нина Михайловна, я здорова, здорова, здорова. Давайте отпускаяйте меня домой. И дети у меня там без меня, и сенокос. Отпускаяйте, или я сейчас убегу...»

Мне очень близок Дмитрий Иванович именно своей сердечной привязанностью к деревенскому миру своего детства. А богатство этого мира неисчислимо, и ничто не может перевесить его — даже горы золота, долларов или рублей.

Дима — «родом из детства»! Его крылатая фраза: «Мы родом из детства, словно из какой-нибудь страны... Я не очень уверен, что жил после того, как прошло детство», — подсказывает мысль о том, что Дмитрий Иванович на склоне своих лет, да и в течение всей взрослой жизни так же не был уверен в том, что «жил после того, как прошло детство». Конечно, была дорогая, любимая, верная спутница; были и есть любимые дети Вероника и Катерина и милые сердцу внуки,

но что поделаешь — из песни слов не выкинешь! Что пропето, того уже не исправишь.

Нельзя не упомянуть о Татьяне Ивановне — жене Димы. Знакомство с ней у меня было чисто телефонное — пару десятков раз мы с ней созвонились. Этого было достаточно, чтобы понять, какой была эта славная, умная и терпеливая женщина. К сожалению, она ушла раньше, осиротив всю семью и лишив Дмитрия Ивановича счастья — счастья семейной жизни. Другого счастья для хорошего человека и быть не может. Вот что написала мне о ней их младшая дочь Катя:

«До последних своих дней она была его секретарём, редактором, корректором, и главным слушателем, и ценителем. В общем, была ему опорой и поддержкой. Именно мама в последние годы обеспечивала семью материально, освободив ему время для творчества, вела домашнее хозяйство, занималась нами, детьми: Вероникой и Екатериной. И также она перепечатывала сначала на машинке (в ранние годы), а потом на компьютере все его рассказы и повести. Папа всегда находился в творческом поиске новых тем и сюжетов для своих произведений; много читал, переосмысливал, обсуждал всё прочитанное с мамой».

Мир, окруживший писателя, родные лица, перо и бумага... это всё хорошо! Но почти уверен, что Дима в бессонные ночи частенько тосковал, ностальгировал, мечтал: «Ах! Любо-дорого прямо сейчас побежать со всех ног по песочному берегу и ринуться в прохладные воды родной Суры, Сурожки моей! Лучше которой нет во всём свете!»

«Если хотите, я опишу вам это чувство святое ещё и так. Там она, любимая наша река Сура, имеет две ноги и голову. Голова-то — это, то есть, остров; а две ноги — это два самостоятельных русла. Течение быстрое, перекатное, но не глубокое. Здесь можно перейти нашу реченьку вброд. А расти-

тельность какая густая «на голове» — тут всегда, каждый год много ежевики и сплавного леса. Мы на реке жили и с ягодой, и с дровами. Сплав-то, после затяжных летних дождей, когда идёт по большой воде, и вода здесь когда сядет в русло, лес «на голове» остаётся.

Ночевать, братицы, одно удовольствие!.. Странно: когда начинает цвести черёмуха, та сторона Суры вся белая, точно в облаках стоит, а наша сторона едва-едва зацветает. И поспевают там всё раньше. И если у нас, например, клубника маленькая, то там она, не дам соврать, вот такая — с кулак! У нас она кислая какая-то, а там до того она сладкая, что даже мёдом отдаёт. У нас в пойме и ежевики мало, и смородины почти нет. А дикий лук — горький-горький. И лягушками он пахнет».

«Сердце не камень», а уж тем более у Димы. Фраза неполная — «человек жалью живёт» добавляли в старину. То есть досадой об утрате, сожалением о прошлом. Жаль-печаль тянула и звала его на родину. Но мудрец из Эфеса ещё в пятом веке до Рождества Христова запечатал для нас накрепко, как говорится, насмерть, возможность вернуться в детство одной только фразой: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды», пусть даже эта река всего-навсего Сура — правый приток Волги.

Пишу о Дмитрие Ивановиче Верещагине в настоящем времени, не в прошедшем, как о живом. Оттого что чувствую — он рядом, за спиной. Ждёт от меня понимания, памяти и сопереживания его привязанностям и любви.

«Человек красивого ума» — можно сказать о нём. Истинно он богатый человек, получил первый капитал в детские годы, своего рода «неразменный рубль». Но не реальный звонко-серебряный, а фантазийный творческий «целковый». Не волшебством приобретённый, а заложенный в его будущее щедростью и красотой русской земли, жертвенной любо-

вью, добротой и чутким вниманием матери, честной трудовой жизнью с малых лет, боговдохновенным талантом. Он тратил свой «целковый», не зарывая его в землю. Преумножил богатство русской литературы, оставил драгоценный материал для чтения и размышлений, для воспитания добрых чувств и искоренения зла и неправды.

Жить по справедливости и правде, искать волю Божью, перестраивать мир, стремясь к лучшему, пусть и на бумаге — извечный духовный путь природного русского писателя, любомудра, интеллигента. Путь завершён. Как жаль. Царствие ему Небесное...

ТАТЬЯНА ВИНОГРАДОВА

Московский союз литераторов. Член Союза писателей Москвы, Творческого союза художников России. Родилась и живёт в Москве. Поэт, эссеист, литературовед, критик, переводчик, редактор, график, книжный дизайнер. Работала с 17 лет: секретарём-машинисткой, лаборантом, корреспондентом, редактором, завлитом

в театре, преподавателем (английского языка, русского языка, русской литературы), переводчиком фильмов для телевидения, книжным дизайнером в издательстве. Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру филологического факультета МГУ. Кандидат филологических наук, специалист по рок-поэзии. Участница литературной группы «Другое полушарие». Автор восьми поэтических книг и двух альбомов графики. Лауреат конкурса Tivoli Europe Giovani (Рим, 1997). Лауреат журнала «Дети Ра» (2011). Дипломант интернет-марафона «Сокровенные свирели «45-й параллели»» (2014). Победитель I и II Фестивалей литературного эксперимента (Москва, 2019, 2020). Стихи переведены на английский, армянский, болгарский, итальянский, японский языки. Стихи, графика и статьи публиковались в российской и зарубежной периодике. В настоящее время — член редколлегии международного журнала литературы и искусства «Тонкая СРЕДА».

НЕЛЛИ КОПЕЙКИНА

Московский союз литераторов. Копейкина Найля Гумяровна (Нелли Копейкина). Член Союза писателей России, Российского союза писателей, ИСП, Московского литфонда, Клуба писателей Центрального Дома работников искусств. Романист, публицист, драматург, сценарист, переводчик, поэт. Президент

Интернациональной академии современной культуры.

Интервью с поэткой

— Татьяна Евгеньевна, расскажите, как вы пришли в наш Союз?

— Только, пожалуйста, очень прошу: давайте, если можно, без «Евгеньны». Я устала от своего отчества за время преподавания в универе — и до сих пор ещё не отдохнула. Просто Татьяна.

— Вот это поэтический фонтан!.. Итак, Татьяна, как вы пришли в секцию поэзии Московского союза литераторов?

— Меня в 2017 году пригласила Людмила Вязмитинова. А с ней я познакомилась в Переделкине, на даче Пастернака, где проходил творческий вечер Елены Зейферт. Так что это цепочка совпадений. Поэтических, заметьте. (Улыбается.)

— **И вы сразу включились в работу?**

— Ну... (Задумчиво.) Наверное, можно и так сказать. В секции под руководством Люды, да и в её литературном клубе «Личный взгляд» было интересно, вечно что-то происходило, кипело, взрывалось... А я вообще-то интроверт, но Люда умела заинтересовать. И она никогда не спрашивала меня: «Таня, а почему у тебя такие мрачные стихи?»

— **А что, кто-то спрашивал?**

— А то! Даже в Союзе писателей Москвы, в котором я имею честь состоять с 2002 года, задавались этим вопросом и не слишком жаждали мои стишки публиковать в «Кольце «А»». Графику — да. А тексты — нет. Покуда Кирилл Владимирович Ковальджи не вмешался... А в нашем Союзе всё было иначе. Была — и есть! — живая жизнь. Единственно, Люда всё время хотела, чтобы я участвовала в её фесте «Поэзия со знаком «плюс»», а я всё время увиливала. Ну нет у меня позитива в стихах. Не-ту-ти. «Не виноватая я...»

— **То есть у вас не только рифма отсутствует, но и...**

— В рифму я, между прочим, иногда пишу. Но да, я убеждённая верлибристка (как звучит-то, а?! «Верлибристка-эквилибристка»!) А если серьёзно, то с юности уверена, что регулярный рифмованный стих уже давно не отражает современные реалии, просто не вмещает их, в силу инерции метра, его «семантической памяти». В конце концов, ещё «наше всё» жаловался: «четырёхстопный ямб мне надоел...»

— **...И Солнце русской поэзии решило, что «пора приняться за октаву»... Итак, с формой понятно. Теперь давайте о другом. Вы, Татьяна, балансируете на грани лирики и эпики, ваши тексты порой сюжетны, даже драматургичны, и, чего уж скрывать, почти всегда отменно длинные.**

— Никак не могу прокомментировать сей прискорбный факт. Разве что предположу, что у меня известный комплекс «непрозаика» и я таким вот образом, сочинением длин-

нющих стихков, его изживаю и компенсирую. И вообще, писатель, более всего повлиявший на моё, с позволения сказать, творчество, — это Стивен Кинг! (Широко улыбается.)

— **То есть?!**

— Понимаете, когда он рассказывает историю, то делает это так, что читатель, сам того не замечая, оказывается в самой её гуще, внезапно обнаруживает себя в этом ужасающем и причудливом мире. Кинг расставляет незаметненькие крючочки и ловушки, используя на всю катушку суггестию и прочий психологический антураж. Только у него почти нет портретов и пейзажей. Да и рефлексии маловато будет. А я, годами, десятилетиями его читая, уже на подсознательном уровне впитала его метод и использую сумму приёмов именно для того, чтобы читатель мой оказался, например, внутри пейзажа, как в «Явлении октябрьской луны» или в поэме «Богданово. Осенняя сюита». Или чтобы стал понимать хотя бы одно дерево в этом пейзаже — есть у меня, например, «Плач о клёне, росшем у моего подъезда». Это, кстати, реальная история. Злой сосед взял и срубил дерево, затенявшее ему окна... В моих стихах вообще много природы, её состояний, которые я стараюсь не просто описать, но именно ВНУШИТЬ читателю.

— **Получается?**

— Не мне судить. Это дело критиков, которые, кстати, что-то не торопятся выстроиться в очередь, дабы анализировать виноградовскую поэтику. Но... Иногда — да. Получается.

— **Татьяна, ваша степень кандидата филологических наук помогает или мешает вам писать художественные тексты?**

— Ни то, ни другое. Я давно променяла анализ чужих текстов на создание своих собственных. И не жалею. Как завещали классики, «поэзия должна быть глуповата» и «пораженье от победы ты сам не должен отличать». Так что, если по гам-

бургскому счёту, то всё же мешает. Приходится по капле выдавливать из себя литературоведа. А он выдавливаться не желает. И ещё шепчет, гад: «А с чего это ты, собсна гря, возомнила себя поэткой? Пишешь ты, Таня, весьма и весьма средне...»

— Самоуничижение паче гордости, дорогая Татьяна. Комплименты я вам говорить не стану, но, думаю, само это интервью — признание вашего поэтического дара. Кстати, а почему «поэтка», а не поэт? Ну или куда более привычное «поэтесса»? Желание выделиться?

— Процесс написания стихов и, главное, их последующего опубликования (ликования!) вообще зиждется на желании выделиться, не находите? Я рада, что моя подборка не так давно появилась, например, в «Плавучем мосте», что есть я и в «Дискурсе» (в последнем ещё и коллажи были опубликованы). Вот в Германии в журнале *Four Centuries. Russian Poetry in Translation* неожиданно для меня вышли мои стихи на английском в замечательных переводах Антона Яковлева... В 2019 и 2020 годах я стала победительницей соответственно I и II Фестивалей литературного эксперимента, которые проводил в Москве доктор филологии и поэт-авангардист Александр Бубнов...

Но вот слово «поэтесса» я терпеть не могу, есть в нём некая вычурная манерность, этакое превосходство элоя (элойки) над морлоками. Раньше я именовала себя «поэтом» — вслед за Цветаевой, о да. (Смеётся.) А про «поэтессу» у меня даже сатирическое стихотворение есть. Начинается так:

Стать пОэтессой.

С круглым и ударным «О».

Возносится оно аэростатом

в межиктовом реликтовом пространстве

всё выше, выше, о!..

«О муза, здравствуй!»

Быть знаменитой и красивой.

Откидывать

со лба упрямого упрямую златую прядь.

Всех покорять. Себя осознавать

Событием Большой Литературы,

но скромно и многозначительно молчать об этом

на камеру...

Но поэткою я себя именую из любви к феминитивам. Ещё я — авторка и редакторка. И да, чуть не забыла, а это важно: публикуюсь в «Артикуляции».

— **То есть вы — феминистка?**

— Не знаю, не уверена. Но, безусловно, сочувствующая. Как раньше говорили, «попутчик». Сорри, «попутчица».

— **Татьяна, в нашем Союзе вас очень ценят как редактора. Я сама познакомилась с вами изначально именно как с редактором. Прошу, расскажите немного об этой своей деятельности.**

— О! Во-первых, спасибо. Приятно, когда тебя ценят. А во-вторых, это интересная тема. Я окончила редакционно-издательское отделение факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. И без ложной скромности скажу, что была первой в нашей группе по редактированию как предмету. И редактировать мне очень и очень нравилось. Правка-переделка в особенности... Делать из несовершенного — совершенное. Брать глыбу... не мрамора, но текста и отсекал всё лишнее — что может быть увлекательней?! Правда, одна моя подруга, всю жизнь проработавшая редактором (в частности, в журнале «Дружба народов»), как-то сказала: «Таня, мы отдаём им свои слова». Это я запомнила навсегда. Свои слова дарить жа-а-алко... Тем не менее я редактор «по жизни»: делаю авторам (преимущественно поэтам, хотя работаю и

с прозаиками) «книгу под ключ», и, конечно же, в этот процесс входит подготовка текста — редактура и корректура. По моему глубокому убеждению, редактор не должен «ломать» автора, наоборот, ему необходимо вслушаться в авторскую интонацию, освоить поэтику и лишь скупыми штрихами исправлять то, что нужно исправить. Редактура — это такая «точечная бомбардировка», а не «ковровая».

— В начале нашего разговора вы обмолвились о преподавании в «универе». Где и что вы преподавали? Нравилась ли вам эта деятельность?

— Да, универ... Огромный кусок моей жизни... В 1993 году я поступила в аспирантуру филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, на кафедру истории русской литературы XX века. Тема вступительного реферата — «Проблема творчества у Даниила Андреева: «Роза мира» и «Русские боги»». Реферат получился забавный, но, к сожалению, я пошла по стопам Веночки в том смысле, что текст реферата оказался безвозвратно утрачен, как и роман Венедикта Ерофеева «Дмитрий Шостакович». В отделе аспирантуры мой рефератик потеряли. А второй экземпляр посеяла уже я лично, сама. Реферат-то был напечатан на машинке, в докомпьютерную эру... Короче говоря, приняли меня в очную аспирантуру. Понимаете, после журфака — на филфак! Это практически нереально. Обычно бывает наоборот. Но мы не ищем лёгких путей. На журфаке, кроме теории и практики редактирования, меня, честно говоря, мало что интересовало. Понимаете, училась я там с 1984 по 1990-й, и только на нас, на нашем выпуске, отменили наконец госы по марксизму-ленинизму, диамату этому, истмату и т. д. Знаете, сколько времени съедали эти странные предметы? А ещё «увлекательнейшая» история русской журналистики... Пожалуй, только «зарубежка», история зарубежной литературы, радовала, ну, история философии ещё.

А тут!.. Свобода! Короче говоря, меня взяла под своё крыло профессор-литературовед с мировым именем Екатерина Борисовна Скороспелова. (Вот ей совсем не идёт феминитив «профессорка», так тоже бывает.) Её на кафедре очень уважали и за глаза звали «Екатерина Великая». Она была сторонником и пропагандистом формального, структуралистского подхода к анализу произведения, в отличие от привычного нам со времён Белинского подхода историко-биографического. Мы, её аспиранты, учились, например, «методу пристального прочтения» («close reading»), учились разнимать на части, если угодно, анатомировать, текст, не теряя из виду целого. Это очень увлекательно. К тому же в группе были корейские и китайские аспиранты, и, объясняя иностранцам какие-то тёмные места, скажем, в текстах Константина Вагинова или Евгения Замятина, мы сами по-новому, ещё глубже, начинали понимать их творчество. Меня поначалу, кстати, тоже хотели ориентировать на изучение романов Вагинова. Он очень интересный, недооценённый и полузабытый питатель начала XX века, один из первых постмодернистов... Но. Всегда есть это «но». Ну не цеплял он меня! И я довольно-таки нагло сказала научной руководительнице: «Я пришла к вам в аспирантуру, чтобы заниматься тем, что нравится именно мне. А нравится мне... русская рок-поэзия. Гребенщиков, Шевчук и Башлачёв!» К чести Екатерины Борисовны, она меня поняла и поддержала. В итоге в 1997 я защитила на филфаке кандидатскую диссертацию «Русская рок-поэзия 1970—1990-х годов в социокультурном контексте». До сих пор эту работу цитируют, потому что так уж вышло: она стала первой в России по этой тематике. После чего все возрадовались: вау! на филфаке МГУ можно — значит, нам тоже никто не запретит... В общем, я как бы мать-основательница нового направления, что ли... Но всё это в прошлом. Сейчас рок в России уже совсем не тот... Мне его не то что анализировать — слушать не хочется.

Окончив аспирантуру, я стала доцентом моей кафедры, преподавала историю русской литературы студентам и учащимся подготовительного отделения... Но всё это было не то. Очень большая нагрузка, много «горловых» часов, а времени заниматься моей собственной темой (рок-поэзией) не оставалось вовсе. Дело кончилось двумя воспалениями лёгких, и я поняла: чтобы выжить, я должна уйти из университета. К тому же тогда я уже была вполне сформировавшейся поэткой, и научные штудии попросту мешали мне писать. И я ушла. Была какое-то время в свободном плавании, потом пошла завлитом в Московский театр на Юго-Западе... Но это уже совсем другая история.

— За время пребывания в МСЛ (а оно в вашем случае составляет уже около четырёх лет) какие события, мероприятия, проекты вам запомнились?

— Как ни странно, главное событие не связано с текстом. Оно, наоборот, лежит в сфере невербального. Это моя работа с Вязмитиновой над двумя выпусками «Поэтического календаря», за 2019 и 2020 годы. Я пришла к Люде с этой идеей — выпустить календарь, где поэты были бы распределены по месяцам, их тексты, хотя бы отдалённо, соответствовали временам года, и ещё обязательно чтоб присутствовал портрет автора/авторки. А остальное пространство календаря было отдано мне на откуп. И я там разместила двенадцать своих, как я их называю, «цифровых коллажей». Хотя они и не коллажи вовсе, строго говоря, а такие... фантазии, точнее, фантазмы... Понимаете, я ещё в середине 1990-х вступила в ТСХР, Творческий союз художников России, и надо было мои знания и умения в сфере изобразительного искусства куда-то конвертировать. Календарь показался мне интересным вызовом.

Идея моя была Людмилой Геннадьевной принята, и началось... О, это был просто фейерверк, а не работа. Люда по

китайскому зодиаку Тигр, а я — Дракон. «Смешались в кучу кони, люди...» Но два календаря я таки выдала на-гора.

Вообще, следует признаться, я уже давно повадилась уходить в невербал, как в астрал. И не тексты теперь чаще создаю, а странные цифровые картинки. Тоже преимущественно мрачноватые — это возвращаясь к началу нашего с вами разговора. «Ну, что же тут поделаешь? Тут уже ничего не поделаешь», как говаривал архивариус Шарлемань — тоже, кстати, по поводу дракона.

— Я знаю и люблю ваши художественные работы, скромно называемые вами «странными картинками». Признаюсь, я не увидела в них мрачности. Полёт души, призыв в какие-то неведомые миры — да, но мрачных чувств при созерцании ваших работ я не испытываю. На мой взгляд, ваши, Татьяна, работы либо глубинно-ровные, либо возбуждённо-магические. И главная их сила в том, что они обязательно захватывают зрителя, причём не столько красочностью, сколько как раз «невербалом», в который вы «повадились уходить» и куда влечёте за собой зрителя.

— Спасибо за такую оценку моих цифровых коллажей. Вот только «ровными» я бы их не назвала. Скорее так: там идёт либо отчаянное взыскание гармонии, либо напряжённое переживание дисгармоничности нашего мира (и других миров тоже). Это своего рода динамическая медитация. Внутренним зрением я вижу, что и как должно проявиться в итоге, и достигаю этого методом последовательных приближений. Бывает, на одну композицию требуется по несколько десятков итераций. При этом элемент случайности очень важен. Как говаривал один персонаж «Игры престолов», «хаос — это лестница». Я разрабатываю стратегию «управляемого хаоса». Именно она помогает достичь намеченной цели, сделать образ ярким и «впечатывающимся» в зрителя.

— Ваши вербальные произведения тоже уведут читателя в неведомые временные дали, в некие мыслительные пространства даже в тех случаях, когда вы пишете о бытовом. Сами вы выделяете какие-то тексты, считая их в своём творчестве главными?

— Ох, я даже не знаю, что вам на это ответить. Наверное, давний, но пополняемый цикл «Апокрифы», где я пыталась выяснить свои отношения с христианством...

— Получается?

— О да. Я уже три года как буддистка. (Складывает ладони лодочкой перед грудью.)

Ещё для меня очень важен старый, середины девяностых, цикл «Памяти Москвы» — о разрушении и, того хуже, мутации моего родного города, от которого сейчас уже мало что осталось.

Ну и ещё один текст; даже не знаю, что это за жанр — то ли обширное стихотворение в прозе, то ли эссе... Называется «ПрОклятые поэты». Я его написала залпом (запоем) во время сурового и внезапного гипотонического криза, когда давление было 80 на 50 и голова уже куда-то отъезжала, в какие-то другие миры, — вот я их и попыталась описать... по-стивенкинговски, с погружением... (Улыбается.)

— Да, Татьяна, погружение вам удаётся и в литературе, и в изобразительном искусстве. Я желаю вам новых творческих успехов...

— ...Особенно на ниве освоения «автоматического письма». Да и онейрического, сиречь сновидческого, тож. Меня сейчас именно это занимает. Кстати, эти темы на первом плане и в международном журнале поэтических и когнитивных практик «Тонкая СРЕДА», который издаёт Владимир Пряхин, по совместительству — наш новый глава секции поэзии. А я в этом журнале — одна из составительниц. Это такое увлекательное путешествие! Мне очень радостно уча-

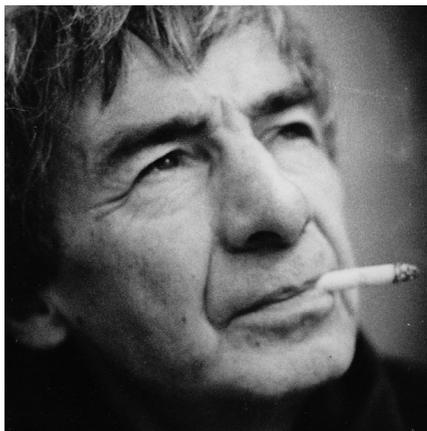
ствовать в данном проекте, отыскивать нестандартные произведения, общаться с авторами, близкими по духу, «одной группы крови»...

А мои собственные тексты, написанные методом «автоматического письма», будут представлены в новой книге, которая должна выйти в конце 2021 года. А может быть, и сразу в двух моих новых книгах: я обе сейчас лихорадочно готовлю к изданию...

— Что ж, ждём ваших новых творений. Успехов вам, Татьяна!

ЮРИЙ ВЛОДОВ

Московский союз литераторов. Член Союза писателей Москвы. Родился в 1932 году в Новосибирске. Поэт московского андеграунда. Автор острополитических эпиграмм. Книги «Крест», «Люди и боги», «На семи холмах», «Книга Судьбы». Публиковался в журналах и альманахах.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

Московский союз литераторов. Родилась в 1960 году в городе Барнауле Алтайского края. С 1977 года живёт в Москве. Окончила Московский государственный историко-архивный институт, факультет архивного дела. Поэт, прозаик, публицист, автор четырёх книг стихов, четырёх книг прозы. Вдова поэта Юрия Влодова.

Творческий портрет поэта Юрия Влодова (1932–2009)

6 декабря 2021 года исполнилось 89 лет со дня рождения легендарного поэта-диссидента Юрия Влодова (1932–2009), автора всем известных строк: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!» Массовый читатель знает его только по этим строчкам, но истинное творчество поэта так и не дошло до него. Так же, как и не получило до сих пор должного официального признания имя автора. Юрий Влодов был членом Московского союза литераторов с 2006 года.

Творческое поколение Влодова

Юрий Влодов родился в 1932 году.

Поэтому по возрасту он скорее мог бы принадлежать к тем прославленным поэтам-шестидесятникам: Евтушенко, Рождественскому, Вознесенскому, Ахмадулиной, чем к поколению так называемых дикороссов, к которому его в последнее время приладились причислять. Чисто теоретически, конечно, мог бы.

Но в поэтическую «обойму» шестидесятников он не попал, как не попал во многие другие официозные обоймы, а также и в неофициальные группы. Даже в «официальном» андеграунде места ему не нашлось. Поэтому ни с какими группами, течениями, направлениями он связан не был, он был сам по себе.

Но если его куда и причислять, то в любом случае только к андеграунду неофициальному, к самым глубоким, катакомбным его слоям. Даже в андеграунде Влодова можно было найти только в самых глубоких духовных пещерах. Или вовсе не найти. Он жил своей собственной творческой ли-

тературной жизнью, не имея над собой никаких учителей, наставников, а рядом с собой — коллег по перу. Коллеги, конечно, были, но он никак их товарищами не считал. Он всех их творчески превосходил многократно, поэтому считать их коллегами он никак не мог. Но никто к нему в творческие товарищи и не набивался, потому что на такую высоту подняться никто не мог, а просто так пушить перья он бы не позволил и пустую спесь легко сбивал. Так что коллег и товарищей у него не было. Были только либо ученики, либо подражатели. Или поклонники. Всех этих было в избытке.

Кто был его наставником

Я не знаю, кто учил его писать, кто наставлял его на первых порах на путь истинный, кто водил его, так сказать, несмелой ученической рукой. Вряд ли когда-либо отыщется такой человек. Во всяком случае, мне ничего о нем не известно. И сам Влодов никогда мне такого человека не называл. Наверное, его вовсе и не существовало. Он как-то сразу, сам по себе, вот так взял и состоялся. Научился писать.

Но всё-таки это, пожалуй, смешно звучит — то, что Влодов учился писать стихи. Он никогда этому не учился. Он всегда это умел, поскольку родился гением. Единственное, чему ему надо было научиться, появившись на земле, так это тому, чтобы приспособиться к текущему на земле времени. Не более того. А наставники, я думаю, у него были, но только не земные, а небесные, ангелы какие-нибудь. Либо кто-нибудь ещё из высших сфер. Потому что на землю он пришёл не просто писать стихи, как пишут многие, а быть поэтом. А это совершенно разные вещи. Потому что пишущих стихи, даже хорошие, талантливые, гениальные, очень много, а вот поэтов — единицы. Поэт — это духовная миссия, это судьба, это некий духовный заказ Времени и Высших сил. Юрий Влодов и был именно Поэтом. Его задачей на земле было просто

жить и записывать посланное оттуда. Его учили напрямую, с небес. Поэтому всё было замечательно. А если бы он поддался какому-либо обучению людскому, то, наверное, ничего путного из него бы не вышло.

Общение с мэтрами

Влодов был очень дерзким в молодости, о себе и своём творчестве он был очень высокого мнения и даже маститым не разрешал делать себе замечания. Когда он в первый раз пришёл в гости к тогдашним классикам, к поэтическим мэтрам, живущим в Переделкино, а именно к Сельвинскому, Чуковскому, Пастернаку, то он, представляя им свои стихи, читая их вслух, перед этим непременно говорил: «Я вам прочту своё, но вы мне ничего не говорите, так как меня ваше мнение не интересует!» Маститые, изумлённые такой дерзостью, покорно слушали, не решаясь что-либо потом сказать. А Влодов отслеживал их реакцию на свои стихи по их лицам. Реакция была, конечно же, положительной, и он это удовлетворённо отмечал. Но он был человеком умным, прекрасно знал человеческую природу. Маститые тоже были хитрые бестии и даже при положительном впечатлении могли высказаться не в его пользу, пытаясь поставить молодого поэта на место, сбить с него спесь. Но он не давал им этого сделать, упреждая таким образом подобные действия.

Мэтры всем своим нутром чуяли, что это не просто молодой поэт, а человек, в свои молодые годы познавший всю сложность жизни, поэтому через какое-то время оставляли свой менторский тон и величавую спесь, припасённые для молодых, и общались с Влодовым уже на равных. Поэтому никаких поэтических учителей из живых у него не было, да и быть не могло. Он бы никому не позволил себя поучать.

Впоследствии, уже в довольно солидном возрасте, он говорил, отвечая на вопрос, у кого он учится: «Я учусь у себя, по своим лучшим вещам!» Ответ, достойный гения.

Влодовцы: ученики и подражатели

Учеников и подражателей у него было множество, тут была совсем иная картина. Число поклонников его творчества стремилось к бесконечности. Его признавали и ценили практически все пишущие, которые вокруг него тогда крутились. И не пишущие, но читающие — тем более. Особенно привлекали в те годы его стихи о Боге, стихи на библейско-евангельскую тематику. Они были настолько новы, необычны, мощны, что у него появилось очень много подражателей на этой почве. Этих эпигонов так и называли тогда «влодовцами». Но, конечно, ничего нового они сказать после Влодова не могли. Им не по зубам были такая тематика, такая проблематика, такая философия. И их голос глух на фоне мощных влодовских стихов, превращаясь в слабый писк. Но всё равно избавиться от желания подражать Влодову они не могли, так и прозябали в его творческой тени.

Совет Чуковского

Как-то, общаясь с Корнеем Чуковским, Влодов всё-таки спросил у него, какого тот мнения о его стихах, на каком они уровне для него. Чуковский раздражённо ответил: «Ну вы же сами знаете, на каком: на уровне Ахматовой, Цветаевой, Пастернака. Но вам всем очень много ещё чего не хватает!» — «Чего же?» — заинтересовался Влодов. «Темы, — ответил Чуковский. — Своей темы». И пояснил: «Все вы пишете ни о чём, точнее, о чём попало, что в голову взбредёт, а у большого поэта должна быть, помимо всего прочего, своя, главная тема, которую он должен вести всю жизнь и на которую, как на стержень, должен нанизывать какие-то сюжеты,

прорабатывать с её помощью какую-либо важную, животрепещущую мировую идею».

Главная тема и книга Влодова

После разговора с Чуковским Влодов задумался. И решил последовать его совету: найти себе ту главную тему, в которой он будет работать всю оставшуюся жизнь. И он её нашёл. Это оказалась библейско-евангельская тема, которой никто тогда ещё, в те годы, почти не занимался.

Таким образом, главным отличием Влодова как поэта от всей этой многообразной пишущей братии стало именно то, что у него появилась своя собственная, никем ещё особо не проработанная тема: тема божественная, на библейско-евангельские сюжеты. Ни у кого тогда такой темы не было; может, и существовали какие-то отдельные стишки, но вот чтобы целая книга под названием «Люди и боги» — такого не было ни у кого.

И это выдвинуло Юрия Влодова как поэта на совершенно недоступный тогда уровень, на совершенно недостижимую высоту.

Основные темы и книги Влодова

Но кроме этой главной, божественной темы, в творчестве Влодова были темы и другие. Конечно, они не идут ни в какое сравнение с его главной темой, но тем не менее занимают важное место в его творчестве. Это стихи военной тематики, о Великой Отечественной войне, собранные в «Книгу Судьбы», и стихи на историческую тематику, собранные в книгу «Портреты» (другое её название — «Летопись»). Вот эти три темы и, соответственно, три книги играли немало важную роль в жизни и творчестве Влодова.

Другие темы творчества Влодова

Но это только основные. Есть и другие, менее заметные, но всё-таки достаточно важные темы. Это пейзажная лирика, стихи о России, стихи о творчестве, о судьбе и миссии поэта, философская лирика, стихи о любви, иронические, юмористические стихи и всякого рода полушутки. Почему они менее видны? Потому что Влодов не складывал их в отдельные книги, как уже вышеупомянутые: они либо отчасти распределены по другим книгам, либо вообще никак не классифицировались и лежали просто в одной большой общей куче рукописей. И он не знал, видно, как их собрать, обработать и определить, поскольку издать какую-либо книгу у него не было возможности, а просто так их раскладывать для него, видно, не имело смысла. Да и не любил он такие дела — по разбору и классификации своего творчества: написал, да и дело с концом. А дальше он считал, что и без него как-нибудь разберутся.

Творческая манера Влодова

Если говорить о творческой манере Влодова, то я, конечно, не специалист (здесь в своё время должны будут сказать своё веское слово профессиональные критики, литературоведы, филологи), но в общих чертах могу сказать следующее.

Основная часть творчества Юрия Влодова написана в классической манере, традиционным стихом, с рифмой, размером и прочим. В молодые годы он увлекался модернизмом, в частности использовал ассонансы, но потом решил от всякого модерна в своих стихах отказаться. Как он всем объяснял, со временем он понял, что будущее за вечной, классической формой с небольшими поправками на время. Все эти модернистские приёмы, авангардная поэзия — не более чем

эксперименты и таковыми по большей части и останутся. Они устареют гораздо быстрее, чем даже то, что написано в прошлом веке. Поэтому если поэт хочет всерьёз работать в литературе и внести в итоге в неё какой-то вклад, он должен не заниматься словесным ребячеством, которое вполне позволительно в юности, а со временем перевести свои поэтические эксперименты в область более высокую — в область идей, образов, мысли. Вот в тех категориях и нужно творить что-то новое, необычное.

В принципе, он оказался прав. И все эти сверхмодные в своё время поэты-шестидесятники, а также следующие за ними поэты-авангардисты различного толка уже по прошествии всего лишь нескольких десятилетий смотрятся устарело и нелепо, а Влодов со своими классическими стихами из книги «Люди и боги» выглядит так же современно, как и в годы оны. Устарели как раз его модернистские стихи.

ЛЮДМИЛА ВЯЗМИТИНОВА

Московский союз литераторов. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, литературный критик, культуртрегер. Первая публикация — 1985 год, первая книга — 1992 год, лауреат II Филаретовского конкурса религиозной поэзии (2001), финалист и специальный дипломант — «За откры-

тие новых культурных контекстов в современной поэзии» — Международной премии имени Фазила Искандера (2018). Член Союза писателей Москвы и русского ПЕН-центра, куратор LitClub «Личный взгляд». Автор трёх книг стихов, более 200 статей о современной литературе, опубликованных в журналах «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Крещатик», «Урал», интернет-журналах «Топос», «Luterrатура» и Textura, газете «НГ-Ex Libris» (приложение к «Независимой газете») и других, и двух книг критики — сборника эссе о современной литературе «Tempus deliberandi. Время для размышлений», изданного по материалам выступлений на «Радио России» (1998, в соавторстве с Андреем Цукановым), и книги избранных статей «Тексты в периодике. 1998–2015» (2016). Многие годы была членом жюри различных литературных конкурсов и ведущей литературной мастерской при МСЛ «Для тех, кто пишет или хочет начать писать стихи». В Московском союзе литераторов была председателем секции поэзии.

ВЛАДИМИР ПРЯХИН

Московский союз литераторов. Член Союза российских писателей. Автор поэтических и прозаических текстов, переводчик, издатель. Родился в 1957 году в Туле. В разное время жил в Прибалтике, в Смоленской области, в Подмосковье. По образованию кибернетик. Изучал также экономику, искусствоведение, религи-

оведение, политологию и психологию. В конце 1980-х — начале 1990-х годов — активный участник демократического движения в Санкт-Петербурге и Москве. В советское время почти не публиковался. В 1980-х активно печатался в самиздате, выпускал самиздатовский журнал поэзии и прозы «Идеалист». С 1992 года стихи, заметки и статьи многократно публиковались в журналах, альманахах, периодических изданиях Москвы, Подмосковья, Тулы и других городов, в том числе в газете «НГ-Ex Libris» (литературное приложение к «Независимой газете»), в журнале поэзии «Плавучий мост», в электронных журналах «Сетевая Словесность», «Luterrатура», «Голос Бога», «На середине мира», «Артикуляция» и других, в журналах Латвии, Польши, Германии, Израиля, США и Канады (в переводе). Автор десяти поэтических книг и книги прозы сюрреалистического направления.

С 2012 года — редактор и издатель международного альманаха литературы и искусства «Среда» (в настоящее время — международный журнал поэтических практик «Тонкая СРЕДА»), основатель одноименного сетевого ресурса

(www.sreda1.org). С 2016 года — издатель сетевого альманаха поэзии и поэтической прозы «СРЕДОТОЧИЕ». С 2017 года — выпускающий редактор информационного портала, посвящённого актуальной поэзии и искусству, *The Medium* (www.medium.land), модератор литературного видеоканала ЛИТИНФО. В последние годы занимается экспериментами в области психологии творчества, создания поэтического метаязыка, сюрреалистической, абсурдистской и фантастической прозой. Лауреат премии «Золотое перо» (2012), премии литературного перформанса «Бродячая черепаха» (2021), шорт-листер премии «Московский наблюдатель» (2020). Постоянный участник Фестивалей свободного стиха в Москве и Санкт-Петербурге (с 2014 года). Дипломант Международного фестиваля поэзии в Туле (2014), 5-го фестиваля искусств в Российско-немецком доме в Москве и ряда других фестивалей и конкурсов. Тексты переводились на английский, немецкий и польский языки.

Памяти Людмилы Вязмитиновой

Летом непростого 2021 года ушла Людмила Вязмитинова. Ушла в то тяжёлое время, когда многие уходят, уходят преждевременно, неожиданно, на фоне повседневных дел и забот. Остаётся, как принято говорить, «светлая память», «вечная память». Да будет так. Будем честны, ничего вечного в нашем земном, далеко не «небесном» мире нет. Однако есть некая протяжённость во времени и пространстве. Я искренне надеюсь, что память о Людмиле будет долгой и переживёт поколение тех, кто её лично знал.

С Людмилой я познакомился на одном московском поэтическом мероприятии, когда разбирали чьи-то стихи, не слишком удачные. И когда их полностью раскритиковали, высказалась она. И неожиданно обнаружила в тексте столько

оригинальных авторских находок, что многие присутствующие удивились. И посмотрели на обсуждаемого автора с другой стороны, и увидели, что он действительно талантлив, просто несколько распространённых ошибок наносят ущерб написанному им. Тогда я ещё не знал, что такой внимательный, независимый подход к любому произведению любого автора всегда являлся её неотъемлемой чертой как критика.

Я не буду перечислять здесь подробно все литературные заслуги Людмилы Вязмитиновой. Среди них изданные ею книги стихов. Сборники критических статей. Её работа в клубе «Личный взгляд» и в Союзе литераторов. Организация фестивалей, бесчисленные выступления на литературных вечерах, обсуждениях и семинарах. Статьи в периодике, участие в редколлегиях разных изданий, труды по составлению альманахов, сборников, «Календаря поэтов» и просто книг тех авторов, которые ей были дороги. Об этом много написано и будет написано ещё больше. А коснусь именно этой, редкой в наше время человеческой черты — её искреннего внимания к авторам. Её способности объективно подойти к оценке их творчества. А в привычной среде «противостояний» — в литературном сообществе — не делить людей на «своих» и «иных». В силу возраста вокруг неё естественным образом группировались авторы, которых весьма условно можно назвать «традиционалистами». Однако её интересы в области поэзии, да и прозы, были удивительно широки. От неё часто можно было услышать похвалу опубликованному в журнале «Воздух» или в НЛЮ. Одной из первых, кого я увидел на завершающем мероприятии премии АТД в 2019 г., тоже была она.

— Наши ребята молодцы! Я рада за них! — заключила Людмила по окончании чтений. Всякий, кто знал её стихи, удивился бы этому высказыванию, настолько эстетика её собственных произведений была далека и даже противопо-

ложна тому, что называют «актуальной поэзией». Мы часто спорили с ней по поводу этого. И всегда в ней побеждал критик. Она имела способность отключить свои собственные эмоции, хотя была очень эмоциональным человеком, и быть объективной, находить действительно интересное и новое в любом, самом неожиданном по форме произведении.

— Я многое видела, меня трудно удивить, — часто повторяла она. Но тем не менее удивлялась и радовалась всему удачному, что видела в тексте. Возможно, поэтому многие молодые авторы активно участвовали в работе её клуба. И поэтому именно на организованных ею вечерах я дважды читал наиболее экспериментальные свои «творения», которые не осмелился бы читать в другом месте. Потому что знал, что она будет слушать и пытаться понять, и обратит внимание других на текст. Такое происходило со многими участниками её клуба. Возможно, эта победа «критика» в ней самой над «поэтом» мешала ей последнее время писать собственные стихи. И их появлялось немного. Но те, что появлялись, были удивительными. И отражали самые новые тенденции, проявляющиеся в нашей жизни.

Она постоянно искала новое. Она организовывала чтения, на которых параллельно со стихами обсуждались проблемы искусственного интеллекта, новейшей философии, цифровизации, роботизации. Как я понимаю теперь, ей важен был не научный уровень, на котором шёл диалог, но возможность побудить авторов думать и писать об этом. Самые разные тенденции были ей интересны: её можно было видеть на мероприятиях тех, кто относит своё творчество к «фем-письму», на фестивале верлибра, на презентациях прозаических книг, на ярмарке «Нонфикшн» и других самых разных мероприятиях. Находясь там или в пути, она ещё одновременно читала тексты, присланные авторами, с планшета. И потом высказывалась о них. Последние годы она сильно интересо-

валась современной прозой, особенно таким направлением, как «магический реализм». И соответствующий сборник её усилиями был издан. Она была человеком, который мог взять «сырой» текст книги и просмотреть его весь за несколько ночей, исправить ошибки, поставить пропущенные запятые, правильные «тире», обсудить с автором «неудачные места», терпеливо выслушать его возражения и возмущённые возгласы, убедить, уговорить исправить. И всё это бескорыстно, за счёт своего времени, которого у неё было катастрофически мало. А потом ещё оказать помощь в издании. И так многие поэтические и прозаические книги появились на свет. И были успешно презентованы в ЦДЛ или на других площадках, на радость авторам и их читателям.

— Я это перелопатила всё, исправила, согласовала, было ужас что, но теперь можете печатать, — говорила она мне как один из соредкторов журнала «Тонкая Среда», высылая произведение очередного автора. И далеко не всегда за этот труд она получала благодарность.

Очень сильно Людмила переживала по поводу изменений, происходящих в литературном процессе, потому что действительно была человеком этого процесса и в нём жила. Он был воздухом, который питал её. Людмилу огорчала уменьшающаяся посещаемость чтений и обсуждений, проявившаяся ещё до пандемии. Равнодушие многих авторов к творчеству их коллег. Она не любила онлайн-мероприятия, предпочитая живое общение, однако всегда старалась записывать и транслировать в сети организованные ею встречи.

И за пределами столицы её имя тоже давно известно — и как поэта, и как критика. Уже имея проблемы со здоровьем, она тем не менее посещала весьма удалённые города, участвовала в разных фестивалях и чтениях, выступала в местах, где приезд литератора из Москвы был событием и находил отклик в сердцах участников.

В последний раз я видел Людмилу 23 июня на организованных ею чтениях моих новых текстов, в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова. Была чудовищная жара, 35 градусов. Ей уже было тяжело двигаться и говорить, но она нашла в себе силы высказаться и в начале, и в конце встречи. В ней всегда присутствовал некий стоицизм, который она не выставляла напоказ, скрывала. Так было и в этот раз. В кафе, после чтений, попрощались. До сих пор вспоминаются её голос, жесты, черты лица. Невозможно представить, что её нет.

В конце лета и осенью 2021 года прошли встречи тех, кто лично знал Людмилу и трудился с ней на поле литературы, посвящённые её памяти. В Зверевском центре, в библиотеке им. Лермонтова, на других площадках. Несколько мероприятий прошли онлайн. Было сказано много тёплых слов как о ней самой, её литературном даровании, так и о её разносторонней деятельности. Особенно запомнились слова Евгении Вежлян о неразрывной связи всего, что делала Людмила, с её отношением к человеку, со всеми изменениями, происходящими в нем в наше время.

Большое значение имеет всё творческое наследие Людмилы Вязмитиновой. Многие её стихи ещё не опубликованы, и поступают предложения об издании сборника. Значительным, по мнению многих московских критиков, вкладом в литературный процесс является её известный толстый сборник статей и заметок «Тексты в периодике». На протяжении почти двух десятилетий Людмила высказывалась о выходящих книгах, творчестве разных интересных авторов и литературных встречах на страницах различных изданий как в США, так и в России. Книга эта, на мой взгляд, уникальна тем, что по ней можно проследить эволюцию литературного процесса, эволюцию освещения его в прессе и определённое развитие взглядов самого автора на этот процесс. Подобных книг очень мало, она важна как для тех литераторов, которые

писали в те годы, так и для тех, кто вступает в литературную жизнь сейчас. Совершенно правильным решением поэтому является проект по сбору средств на переиздание упомянутого сборника.

Я думаю, что нам всем — и читателям, и литераторам, — есть чему поучиться у Людмилы Вязмитиновой. Надеюсь на это.

ВАЛЕРИЙ ГАЛЕЧЬЯН

Член Московского союза литераторов. Родился в Санкт-Петербурге. Поэт, прозаик, драматург, график, автор 11-ти книг стихов, 3-х романов и 2-х повестей (в соавт. с В. Ольшанецким), сборника пьес и 15-ти альбомов графики. В последние годы выступал на различных поэтических фестивалях; печатался в журналах, антологиях, альманахах и сборниках произведений российских писателей, в редактировании и оформлении многих из которых принимал непосредственное участие. В 1995–2021 годах на персональных и коллективных выставках представил более 600 произведений, выполненных в традиционной и компьютерной графике.

ДАРЬЯ СУХОВЕЙ

Дарья Суховой родилась в 1977 году в Ленинграде. Окончила филологический факультет СПбГУ, кандидат филологических наук. Поэт. Выпустила два сборника стихов — «Автом» и «Стихи конца апреля» — в самиздате (1997), за которыми последовали книги «Каталог случайных записей»

(М., 2001), «Потому не будет» (СПб., 2013), «Балтийское море»

(М., 2014), «Малый свет» (Чебоксары, 2015), «48 восьмистиший» (М., 2015), «По существу» (М., 2018). Последняя вошла в шорт-лист Премии Андрея Белого (2018). С 1999 года ведёт в интернете «СПбЛитГид» — расписание литературных событий в Санкт-Петербурге. С 2001 года проводит «Фестиваль новых поэтов», изначально ежегодный, а сейчас биеннальный, с 2011 по 2014 год проводила развездной поэтический фестиваль «АВАНТ». В 2018–2020 годах входила в редколлегия электронного литературно-художественного журнала «Артикуляция», с 2020 года — соредактор серии электронных и аудиокниг «Текст + голос автора» проекта BOREY BOOKS. С 2008 года входит в арт-группу «бАб/ищи». Живёт в Санкт-Петербурге.

Валерий Галечьян как непосредственный продолжатель барочных традиций в современной поэзии

Некоторые визуальные приёмы поэтики современного поэта Валерия Галечьяна¹ (р. 1947, С-Петербург) непо-

1 По состоянию на 2007 год, когда писалась статья, Валерий Галечьян выпустил три небольших сборника стихов: «Аналитическая поэзия» (СПб., 1991), «Манифест» (М., 1994) и «Буддийский дневник» (М., 2004), а также толстый том авторского избранного «От ... и До ...» (стихи 1974–2004). М., 2004. Ещё одна публикация — в русско-французском альманахе-билингве «Поэзия Санкт-Петербург-Марсель» (1993). В эту публикацию вошли некоторые тексты из книги «Палитра поэзии» (Чебоксары, 1989), в создании которой Валерий Галечьян участвовал как составитель и иллюстратор произведений поэтов Серебряного века. Также была публикация в сборнике, выпущенном в преддверии одного из фестивалей свободного стиха «Верлибр нового тысячелетия. Стихи участников фестиваля» [XIV международный фестиваль своб. стиха. 5–6 мая 2007] (Тверь, 2007), где единственный текст воспроизведён с существенными искажениями. (Что и неудивительно, так как визуализированная поэтическая практика В. Галечьяна — явление на грани свободного стиха, который в идеале должен быть лишён мер повтора, а не освобождён, как в случае Галечьяна, визуализацией от традиционной записи мер повтора (горизонталы и параллели). Если посмотреть на это же с социопоэтической стороны, то получается, что за пределами фестивалей свободного стиха ко второй половине 2000-х, да и позже, так и не возникло зоны для бытования некоторых видов визуализированной поэзии. В качестве примеров можно привести поэтические системы Ларисы Березовчук, Александра Горнона, Михаила Мельникова-Серебрякова, чуть позднее в контекст фестивалей встроилась также визуализированная поэтическая практика Михаила Вяткина. — Прим. Д. С., 2021.)

средственно связаны с поэтикой барокко. Влияние Симеона Полоцкого и современной ему поэзии барокко на поэзию Валерия Галечьяна носит глубокий и всеобъемлющий характер, так как отражается не только на графике стиха, но и на тематике, и на поэтической технике в целом². По наблюдению И. П. Еремина, поэтике Симеона Полоцкого было присуще «большое развитие разных стилистических “украшений”, имеющих чисто орнаментальное назначение, нарочито затруднённая речь в результате необычной расстановки слов»³.

На формирование поэтики самого Симеона Полоцкого повлияла виршевая традиция XVII века, в которой одним из организующих средств стиха была грамматическая, чаще всего глагольная рифмовка, уже в XVIII веке ставшая банальностью, и поэты уже тогда стремились её избегать, или, по крайней мере, не выдвигать на первый план. В поэзии Галечьяна с рифмой происходят как минимум две трансформации, выраженные на графическом уровне. Одна из них — тенденция к компактной визуальной записи рифмующихся элементов, вторая — наследование принципу алфавитного упорядочивания сущностей, одному из важных конструктивных элементов поэтики барокко.

Рифма в поэзии Галечьяна выглядит как визуальное объединение графических фрагментов слов в завершающей группе букв (окончание, суффикс или часть корня). Это может быть как горизонтальное (оси слов направлены вправо), так и вертикальное (оси слов направлены вниз) построение. Для поэтики В. Галечьяна характерны визуальная актуализация и объединение нескольких слов, «врастающих» в одну служебную морфему (виршевая рифмовка и есть уподобле-

2 Симеон Полоцкий оказал сильное влияние на поэтическую практику Галечьяна, в чём он сам признаётся в авторском послесловии к избранному.

3 История русской литературы. Том 2. Часть вторая. Литература 1590–1690 гг. / под ред. акад. П. И. Лебедева-Полянского, ред. тома — акад. А. С. Орлов и др. М.-Л. 1948. С. 345.

ние типичных морфем, если подойти к этому же явлению со стороны языка). Остановимся только на одном примере этого явления с вертикальной организацией текста⁴ :

у
о согла с овываю с
п о
р л м
е н
д о и
е т
л в е
е л
н ь
н
о

совершенную цель прогресса

Текст читается в нескольких направлениях, которыми записаны однородные члены или логические синонимы, слова, завершающиеся одними и теми же буквами. Линейное чтение такого текста возможно: согласовываю определённо / условно / сомнительно совершенную цель прогресса. Встречается в этом фрагменте и алфавитная организация текста — у строк, начинающихся с одинаковых букв (т. е. с буквы «с»), одинаковые отступы.

Рифмы, выраженные двумя рифмующимися словами, не сводимыми графически к одному концу слова, встречаются в поэтических построениях Галечьяна нечасто. Но одна из частей поэмы «Постижение»⁵ написана с использованием именно такой рифмовки и алфавитно-визуального совпадения начал строк, начинающихся с одной и той же буквы:

4 Галечьян В. Манифест. М., 1994. С. 63

5 Галечьян В. От ... и До ... (стихи 1974–2004). М., 2004. С. 469.

не рождённый космос
не вникает
кого бездонным лоном порождает
виды
формы в свет направляя
размещение
на пространство слагает
не так чтоб уж очень скучает
втихаря молодняк наблюдает
что-то себе отмечает
высший дух за него размышляет
направляет
надзирает
роль отца всех вещей исполняет
зарождает
оплодотворяет
отбирает и расставляет
наставленья готовых принять
поучает
добра
зла борьбу
наблюдает
любовью
разумом
наукой
благие мозги
наделяет
там уж каждый свой путь обретает

Помимо рифмовки, в этом тексте архаичными предстают и некоторые слова (благие, поучает, наставленья и др.)⁶. Наблюдается противоречие между синтаксической структурой и графическим оформлением стихотворения за счёт немотивированного⁷ в рамках современной поэзии принципа деления на строки и неупорядоченного использования отступов разной величины. Принцип деления на строки и величина отступов действительно необъяснимы с точки зрения типичных поэтических приёмов конца XX — начала XXI века. При таком подходе можно заметить только то, что важен размер отступа от начала строки и вызванные им вертикальные совпадения букв, ничего общего не имеющие с фоникой, и именно отступ является структурной основой текста. Эти же приёмы оказываются прозрачными при рассмотрении текста в диахроническом аспекте. В стихотворениях Галечьяна реализуются принципы организации барочного текста. Разбросанность превращается в стройность, и наблюдаемое нами явление родственно акростихам и акроконструкциям с одной стороны и буквенной символизации — с другой.

Рассуждения о специфике пространственно-рифменной организации поэтических произведений Галечьяна приводят к формулированию положения о дополнительной нелинейной урегулированности поэтического текста, ус-

6 Тематика поэзии Галечьяна отвечает актуальным для барокко «просвещенческим» задачам логического познания или пользуется не менее научным историко-психологическим методом фиксации событий и переживаний, а не направлена на поиск поэтических созвучий и парадоксальных образов. Только вместо истории, важной для поэтов барокко, наукой-в-поэзии становится философия или психология (Позднее В. Галечьян увлёкся буддизмом и стал явственнее реализовывать в своей поэтической практике суждения, характерные для этой философской картины мира. — *Прим. Д. С., 2021*).

7 Отступы и большие пробелы в строках в современной поэзии являются немотивированными *en masse*, но в индивидуальных поэтических практиках они обретают индивидуальные смыслы, как, например, обозначение разрывной пластики текста в поэтке Фаины Гримберг или дополнительные энергии пауз у Станислава Львовского. В случае с цитированным в статье фрагментом из поэмы В. Галечьяна «Постижение» отступы актуализируют анафорическое начало; «отступлено» всё, что не начинается с целевой буквы «н» — «на» и реже «не». — *Прим. Д. С., 2021*.

ливающей свою значимость при включении в запись текста компрессивных элементов, влияющих на направление чтения текста. В случае повтора корневых морфем используется запись, основанная на возможности чтения снизу вверх⁸:

присоединяю
 собственные и
 л
 с
 ы
 к последним м . . . ям
 пуанкаре

Визуальный облик текста и заданное автором направление чтения показывают, как именно мысли Пуанкаре идут к мыслям Галечьяна, демонстрируя противоречие закону всемирного тяготения и вступая в конфликт с традиционным для русского языка направлением чтения «сверху вниз».

Возможность такого типа чтения можно связывать с общей установкой на эксперимент, а можно — с одним из ярких средств визуальной организации в барочных поэтических техниках — крестообразной записью текста. Крестообразная запись использует пересечения отдельных букв, составляющих наиболее значимые для понимания текста слова, — как в современном кроссворде, и актуализирует эти связи. Принципиальное отличие креста в поэтике барокко от креста в футуристической и современной поэзии — большее внимание к сакрализации смысла, чем к простоте/затруднённости восприятия и компрессии высказывания.

Галечьян затрудняет чтение текста пренебрежением к традиционным способам его записи. В частности, он использует контурный крест. Л. И. Сазонова пишет, что «Контур-

ные, фигурные стихи приносили в поэзию орнаментальное начало, однако использование их не ограничивалось декоративной функцией украшения текста»⁹. Вот крестообразный фрагмент из стихотворения Валерия Галечьяна «Смирение»¹⁰ (Я бы давно ушёл к ним. Но они все не зовут, читается с левого нижнего угла)¹¹:

ним.
 к
 Н
 л о
 е
 о уш они
 н в
 вад н ес
 ы е
 б
 з
 Я о
 в
 . ту

В тексте Галечьяна направление чтения, задаваемое автором, трудноуловимо глазом и оказывается непривычным для читателя современной поэзии. В рамках современной поэзии предполагается, что непривычная запись текста обязательно привносит возможность дополнительного прочтения. На правомерность этого предположения в рамках современной поэзии указывает наличие термина «невертни» (термин Германа Лукомникова, образованный по словообразователь-

9 Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 236.

10 Галечьян В. От ... и До ... (стихи 197–2004). М., 2004. С. 41.

11 Две буквы, которые мы выделили курсивом при воспроизведении здесь, в книге напечатаны в зеркальном отражении.

ной аналогии с перевертнями) — «тексты, в которых палиндромичность сведена до минимума, до нуля!»¹². В контексте антологии современных экспериментальных поэтических форм этот термин обозначает практически всю неэкспериментальную поэзию, нам же он нужен для точного обозначения сути явлений, на грани которых существует явление, рассматриваемое нами.

Элементы крестообразной записи текста в поэзии Галечьяна не исчерпываются вышеприведёнными примерами. Наряду с двумя общепринятыми в русском языке «слева направо» и «сверху вниз», автор провоцирует чтение «снизу вверх» и «справа налево»¹³:

в
 у
 а
 л
 и
 р
 у
 выявляюажанбо
 у
 р
 и
 н
 и
 б
 м
 о
 к

12 Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии. М., 2003. С. 191.

13 Галечьян В. Манифест. М., 1994. С. 44.

Линейное чтение: вуалирую, обнажаю, комбинирую, выявляю¹⁴. Этот пример сопоставим с известным экспериментальным крестообразным текстом поэта-эгофутуриста Ивана Игнатъева¹⁵, читающимся сразу в 5 сторон.

Н
 Величайшая
 Е
 Р ь е
 у м о м А с
 е
 б
 е

Игнатъев в своём произведении добавил к традиционно имеющимся направлениям чтения текста круговое (неверье), изогнутое (себе) и справа налево (самому), но не использует направление чтения снизу вверх.

Выводы: Поэтика Валерия Галечьяна в контексте индивидуальных поэтических систем конца XX — начала XXI века в целом как минимум нетипична. Она характеризуется воспроизведением и актуализацией практически забытых принципов визуальной организации стиха, бывших единственно важными в момент зарождения русской поэтической традиции, на грани XVII–XVIII веков, однако с годами утративших свою неповторимую выразительность. С позиций современного состояния поэтических практик поэзия Валерия Галечьяна видится примитивнее, чем в диахроническом отношении.

В произведениях Валерия Галечьяна наблюдается наследование традициям грамматической рифмовки, выраженное на уровне графики текста, избегание повторов, «эко-

14 В центре композиции оказывается личное окончание 1 лица глагола «ю», то есть компрессированное таким образом (авторское ли?) «Я», к тому же в настоящем времени. — *Прим. Д. С.*, 2021.

15 Игнатъев И. Эшафот. СПб., 1913. С. 14. Орфография осовременена.

номная» запись текста и упорядочивание записи строк по одинаковым буквам их начал, наследующее барочному принципу алфавитации, упорядочивания упоминаемых сущностей. Поэтика Валерия Галечьяна демонстрирует расширение списка возможных направлений чтения слов.

Основная проблема описания поэтики такого рода коренится в том, что современный текст остро нуждается в рассмотрении неотрывно от контекста той или иной традиции. Традиция литературного барокко, в соотнесении с которой была проведена интерпретация, общеизвестна, обширна и наглядна. Однако чаще всего исследователю (и критику) любых современных текстов приходится иметь дело с неочевидными традициями и с важным для рассматриваемого автора микроконтекстом, без знания которого исследователь обречён на неверные умозаключения и интуитивную оценку качества текстов.

Поэтика Валерия Галечьяна может восприниматься в синхронном аспекте как случайный набор разрушающих текст явлений, а в диахроническом — как набор традиционных для поэтики барокко средств организации текста, моделирующих понимание текста как единства формы и содержания.

2007, 2021.

ДЖАНГУЛИ ГВИЛАВА

Московский союз литераторов. Председатель секции прозы Московского союза литераторов. Координатор и главный редактор альманаха «Литературный перекресток». Окончил Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Ведущий отдела «Сатира и Юмор» газеты «Московский комсомолец». Был ведущим авторской программы Радио России «Литература вчера, сегодня, завтра». Занимал должность заместителя генерального директора телеканала «Русский экстрим» на НТВ+. Был генеральным директором издательства «Дума». Автор книг «Родственные связи», «Послания», «В саду любви», «Печальный соловей», «Мокрые крылья ангела», «Иллюзия радуги», «Приключения мысли». Обладатель нагрудного «Знака благодарности» газеты «МК». Приказом экс-министра культуры РФ А. С. Соколова удостоен благодарности «За значительный вклад в развитие русского языка и литературы». Лауреат Всероссийского художественного фестиваля «Артиада народов России» 2011 года по литературе.

ЕВА МЕРКАЧЁВА

Московский союз литераторов. Член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Обозреватель ИД «Московский комсомолец». Член ОНК Москвы. Книги: «Преступления и тайны современной России», «Тесак, Фургал и другие. Дела и быт в российских тюрьмах», «Град обречённых».

Кто сказал, что биография — это скучно? А что, если рассматривать биографию как захватывающий сериал, где каждая строчка — очередная серия? Нужно только представить, что за ней стоит.

Сын Абхазии.

Мой друг и друг многих известных писателей и журналистов Джангули Борисович Гвилава (мы часто называем его Джангули, и он не считает это панибратством) родился в 1955 году в Гудаутском районе Абхазской АССР. Представили Абхазию? Эти фантастически зелёные горы и изумрудные реки? Существует легенда о том, почему там такая богатая природа. Когда Бог раздавал земли, первые в очереди получили самые плодородные. Припозднившегося абхаза Бог спросил: почему же раньше не пришёл? Абхазец ответил: «Я не мог: у меня был гость, а гость — это святое!» За такое гостеприим-

ство Бог и даровал Абхазии лучшую землю. И вот на этой, в буквальном смысле плодородной почве вырос Человек.

Идём дальше.

Философ.

Джангули Гвилава закончил Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Философия, как известно, — мать всех наук. А ещё она лечит дух. И лучшие писатели и журналисты получаются именно из философов.

Человек пера.

Публикации в «Московском комсомольце», «Литературной газете», «Вечерней Москве», в журнале «Аврора» и других изданиях, а также книги — такие как «Родственные связи», «Послания», «Мокрые крылья ангела», «Приключения мысли» и «Печальный соловей» — свидетельствуют о... Можно было бы сказать дежурно: о большой одарённости и неуклонном творческом росте автора. Но я скажу по-другому: они свидетельствуют о живости ума и умении чувствовать жизнь, откликаться на её зов. Энергии Джангули Гвилавы хватает на многие творческие задачи. Он не просто активно участвует в жизни и работе «МК», являясь ведущим отдела «Сатира и Юмор», а также главным редактором альманаха «Литературный перекрёсток». Джангули Гвилава был на «Радио России» ведущим авторской программы «Литература вчера, сегодня, завтра». Занимал должность заместителя генерального директора телеканала «Русский экстрим» на НТВ+.

Часто выступает на различных литературных площадках столицы.

Более 20 лет является председателем секции прозы Московского союза литераторов. И вот что там про него рассказывают: «Личность незаурядная, глубокая, наделённая аналитическим умом и большим творческим потенциалом,

Гвилава пользуется большим уважением членов секции и как руководитель, и как мастер прозаического слова».

Афоризмы.

Богат тот, кто может в одной фразе уместить великий смысл. Некоторые афоризмы Джангули Гвилавы, как говорится, пошли в народ и стали неотъемлемой частью фольклора.

Награды.

О, как тешат наше самолюбие они, но как приятно знать, что все они заслужены. Приготовьтесь к длинному списку.

Деятельность Джангули Гвилавы не раз отмечалась почётными грамотами и дипломами. Он является обладателем нагрудного «Знака благодарности» газеты «МК». Приказом экс-министра культуры РФ А. С. Соколова удостоен благодарности «За значительный вклад в развитие русского языка и литературы». Лауреат Всероссийского художественного фестиваля «Артиада народов России» 2011 года по литературе.

Вошёл в антологию XX века (Юмор и Сатира). Был генеральным директором издательства «Дума»...

Книги.

Книги — они ведь как дети. Джангули — отец многодетный. «Родственные связи», «Послания», «В саду любви», «Печальный соловей», «Мокрые крылья ангела», «Иллюзия радуги», «Приключения мысли» — и это ещё неполный список его книг.

Лучше всех о них сказал Лев Новожёнов в предисловии к одной из книг:

«Джангули, Джангули Борисович, Джанни... В своё время, очень отдалённое от сегодняшнего, имя моего друга,

с которым я только что тогда познакомился, звучало для меня непривычно. А сейчас, что делают годы, оно выглядит на письме и вслух как вполне обыкновенное грузинское имя, хотя ни разу в жизни никакого другого Джангули я не встречал. Даже в имени своём он уникален, мой друг. В некоторые минуты особого благорасположения мне хочется называть его по имени и отчеству, чего он вполне заслуживает, так как с возрастом приобрёл приятную солидность, а заодно и авторитет не только в нашей любимой газете «МК», которая соединила когда-то наши судьбы, но и далеко за пределами служебной деятельности и приятельского круга. Но есть и ещё одно из его имён, приятное для моих ушей, — Джанни. Нетрудно догадаться, что это производное от его полного имени, а звучит оно на итальянский манер, потому что Италия — ещё одна, вместе с Грузией и Россией, по значению и близости к нашим сердцам, нашей душевной организации страна. Может быть, когда-нибудь, в каком-нибудь другом воплощении мой друг и впрямь заговорит и запишет по-итальянски, но пока он выражает свои самые заветные мысли именно по-русски, что, на мой взгляд, далеко не пустая игра случая, ибо выглядит его работа со словом весьма образно и органично. С некоторыми из этих мыслей вы можете познакомиться в этой книге, и я надеюсь, не без удовольствия».

ЖАННА ГОЛУБИЦКАЯ

Московский союз литераторов. Джамия Голубицкая (творческий псевдоним — Жанна Голубицкая), выпускница филологического факультета МГУ, специалист по РКИ («Русский как иностранный»). С 2002 по 2008 гг. — шеф-редактор журнала «Июминка» (Издательский Дом «С-Инфо»), в настоящее

время — штатный журналист российской федеральной общественно-политической газеты «Московский комсомолец» с 11-летним стажем, сотрудник Отдела социальных проблем, семьи, молодёжи и образования, постоянный ведущий психологической рубрики «Ты и Я». Автор семи книг (издательства «АСТ», «Амфора», «Давид»), награждена медалью «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе». С новой книгой «ТЕГЕРАНА-360» стала победителем конкурса (организованного EurasianCreativeGuild, LONDON) «Открытая Евразия — 2019» в категории «ЛУЧШИЙ ЖЕНСКИЙ АВТОР».

НАТА КИРВАЛИДЗЕ

Окончила Тбилисский Государственный университет, факультет журналистики. Работала на радио «голос Грузии» и в информационном агентстве «Free View». Играла в Тбилисском театре имени Александра Грибоедова в молодёжной труппе. Лауреат (первое место) творческого конкурса к 70-летию Эдуарда

Успенского (2007 г., Тбилиси, Посольство РФ в Грузии).

«...Встреча с журналистом и писательницей Жанной Голубицкой была хоть и недолгой, но очень интересной. Символично то, что Жанна была одним из первых моих респондентов. Когда я писала о Жанне, я представляла, что наступит день и я тоже стану такой же сильной и успешной в своей профессии...»

ЯНА ГОЛУБИЦКАЯ

Закончила с отличием бакалавриат и магистратуру МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет. Внештатный сотрудник российской федеральной общественно-политической газеты «Московский комсомолец».

«...Взять профессиональное интервью у собственной мамы, писательницы и журналистки Жанны Голубицкой стало для меня неким новым шагом, который позволил отделить себя в общении с близким человеком от вопросов семьи и осознать, как грамотно выстроить интервью, уже оценивая её колоссальный труд со стороны, но при этом понимая её намного глубже, чем специалист извне. Надеюсь, что наша работа позволит раскрыть новые грани дела жизни Жанны Голубицкой...»

Её университеты: приключения Жанны Голубицкой в исламском Иране и не только...

Мне очень лестно, что мой портрет оказался написан штрихами юных — я рассказала о себе с помощью вопросов, заданных коллегами моложе меня на целую жизнь. Одна из них — талантливая грузинская журналистка из Тбилиси **Ната Кирвалидзе**, а вторая — креативный пиарщик из Москвы, а заодно моя собственная дочь **Яна Голубицкая**. У моих интервьюеров много общего — молодость, талант, дружелюбие, открытость, любовь к своей профессии и необходимые для неё любопытство ко всему на свете и трудоспособность. Но при этом они родились и живут в разных странах с вытекающими из этого различиями в «бэкграунде» — традициях и воспитании. Поэтому и вопросы девочки задавали разные, благодаря чему я сама с удивлением увидела себя с неожиданных сторон.

Спасибо вам, прекрасные юные леди, за то, что я была вам интересна. Для полноты ощущений отвечу не каждой отдельно, а чередуя ваши вопросы.

Яна Голубицкая: «Мама, все твои книги написаны от первого лица потому, что они все о тебе?»

— Да, мне нравится писать — вернее, мне пишется — от первого лица. Но это вовсе не значит, что все мои книги — обо мне любимой. Дело в том, что я в первую очередь «действующий» журналист, корреспондент крупной ежедневной газеты, и только во вторую — писательница. Поэтому, по ставшей моим «вторым я» профессиональной привычке, я всё пропускаю через себя, сквозь призму, через которую вижу мир сама. Это так называемый «репортажный стиль», но, в отличие от журналистики, литература позволяет пропускать через себя не только правду и ничего кроме правды, но и плоды бурной фантазии автора. Но всё равно я ничего не выдумываю, а только, как сказали бы газетные редактора, «докручиваю» материал, придуманный самой жизнью. А беру его из собственного опыта — но не только личного, но и рабочего, который у меня, как у корреспондента федерального издания, весьма и весьма обширен. У нас в «МК» редактор положил бы мои книги в папку «Репортажи, испытано на себе».

На самом деле, моему личному жизненному опыту полностью посвящена лишь моя последняя и самая важная для меня книга — «ТЕГЕРАНА-360». Из которой получились целых две, а скоро, надеюсь, и целых три. Так вышло, что книга «СДЕЛАНА В СССР: приключения советской школьницы в исламском Тегеране» родилась как сборник «из невошедшего». Она состоит из историй, происходивших в Москве и в Тегеране с 1977-го по 1982-й годы, по ряду причин не вошедших в изданную в Британии книгу «ТЕГЕРАНА-360» или упомянутых в ней вскользь. А поскольку они всё же были, заставляя плакать и смеяться, мне стало жаль, если они останутся за кадром навсегда. Эпиграфом к этой книге я взяла слова из песни грузинского ансамбля «Иверия» «Арго»: «Если сникнет парус, мы ударим вёслами!»

Мне показалось, что именно эти слова лучше всего резюмируют то, что я хотела сказать читателю этими «приключениями советской школьницы».

А эпиграфом к «СДЕЛАНА В СССР-2», работу над которой я уже начала, станет другая строчка из той же песни: «Что ж, в конце концов, путь — вся цель гребцов, вот что нам открыли зимы с вёснами...» По мне, это как нельзя лучше отражает и содержание, и настроение произведения, посвящённого всем «сделанным в СССР». Тем, кто, как и я, рос в Советском Союзе, а вырос в совсем другой стране. «СДЕЛАНА В СССР-2» — о том, как мы жили и выживали, над чем смеялись и плакали, к чему стремились и чего добились — в историях из этой книги так или иначе узнает себя каждый, кто помнит, как весело мы выросли. Уж такое это было неоднозначное время: чтобы угодить в историю, не надо было делать что-то особенное, достаточно было просто что-то делать.

В обеих «СДЕЛАНА В СССР» как раз много про моё собственное арбатское, сокольническое и тегеранское детство, в них много автобиографичного, личного, хотя, с учётом описываемых событий, и общественно-важного много тоже.

Ну а все мои предыдущие семь книг — более лёгкое чтение. Они тоже основаны на собственном опыте, но не на личном, а на рабочем или туристическом. Мой опыт работы в так называемой «жёлтой прессе» вложен в книги **«Мужчина как предмет»**, **«Одна Ж в Большом Городе»** и **«Дьявол Просит Правду»**, корреспондентский опыт в ежедневной общественно-политической газете — в сборник **«Репортажи со шпилек»**, опыт собственных путешествий отражён в книгах **«Планета в косметичке»**, **«США под юбкой»** и **«10 дней в Рио»**.

И вот наконец три года назад я почувствовала непреодолимую потребность вернуться в собственное детство. Наверное, это логично: ценность воспоминаний проявляется с

возрастом, большое видится на расстоянии. Уют, настольная лампа, Андерсен вслух, театр у микрофона по радио, суп в фарфоровой супнице, ощущение тепла и защищённости — всё это бесценные ощущения детства, которые очень хочется сохранить в памяти и донести до потомков. В моем случае, до любимой дочери, которая и задала этот бесценный вопрос. Спасибо тебе за него! Знать свой, как сейчас говорят, «бэкграунд» очень важно — особенно когда старшие близкие постепенно уходят в лучшие миры.

Ната Кирвалидзе: «Вы сразу стали журналистом?»

— Нет, не сразу, хотя с самого раннего детства у меня было два главных увлечения — читать и писать. Книжки я читала все подряд — и взрослые, и детские — с самого того момента, как научилась читать. И постоянно что-то сочиняла: стихи, рассказы, какие-то пасквили на мальчишек. Естественно, вела бесконечный личный дневник со своими наблюдениями и рассуждениями о жизни. Но, в отличие от большинства пишущих девочек, все мои опусы были не в лирическом, а скорее в юмористическом ключе. Изменила сатире и юмору я только однажды, когда в восьмом классе без памяти влюбилась в мальчика из класса старше. Вот тогда я разразилась поистине трагически-лирическим циклом девичьих стихов, слёз и писем, потому что мальчик оказался очень ветреным и постоянно изменял мне с другими девочками. До сих пор его помню!

В школе мои сочинения постоянно зачитывали на родительских собраниях: я умела красиво «налить воды» и к месту употребляла взрослые умные слова. При этом сочинения по литературе мне давались в меньшей степени: я не любила сухой язык и термины литературной критики. Я всегда выбирала свободные темы и от души зажигала в их рамках. Особенно душевными у меня выходили описания природы, учительница русского даже пару раз плакала от умиления.

Уже в 5-м классе мы с подружкой на пару написали роман из 400 страниц! Как сейчас помню, он был про нашу школу и очень смешной! Конечно, все шедевры того времени ложились в стол, а то и в мусорное ведро. Но я всегда мечтала однажды сделать литературное творчество своей профессией.

90-е годы были тяжёлыми, бурными и голодными, поэтому, окончив филфак МГУ и получив рекомендацию в аспирантуру, я приняла решение не учиться дальше, сидя на шее у родителей с копеечной стипендией, а зарабатывать деньги. В Москве появлялись всякие импортные диковины — наряды, косметика. Открывались новые рестораны и салоны красоты. Мы были молодые, и все хотелось попробовать на вкус. Я устроилась переводчицей с английского в южно-корейскую торговую фирму. Компания занималась поставками модной одежды со всего мира, а я почти три года проработала личным помощником её президента господина Ин Мо Ана. Это был человек пожилой, очень властный и очень мудрый. В полной мере обладал восточной вежливостью, обходительностью и восточной же хитростью. Период плотного общения с мистером Аном и модной индустрией меня многому научил: я многое повидала, побывала во многих закрытых для простых смертных местах столицы, научилась правильно общаться не только с иностранцами, но и с людьми вообще. До сих пор вспоминаю, как мистер Ан, сидя со мной в крутейшем по тем временам ресторане отеля «Метрополь», учил меня красиво держать вилку и нож. ещё он любил давать мне советы, как надо одеваться. Наверное, в эти моменты он чувствовал себя Пигмалионом. Мне было всего 22 года, и я была абсолютно дикая.

Позже я работала в пресс-службе одного московского банка и рерайтером в рекламном агентстве. Каждое место работы приносило новые штрихи как к моему собственному портрету, так и к моему мировоззрению, и в итоге дало мне

бесценный опыт, который, как верно заметил поэт, «сын ошибок трудных». Обо всех своих трудовых подвигах я с лёгкой ностальгией и большой долей здорового смеха вспоминаю на страницах своей книги **«Одна Ж в Большом городе», Астрель, 2009 год** в рассказе «Это всё! Или офисы Миранды в лицах».

Но как только у меня возникла финансовая и личная возможность (дочка чуть подросла, а доходы мужа позволили мне заниматься любимым делом независимо от того, как оно оплачивается), я стала пытаться писать для периодики. Журналистских навыков у меня не было, но была какая-то внутренняя интуиция, уверенность, что всё получится.

Моей стартовой площадкой стал культовый молодёжный журнал «Птюч», он был очень популярным в 90-е годы. Его тогдашний главный редактор Игорь Шулинский, по счастливому совпадению, был и моим однокашником из параллельного класса, знакомым мне с первого дня за партой. Но это не помешало ему стать одним из самых знаковых на моем творческом пути главредов и прототипом не без юмора с сатирой описанного в «Офисах Миранды в лицах» «главреда одного модного журнала».

«Потусив» в клубном «Птюче», в качестве пробы пера пописав в рубрики о культуре и современном искусстве, а также поработав корреспондентом для одного сугубо профессионального медицинского издания, я опытным путём выяснила, что у меня получается лучше всего. И в результате всех экспериментов нащупала «своё» — так называемые «женские» проблемы (красоты, здоровья, семьи) и социальный аспект. Хотя кто сказал, что все эти проблемы — только женские? Разве мужчинам безразличны их внешность, самочувствие, настроение и, само собой, секс — как неотъемлемая часть отношений и в семье, и в обществе?

Избранный мною ориентир очень скоро доказал, что он верный. Главные редакторы «глянцев» довольно быстро меня заметили. И где-то через год работы внештатным автором в разных журналах я сама стала шеф-редактором женской газеты «Изюминка» при Издательском Доме «С-Инфо». Это, по журналистским меркам, весьма стремительный профессиональный скачок. «Изюминка» была первой в России газетой для женщин (именно в формате «газета», а не журнал), и я стояла почти у её истоков. В общей сложности я делала её более шести лет, и «Изюминка» стала частью меня — во всех смыслах. А я, вероятно, стала частью «Изюминки». И останусь ею навсегда — несмотря на то, что в феврале 2008-го года, к глубочайшему сожалению нашего коллектива и наших многочисленных читателей, издатель отказался от этого проекта.

В разные периоды времени наш «Изюм» (как мы любя называли наше издание между собой) претерпевал различные изменения и реструктуризации, но неизменным оставалось одно. Всё, что мы делали, мы делали для женщин. Самую последнюю концепцию, когда «Изюминка» похорошела и стала полноцветным глянцем, я писала сама, прочувствовав сердцем буквально каждую рубричку и подрубричку. Поэтому я искренне считаю «Изюминку» своей младшей дочкой, храню её подшивки, и люблю её по сей день.

«Изюминка» была ориентирована в основном на регионы, и наша фокус-группа не имела таких материальных возможностей, как большинство столичных жительниц. И это делало нашу работу несколько специфической. Основной нашей задачей было адаптировать весь спектр интересов нашей читательницы к её возможностям. То есть, всё: мода, путешествия, тенденции, — должно было стать для неё не «вестью из другого мира», а доступной реальностью. Мы старались говорить с читательницей даже из самого дальнего уголка на

её языке, развлекать её и заботиться о ней. Поэтому функция издания была не только развлекательной, но и прикладной и просветительской. Наш девиз гласил: каждая читательница — наша лучшая подружка. И если пока она, в силу обстоятельств, чего-то не может себе позволить, мы ей всё про это подробно расскажем, подскажем, дадим совет и утешим, если что-то не получается.

Мы учили добиваться успеха и никогда не падать духом. Именно это отношение к читательницам, а также опыт, накопленный за время работы в «Изюминке», и легли в основу моего шутивного пособия по обращению с мужчинами **«Любовь со счастливым концом: мужчина как предмет», Амфора, 2008 год.** Многие мои знакомые, кстати, ухмылялись, думая, что я влилась в ряд бесконечных советчиц из серии «как захватить его сердце и опустошить кошелёк». На это я отвечаю только одно: вы сначала прочитайте, а потом поговорим! Потому что на самом деле моё «пособие» — это не что иное как стёб над подобными «психологическими трудами» о том, как покорить лицо мужского пола. Так что рекомендую всем, кто не лишён чувства юмора и имеет смелость, поиронизировать над самим собой.

Но, несмотря на долю сарказма и общий иронический, пародийный тон, книга «Мужчина как предмет» — всё равно о мужчинах с любовью.

Яна Голубицкая: «Как тебе пришло в голову писать «травелоги» ещё до того, как этот жанр вошёл в моду?»

— Термин «травелог» пришёл к нам Запада и означает путеводитель на стыке, написанный на стыке прикладной и художественной литературы. То есть, сочетающий в себе необходимую туристу прикладную информацию, традиционную для обычных, привычных нам путеводителей (адреса достопримечательностей, магазинов, указание особенностей въезда в страну, получения визы и пр.) с художественно из-

ложенными приключениями автора в описываемой стране. В силу историй сухая информация о странах как бы оживает и получается такой «игровой» путеводитель. Сейчас так пишут трэвел-блоги, но в 2007-м году, когда я писала свою «Планету в косметичке», никаких блогов ещё и в помине не было. Так что у нас я стала первой «травелогшей».

Идея взялась из «Изюминки», которая, как я уже сказала, выходила в регионах, где по состоянию на начало нулевых у большинства ещё не было возможности путешествовать везде, где хочется. Поэтому наш главред требовал, чтобы наша рубрика о путешествиях была не как в глянце для богатых из серии «купи билет, лети в Париж», а чтобы наша читательница «будто в кино сходила». Чтобы прочитав нашу историю о какой-либо точке на карте мира, она бы не только получила полезную информацию о ней, но и могла бы поддержать на эту тему любую беседу, будто сама там побывала. Для этого мы описывали нравы, обычаи и особенности того или иного места от первого лица, преподнося полезную информацию в виде увлекательной истории, написанной языком настолько простым, что любая жительница периферии могла легко пересказать её от собственного имени, оперируя местоимением «я». Вот, к примеру, фраза из моего первого травелога (**«Планета в косметичке: путеводитель по миру для девушек со вкусом», «Амфора», 2007 год**) в описании Гаваны: «Я испугалась: мы и так еле нашли дорогу к отелю от этого рынка, на который попали в результате часовой поездки на велотакси. Такси это явно периодически подзаправлялось ромом: наш водитель, громко распевая весёлые песни, долго возил нас кругами по городу. В результате чего в моей и без того не сильной в топографии голове все гаванские улочки смешались в окончательную кашу...».

Благодаря работе и семейным путешествиям, я повидала ещё много разных стран, все впечатления и открытия от

моих многочисленных странствий по свету так или иначе нашли отражение во всех моих книгах. Когда издательство «Вокруг света» попросило меня написать травелог об Америке, составленный по образу и подобию «Планеты в косметичке», я с радостью согласилась.

Так увидел свет практикум семейных путешествий по Америке **«США под юбкой: путеводитель для всей семьи»**. От обычного путеводителя мой отличает большое количество забавных историй и взгляд «из-под юбки» — я сравниваю исследование Америки с шопингом в большом и роскошном бельевом магазине, когда у покупательниц разбегаются глаза... При этом, как и настоящий полноценный путеводитель, моя книга содержит очень много прикладных сведений, адресов и полезных советов.

А моей главной любви — бразильскому городу Рио-де-Жанейро — посвящена книга **«10 дней в Рио»**: это история о любви в чудесном городе-пляже. Смешная и немножко грустная лав-стори на фоне роскошных тропических пейзажей, сказка любви, соединённая с тревел-реалити — она и развлечёт вас в скучную московскую непогоду, и станет по-настоящему полезной для тех, кому интересно окунуться в совершенно новый, непривычный для нас мир — будни города-праздника.

Ната Кирвалидзе: «Вы писатель и журналист, пожалуй, одной из самых известных и читаемых газет страны. Как всё успеть и не трудно ли быть женщиной в столь нелёгкой профессии?»

— Женщиной быть хорошо в любой профессии — если только трактовать это правильно. Просто в любой работе у женщины есть свои женские методы и хитрости. И в случаях, когда большинство мужчин ползет на рожон, женщина может проявить свою природную дипломатичность (которую некоторые называют хитростью) и решить вопрос куда бы-

стрее и безболезненнее. Не зря же поколения наших предков по женской линии веками тренировались на своих кормильцах, проявляя чудеса в достижении консенсуса — и укрощали даже самых строптивых.

Но! Женская дипломатия возможна только тогда, когда сама женщина признает главенство мужчины. Это не про модное сейчас гендерное равенство, когда даже уточнение пола считается «дискриминацией по половому признаку», а наоборот — про умение женщины быть Очень Женщиной. В моих книгах про это много сказано, особенно в «Репортажах со шпилек» — там как раз о женщинах-репортёрах. Я всегда была папиной дочкой, и в смысле работы и работоспособности он тоже для меня главный пример. И хотя с 22-х лет я жила отдельно от родителей, именно уход отца перевернул очень многое в моем сознании и мироощущении — и навёл на мысль собрать свои многочисленные журналистские репортажи воедино.

Славной памяти моего отца, дипломата и специалиста по странам Ближнего Востока, который ушёл от нас 4.11.2010 года, через 3 дня после своего 70-летия, я посвятила свою книгу **«Репортажи со шпилек»**. В ней я провожу аналогию между работой журналиста и дипломата. Я действительно считаю свою нынешнюю работу дипломатией по-женски. Ведь репортёрские расследования — это тоже своего рода дипломатическая работа. Только дипломаты предоставляют её результаты родной стране, а репортёры обнародуют плоды своей деятельности со страниц родного издания. Мол, читайте, узнавайте, делайте выводы.

Мой папа всегда подчеркивал, что истинные профессионалы остаются всегда, потому что делают своё дело и умеют делать его ХОРОШО. Таких невозможно заменить ни при одном политическом курсе, какой бы ни взял новый правитель, оказавшийся у руля. Как мудро говорил Марк Аврелий, а за

ним и Лев Толстой: «Делай, что должно — и будь что будет!» Как журналист, репортёр и просто женщина, я на каждом порученном мне участке пытаюсь добыть максимум информации, пропустить её через себя, своё сердце, ум и даже тело (не подумайте дурного, репортажи часто требуют физической сноровки) опробовать на собственной шкуре и только потом превратить в не очень (по возможности!) скучный текст.

Моя цель — не только развлечь читателя, но и принести ему пользу, показать какие-то моменты и жизненные ситуации, с которыми ему пока ещё не довелось столкнуться... Или, наоборот, уже довелось, но он пока не знает, как поступать дальше. Читайте, улыбайтесь или печальтесь — но делайте полезные для себя выводы. Они лежат на поверхности, но выбор всегда за вами. Настоящие журналисты, как и настоящие женщины, никогда не довлеют — они лишь показывают и подсказывают. Иногда интимным шёпотом.

Яна Голубицкая: «Почему ТЕГЕРАНА-360 не издан в России?»

— Буквально недавно этот же вопрос на нашей ежегодной встрече задали и читатели МК. Но сначала спросили, почему вдруг я, постоянная ведущая любимой многими рубрики «Ты и Я» — и вдруг об Иране 40-летней давности, в годы исламской революции? Я рассказала, что некоторое время назад вдруг почувствовала, что настал момент мне написать что-то серьёзное — кстати, во многом благодаря МСЛ, куда я вступила благодаря прекрасному человеку, талантливому автору и руководителю нашей секции прозы Джангули Гвилава. И в силу влияния прекрасных, чутких и одарённых литераторов, с которыми меня свела судьба в Московском Союзе, подробности о творчестве которых вы непременно узнаете из этой книги.

Задумавшись, что же такого серьёзного я могу сообщить читателям, поняла, что самое по-настоящему необычное,

что было в моей жизни — это кусочек детства, проведённый в Иране. Революция, война — пусть и чужая, но я была в самом пекле. Хотя серьёзно все равно не вышло, так уж я устроена: обо всем пишу с долей юмора и уж тем более самоиронии.

А когда книга была готова, меня ждало страшное разочарование! Российские издательства, всегда с готовностью принимавшие в работу мой «лёгкий жанр» — женское чтиво, травелоги и тому подобное, вдруг твёрдо заявили, что «про Иран никому не интересно!» И как я ни объясняла, что там не только и не столько про Иран, сколько про советских людей и про то неоднозначное как для Ирана, так и для СССР и для взаимоотношений наших стран время, издатели даже отказались читать рукопись! Мне стало обидно, и я отправила её на международный литературный конкурс «Открытая Евразия-2019». Подумала, что раз Евразия, то, может, хоть там Иран будет интересен. И не ошиблась: моя книга выиграла конкурс и получила грант на издание, но только в определённом британском издательстве. Так в 2020-м году роман «ТЕГЕРАНА–360» был издан в Лондоне. Для российского читателя с учётом стоимости доставки книга и так бы была слишком дорогой, а тут ещё и пандемия, границы закрылись, и доставка прекратилась в принципе. Мне снова стало обидно: как же так, я писала по-русски, для наших людей, а они могут видеть только обложку на фото (по условиям британского издательства интернет-версии у книги нет). И тогда я собрала то, что по разным соображениям не вошло в британскую версию, и выложила на российскую платформу. Так появилась вторая книга на ту же тему, но не повторяющая её — «СДЕЛАНА В СССР: приключения советской школьницы в исламском Тегеране». В отличие от британской «сестры», её можно скачивать и читать онлайн.

Реакция на неё меня вдохновила, и я задумала третью книгу — «СДЕЛАНА В СССР–2», над которой сейчас работаю.

Она охватит период с 1974-го по 1990-й годы, события в ней тоже происходят в Тегеране и в Москве. Остальное пока не расскажу.

Но при том, что «ТЕГЕРАНА–360» так и не был издан в РФ, здесь у нас роман зажил своей жизнью, местами по-настоящему мистической! Неожиданно для меня книга сама стала находить своих героев! Так, мне написала в соц-сети жена того самого перебежчика дяди Володи, побег которого положил конец нашему пребыванию в Иране, а ведь её считали давно умершей! Оказалось, что она жива-здорова, живёт под фамилией своего нового мужа. От её послания у меня аж мурашки по коже пошли! Я его даже храню: «Только что прочла Ваше интервью «Радио Свобода». Вы прочли Шебаршина, но, видимо, не прочли книгу Кузичкина. Жаль. Вы меня не помните, а я помню Ваших папу и маму. Воспоминания о каком-то месте связаны не с местом, а с ощущениями. Я не люблю Тегеран, но вспоминаю о нем с любовью, как и Вы. Я жена «дяди Володи»».

Затем книга нашла одну из моих тегеранских подружек, которую я давно потеряла из виду... в Армении! Её судьба оказалась очень интересной. Её отец с нуля создал разведку отделившейся от СССР в начале 90-х Армении, стал практически национальным героем. Но, к сожалению, прожил очень мало. А та девочка, Лиана, оказалась моей коллегой, журналисткой, и тоже пишет книгу о том времени! Причём в Армении эту книгу очень ждут.

Мне пишут персы из Норвегии, где продаётся «ТЕГЕРАН–1360», ищут своих советских друзей, которых потеряли в начале 80-х, когда сами они бежали от исламской революции на Запад, а наши многие тоже бежали в 24 часа, ни с кем не простившись, из-за предательства того самого «дяди Володи». Кстати, и с ним не всё так однозначно.

Как оказалось, «щупальца» «ТЕГЕРАНА–1360» очень основательно протянулись в современность, несмотря на то

что речь в книге о событиях 40-летней давности. Роман продолжает как загадывать нам загадки, так и приносить неожиданные вести и разгадки из прошлого. Теперь мне звонят с радио, с ТВ, просят интервью о книге, несмотря на то что в России её нет. Это меня очень радует! Моя главная задача — чтобы «ТЕГЕРАНА–360» дошёл до российского читателя. А дальше уж книга и читатели сами разберутся, любить им друг друга или нет.

Кстати, иранцы «ТЕГЕРАН–1360» по собственной инициативе перевели на фарси и готовят к изданию у себя, о чём мне любезно сообщил глава их культурного центра в Москве, с которым я знакома. Это делает им большую честь! Я-то подумывала, что они могут обидеться, ведь не всё в книге в их пользу, хотя Иран и иранцев я очень люблю. Но революции, как и любые перевороты, дело всегда жестокое и неоднозначное, в котором у каждого своя правда. Но, судя по всему, я не ошиблась в иранском народе, в силе его духа и широте взглядов. Они умеют смело глядеть в своё прошлое и признавать не только победы, но и промахи с ошибками. А это уже само по себе свидетельствует о том, что у Ирана есть будущее, недаром он и есть Персия, одна из древнейших цивилизаций земли.

Вообще, если честно, иногда я сама боюсь своего романа! Он действительно местами оживает, находя своих героев и связанных с ними людей, а местами словно ставит точку. Будто бы этот герой уже своё дело сделал и уходит со сцены. Так, моя мама, бабушка твоя, ушла в конце этого октября, за две недели до этого рассказав мне то, что скрывала 40 лет (мама всегда очень трепетно относилась к тому, что с тех событий ещё не снят гриф «секретно»). А когда я сообщила ей, что дописала её рассказ в рукопись, она ответила: «Мне-то недолго осталось, а ты осторожнее!» В тот момент я только посмеялась, ничто не предвещало столь скорого ухода. Но через неделю мамы не стало.

Если б знать, что это будет наш самый последний с мамой разговор! Тогда бы мы говорили бы о чем-то более важном, чем нос Грибоедова (памятника, конечно — стоящего, вернее, сидящего перед мемориальным залом нашего посольства в Тегеране), который в начале 80-х отломал маленький сын советского военного атташе.

Про нос Грибоедова вписывать в рукопись я не стала, но остальное вписала. А самое ужасное дополнение — в посвящении: «Памяти моего отца» пришлось исправить на «Памяти моих родителей».

Ната Кирвалидзе: «И под конец интервью мой традиционный вопрос. О чём Жанна Голубицкая спросит саму себя?»

— Что мне сделать, чтобы ТЕГЕРАН-1360 издали в России и читатель, которому книга главным образом и предназначена, смог бы ознакомиться с ней без купюр?!

АЛЕКСАНДР КОЛЕСНИКОВ

Московский Союз литераторов. Член Союза журналистов России. Автор книг: «Как стать чемпионом, лёжа на диване» (2019) и «Золотой жетон» (2021). Рекордсмен «Книги рекордов России», мировой рекордсмен. Учредитель Национальной премии «Звезда бокса». Советник генерального секретаря Федерации бокса России.

ЕВГЕНИЯ СТЁПИНА

член Союза журналистов России

Из боксёров — в писатели

Евгения Стёпина: Александр, вы широко известны в боксёрской среде не только у нас в стране, но и далеко за её пределами. Сейчас вы стали известны и в писательской среде. В настоящий момент вы написали уже свою вторую книгу. Кем вы сейчас себя больше ощущаете: профессиональным боксёром или писателем?

Александр Колесников: Я бы, конечно, не сказал, что моё имя известно в писательской среде. Это преждевременно. Всё-таки я из мира бокса и от него ещё не оторвался. Может быть, когда-нибудь оторвусь, но, скорее всего, вряд ли. Поэтому не скажу, что мои книги известны далеко за пределами канатов ринга. Это, конечно же, не так. Я ещё слишком молодой, начинающий писатель. К тому же мои книги пока — в тематике бокса.

Е. С.: Мечтали ли вы когда-нибудь стать писателем?

А. К.: Первое моё знакомство с книгами случилось, как и у большинства моих сверстников, благодаря маме. Давным-давно, в глубоком детстве, она читала мне на ночь детские книжки и сказки. Я очень любил сказки, много их переслушал и чуть позже перечитал. Детские книжки мне очень нравились. Они были большого формата, тонкие, но красочные, с большим количеством рисунков.

В третьем классе одноклассник дал мне почитать одну книжку. Это был Жюль Верн — «Дети капитана Гранта». Я её буквально «проглотил». И именно с этого момента открыл для себя, как читатель, увлекательный мир книг. Это была настоящая страсть!

В то время книги ценились на вес золота. Это было настоящее богатство. Кто имел дома библиотеку из приличных книг, считался по-настоящему богатым человеком. В прямом смысле этого слова. Именно поэтому, когда я оказывался у кого-то из своих друзей дома, то первым делом шёл искать полки

с книгами. Я мог часами разглядывать корешки книг, читая их названия и даже не прикасаясь к ним. Для меня книги стали неким таинством. Естественно, если это было возможно, то я просил дать почитать мне понравившуюся книгу. В то время я был жутким аккуратистом (приучили дома и в детском садике), поэтому каждую книгу читал так, что не было даже видно, что она прочитана. Эта привычка осталась, наверное, и поныне. Терпеть не могу некорректного обращения с книгой! Повторюсь: встреча с каждой новой книгой для меня — это некое таинство.

Чуть позже я облазил все местные библиотеки, стал их завсегдатаем. Хотя там я читал в основном спортивную литературу. Я мужал, поэтому был также сильно увлечён спортом. Книги о судьбах наших чемпионов соответствующим образом мотивировали меня. Владимир Куц, Юрий Власов, Валерий Харламов, Владислав Третьяк и вся наша хоккейная команда — всё это мне было близко и знакомо. Я читал о подвигах советских борцов, бегунов, тяжелоатлетов, гимнастов, хоккеистов, легкоатлетов... Эти знания пригодились мне чуть позже.

Читая много художественной литературы, я быстро понял, что в ней можно легко заблудиться. Авторы было несметное количество, книг ещё больше, поэтому с течением времени можно было легко забыть, читал ты определённую книгу или нет. К тому же можно было упустить что-то важное в творчестве автора. Поэтому однажды я решил читать... собраниями сочинений.

К примеру, брал семь томов Ги де Мопассана, и пока я его всего не прочитаю, не переходил на книги другого автора. Потом брал тринадцать томов Джека Лондона и начинал читать уже их. Далее наступал черёд Майн Рида, Жюль Верна, Конан Дойля, Теодора Драйзера, Лиона Фейхтвангера, Эмиля Золя и многих других...

Считаю, что именно благодаря страсти к чтению я духовно обогатился, приобрёл, помимо кругозора, необходимый словарный запас, грамотность, хотя по литературе и русскому языку у меня всегда были только хорошие и отличные оценки. Моё планомерное чтение «остановила» лишь служба в армии.

Теперь — что касается вопроса о писательстве.

В период моего активного чтения, примерно лет в 17–18, меня посетила одна необычная мысль. Я даже прекрасно помню этот момент. Мы тогда жили на севере Сахалина, и это случилось зимой. Я возвращался домой по протоптанной в снегу тропинке и вдруг задумался над вопросом, кем бы я хотел в этой жизни быть. Мой мозг тогда почему-то выдал мгновенный ответ: «Хочу быть писателем!». Я удивился и сразу же отогнал от себя эту мысль. «Где я и где писатели?!» — это было смешно. Я находился тогда почти на краю света. О каком писательстве можно было оттуда мечтать? Писатель, в моём тогдашнем представлении, должен был непременно жить где-то в Москве. Никак не меньше.

Е. С.: Как вам пришла в голову мысль написать свою первую книгу?

А. К.: Всех секретов раскрывать не буду, но те люди, которые меня достаточно близко знают, однажды высказали вслух идею, что я непременно должен написать что-то на тему бокса. По их словам, я имел в боксе достаточный опыт, поэтому нужно было оставить в нём некий свой след, видение, своего рода индейскую зарубку. Целый год я от этого честно отнекивался. Просто я примерно представлял себе, что для этого нужно сделать и каких трудов от меня это потребует. Писать статью — это одно, а написать что-то похожее на учебник было не для меня.

Однако просьбы не прекращались, и ровно через год я решил попробовать. Естественно, о своём решении никому сначала ничего не сказал.

Я поудобнее устроился на стуле, открыл на компьютере вордовский файл и стал стучать пальцами по клавиатуре. Дома у меня были небольшие брошюры по боксу, поэтому я решил написать что-то в этом формате, листов 8–10, не больше, карманного размера. Написать и забыть...

Через пару написанных страниц я понял, какой должна быть книга о боксе, которую бы я сам с удовольствием прочитал. Когда я это понял, то приступил к написанию не брошюры, а именно книги по боксу.

У меня дома есть коллекция книг о боксе, написанных за всю историю нашей страны. Точно не подсчитывал, но это больше трёхсот изданий. Это, конечно, не все книги, выпущенные у нас в стране о боксе, но самая достойная их часть. Одним словом, было с чем сравнивать. Поэтому, прежде чем начать писать, я просмотрел их, чтобы понять, было ли написано что-либо подобное. Как я и думал, оказалось, что нет. Естественно, это дополнительно мотивировало меня на написание книги. Спустя два года я уже держал в руках её первый экземпляр. Это, конечно же, непередаваемое ощущение! Писатели меня поймут. Первая книга — это как первый ребёнок.

Е. С.: Чем интересна ваша первая книга?

А. К.: Первая книга называется «Как стать чемпионом, лёжа на диване», но, естественно, это в чём-то шутовское название. На самом же деле она могла бы называться примерно так: «Как встать с дивана, чтобы стать чемпионом». Это мотивирующая книга.

Бокс любят многие, а смотрят все, даже те, кто его не любит. Я имею в виду нокауты. Есть такое выражение, которое есть в книге: «Смотрят не бокс — смотрят нокауты». Или ещё одно: «Если боксёр не бьёт, то это уже не бокс». Или, например, мой афоризм из книги: «Уберите из бокса нокауты — и всё. Это будет последний для бокса день».

Моя задача была проста: оторвать нашего обывателя от дивана, увлечь его и показать, что бокс доступен каждому.

Любой мужчина, который смотрит бокс дома, хоть однажды, но пробовал нанести удары по воздуху. Пока никто не видит. Это аксиома. В большинстве случаев ничего путного из этого не получалось, и мужчина на этом останавливался. Снова ложился на диван и продолжал оставаться просто болельщиком. Я же хотел дать этому «одомашненному» мужчине руководство к действию. С помощью моей книги, которая является самоучителем бокса, можно начать изучать бокс в домашних условиях и избежать многих ошибок на этом пути. В книге много интервью со знаменитыми чемпионами, их практические советы по каждой отдельной теме. Помимо всего прочего, это хорошее руководство и для профессиональных спортсменов. Все секреты я, конечно же, не написал (надо оставить что-то и для себя), но думающий читатель может многое почерпнуть.

При изучении какого-либо удара по книге в качестве примера вам даётся один из больших поединков, который вы можете легко найти на видеохостинге YouTube. То есть, сначала вы изучаете, как правильно наносить удар или комбинацию, пробуете это сделать, затем читаете, где, когда и кем этот удар был удачно применён (во всех подробностях), а потом можете посмотреть, как это было воочию. Таким образом, у вас есть полный цикл обучения в домашних условиях: описание, рисунок, возможные ошибки, комментарии чемпионов и ссылки на поединки. Надо сказать, что описать и подобрать всё это, было делом непростым.

Результатом своей работы — книгой — я доволен. Наверное, сейчас написать подобное я бы уже не решился. Довольно тяжёлая работа, хоть и интересная.

В книгу просится ещё одна глава, которую я не стал писать (уже устал от написания), но, быть может, когда-нибудь до-

бавлю и её. Отстраняясь от того, что это моя книга, могу сказать лишь одно: если бы лет в пятнадцать я её прочитал, то мой путь в боксе был бы более лёгким и результативным. Я просто уверен в этом. Книга отвечает практически на все вопросы о боксе и написана доступным языком. Не «сухим» языком учебников.

Из курьёзных случаев могу добавить, что мою первую книгу... крадут! Уже несколько знакомых жаловались, что когда они давали эту книгу почитать, то её, под разными предложениями, уже не возвращали. Нет её, и всё тут! Для них это было не смешно, я же, конечно, веселюсь. Поэтому приходилось подписывать книгу по второму разу.

Е. С.: Ваша первая книга легко читается. Как вы оттачивали свой стиль?

А. К.: Ещё выступая в профессионалах, я понял, что в России мало пишут о наших боксёрах. Были различные ресурсы, но все писали в основном о зарубежных спортсменах, считая российский бокс малоинтересным. Другое дело — новости о Мохаммеде Али, Майке Тайсоне, Рое Джонсе или Мэнни Пакьяо!

Я стал писать короткие заметки о том, что мне было интересно, в «Живом журнале». Писал, можно сказать, больше для себя. Через некоторое время раздался звонок от одного моего знакомого, который возглавлял одну из федераций: «Почитываю то, что ты пишешь. У тебя хороший стиль. Я тебе предсказываю большое будущее в этом».

Когда я вырос из «Живого журнала», то создал свой боксёрский портал, который за короткое время стал очень популярным. В январе 2022 года ему исполнится 13 лет. Помимо текущих новостей о боксе, я стал писать статьи, которые становились популярными. Весь российский мир бокса стал читать новости и статьи на моём портале. Пару своих авторских статей я вставил в первую книгу. Они оказались очень кстати.

После этого меня стали приглашать на телевидение в качестве эксперта в боксе. Я стал узнаваемым. Меня приглашали на боксёрские турниры в качестве ведущего журналиста и эксперта. Попастъ на мой сайт значило заявить о себе или своём событии на всю страну. Это как минимум. Его читали и в Европе, и в Америке. По этому поводу есть также много курьёзных случаев.

К слову, в боксе я освоил практически все профессии. Я был боксёром, судьёй, рефери в ринге, матчмейкером (организатором шоу), промоутером, менеджером, тайм-кипером (следящим за временем), секундантом и тренером. Не был только, по-моему, катменом, который отвечает за рассечения на лице. Хотя секундант тоже за это отвечает, как и тренер, если нет катмена. Но тем не менее... Ах да, не был ещё супервайзером, главным судьёй. Ну, пусть это так и останется. Зато я освоил ещё одну профессию — стал спортивным журналистом. Про писательство вообще молчу — это отдельная тема.

Сейчас мой сайт сбавил обороты по различным причинам, в основном из-за нехватки моего личного времени. Как вы понимаете, я с головой ушёл в написание своей первой книги, а потом и второй. Но думаю, что работа по текущим новостям бокса ещё будет продолжена.

Е. С.: Сразу ли вы решились на написание своей второй книги? Не хотели ли на этом остановиться?

А. К.: Дело в том, что сначала я начинал писать художественную книгу, которую потом отложил, чтобы написать книгу об одном известном боксёре. Затем, подумав, что я смогу быстро написать брошюру о боксе, отложил и её. Брошюра вылилась в два года написания книги «Как стать чемпионом, лёжа на диване». Затем я снова вернулся к книге о боксёре, но опять отложил её, чтобы быстро написать книгу «Золотой жетон». Углубившись в неё, я понял, что быстро тут не получится, и посвятил ей тоже два года. Так что вполне ве-

роятно, что я снова вернусь к книге о боксёре. Если, конечно, эта многострадальная книга снова не будет отложена из-за какой-то новой идеи.

На мой взгляд, первая моя книга очень удачна. Повторюсь, что сейчас, наверное, я бы уже не взялся за её написание, зная все трудности. Книга «Золотой жетон» тоже о боксе, но это уже историко-публицистическое издание. Подобной книги в боксе ещё точно никто не создавал. Она уникальна по своему историческому материалу. Достаточно сказать, что при её написании использованы исторические фонды трёх российских государственных музеев. В книге «Золотой жетон» представлены уникальные фотодокументы из государственных, информационных и частных архивов. Это действительно уникальное издание, на мой взгляд. Мне самому интересно, как она будет встречена читателями и боксёрским миром.

Говорят, что одну книгу может написать каждый, а вот осилить вторую не каждому под силу. Горжусь, что мне это удалось. Это моё большое достижение. В спортивной литературе первую книгу часто пишут о себе любимом, на основе своих жизненных достижений, переживаний и восприятий. В основном это автобиографические книги. А дальше-то что? Дальше писать вроде как и не о чем. Да и первую-то книгу спортсмены пишут по большей мере не сами. Это делают за них журналисты и писатели.

Вторая книга была для меня неким вызовом. Или ты пришёл сюда, чтобы из себя только одну книгу выдать? Или можешь создать что-то ещё? Вторая книга для меня — вызов никак не меньший, чем первая.

Е. С.: То есть, две ваши книги с разных сторон рассказывают о боксе?

А. К.: Первая книга учит, как правильно начать заниматься боксом. Помимо этого, она кратко знакомит читателей с истоками российского бокса, содержит уникальные советы

чемпионов, их истории и многое другое. Один известный коллекционер сказал мне, что вторая книга будет пользоваться успехом не только у любителей бокса, но и среди отечественных коллекционеров. Посмотрим.

Е. С.: Ваша вторая книга называется «Золотой жетон». Скажите, прототип этого жетона находится внутри книги?

А. К.: Да, конечно, прототип жетона в книге присутствует. Но названа она так не только поэтому. Каждая награда — это достижение отдельного боксёра, и неважно, за первое место её вручили ему или за третье. Не все ведь становятся чемпионами. Поэтому даже награда за второе или третье место, если это высшее достижение для боксёра, является своеобразной золотой наградой — золотым жетоном. Я бы даже сказал по-другому: победным жетоном. Ведь победа — она у каждого своя.

Е. С.: Каковы ваши дальнейшие планы? Следующая книга тоже будет на боксёрскую тему?

А. К.: Я собираюсь закончить начатую книгу об одном боксёре. Если мне это удастся, то в моей копилке будет три книги о боксе. После этого я бы хотел попробовать написать уже художественную книгу. Посмотрим, что из этого выйдет.

Вот недавно решил написать рассказ. Написал быстро, но шлифовка потребовала некоторого времени. Не знаю, как получилось. Это мой первый рассказ. Хочу двигаться и в этом направлении. Идей много, главное — чтобы было интересно.

Художественная литература тоже служит для меня своеобразным вызовом, поскольку это то, чем я ещё не занимался. Это интересно, но и непросто. Я уже это понял. Будем пробовать. Будем делать!

О боксе я могу писать всю жизнь, так как это моя тема, но мне интересно и другое. Как говорится, не боксом единым. Надо развиваться гармонично.

Е. С.: Я не слышала, чтобы на тему бокса писали многие. Если ли у вас конкуренты-писатели?

А. К.: Есть писатели в боксе, которых я бы назвал скорее составителями книг. В основном они пишут (составляют) тексты в форме учебной литературы. Но «сухой» учебник, на мой взгляд, кроме специалистов, никому не интересен. Если вы 15-летнему пареньку сунете учебник бокса, то я сомневаюсь, что он заинтересуется «сухим» описанием ударов и стоек. Ему нужно дать то, чем бы он действительно заинтересовался.

Другой вариант — это автобиографическая книга, о себе любимом, как я говорю. Подобные книги пишут в основном не сами боксёры, а нанятые ими журналисты, писатели. Примеров могу привести множество, но не хочу.

Третий случай — это когда журналист, владеющий иностранным языком, перекладывает на бумагу то, что он прочёл в зарубежном издании. В основном пишут о каком-либо известном иностранном боксёре или боксёрах. Подобное было популярно в 90-е и последующие годы, когда появился доступ к иностранным изданиям и периодике, а потом и к интернету.

Если обращаться к нашей истории, то первая брошюра на русском языке была написана бароном Кистером в 1894 году. Затем были книги Харламбиева, Гетье, Денисова, братьев Огуренковых. В 1938 году чемпион СССР Константин Градополов написал первый учебник «Бокс», выдержавший несколько переизданий. Последнее случилось в 1965 году. Это то, что касается учебной литературы. Но были также и боксёры — исключения из правил, которые писали художественную литературу. Хотелось бы отметить двукратного чемпиона СССР Виктора Пушкина, который написал несколько детских книг о боксе, и, конечно же, Георгия Свиридова — писателя и первого председателя Федерации бокса СССР, — с которым я был знаком лично. Свиридов написал много прекрасных художественных книг: «Ринг за колючей

проволоккой», «Джексон остаётся в России», «Дерзкий рейд» и другие.

К слову сказать, «Джексон остаётся в России» был в детстве моей самой любимой книгой о боксе. Хотя она не только о боксе — скорее о том, как стать сильным. Причём не только физически, но и духовно. Это очень важно для подростков. Не думал, что когда-нибудь пожму руку уважаемому автору! Не думал также, что когда-то и сам начну писать!

НЕЛЛИ КОПЕЙКИНА

Московский союз литераторов. Копейкина Найля Гумяровна (Нелли Копейкина). Член Союза писателей России, Российского союза писателей, ИСП, Московского литфонда, Клуба писателей Центрального Дома работников искусств. Романист, публицист, драматург, сценарист, переводчик, поэт. Президент Интернациональной академии современной культуры.

УМУТ КЕМЕЛЬБЕКОВА

Московский союз литераторов. Окончила философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат социологических наук, академик РАЕН, президент фонда «Новое тысячелетие». Первая книга стихов и притч «Шёлковый путь» вышла в 1992 г. Переведена на английский, итальянский и нидерландский языки. Автор восьми книг фантастических рассказов и повестей, в т. ч. «Дневник контактера» (в соавторстве с Я.В. Сиверц ван Рейзема). Президент Клуба любителей фантастики «Остров Беляева». Клуб совместно с МСЛ проводит конкурсы фантастических рассказов среди учащихся московских школ. Лучшие рассказы публикуются.

Моё внимание привлекла тоненькая книжица, выставленная на полке книжного шкафа в офисе нашего Союза. Это был сборник ярких, добрых и очень поучительных сказок для детей под названием «Вот так так!» члена нашего союза Нелли Копейкиной. Через какое-то время на просторах Интернета, в Ютубе, я наткнулась на театральные представления по сказкам Нелли Копейкиной. И, уже познакомившись лично с Нелли Григорьевной, я поняла, насколько многогранно её литературное творчество. Она пишет большую и малую прозу, стихи, пьесы, сценарии и публицистику. Делает переводы с татарского языка и занимается переложением на русский язык поэтических произведений авторов из разных стран (по подстрочникам). В нашем союзе Нелли является членом секции Детской литературы, но с тем же успехом она могла бы войти в любую из секций союза.

Пишет Копейкина и для взрослых, и для детей. Сама она главными в своём творчестве считает произведения, написанные для детей. По её мнению, то, что преподносится детям в их раннем возрасте — это самый значимый пласт культуры. Детские произведения Нелли Копейкиной в 2016 году издательским домом «БИБЛИО-ГЛОБУС» выдвигались на Федеральный конкурс «Культура России 2012–2018 гг.». В 2019 г. Союзом писателей России Нелли Копейкина была номинирована на Премию Президента Российской Федерации за произведения в области литературы и искусства для детей и юношества. На конкурсе произведений «Открытая Евразия», объявленном в 2020 году Открытой творческой евразийской гильдией, произведения Нелли Копейкиной в номинации «Детская литература» заняли первое место, и их автор стала лауреатом премии им. Марии Шевель.

Драматургия Нелли Копейкиной тоже связана с детьми. По мотивам своих детских сказок она написала семь музыкальных пьес и новогодний мюзикл, — все они вошли

в репертуар театров России. Причём Нелли выступила не только в роли драматурга, но и написала тексты более чем к сотне песен, звучащих в этих спектаклях. Спектакли Нелли Копейкиной — это новое слово в театральном искусстве. Они «сериальны». Все семь пьес, являясь законченными отдельными произведениями, объединены главным героем — мальчиком Федей, с которым происходят сказочные приключения. Спектакли музыкальны, с интерактивными вставками.

Не менее значимым направлением литературной деятельности Нелли Копейкиной является создание ею пособий по изучению языков. Сегодня по её пособиям обучаются русскому языку студенты Болгарии, Китая и учащиеся ряда стран СНГ.

Да, Нелли Копейкина — писатель, чьё имя известно не только российским, но и зарубежным читателям. Её произведения переведены на многие языки, изданы в ряде стран, книги, выпущенные по её произведениям, продаются на самых крупных книготорговых площадках мира. Всего на сегодня по произведениям Н. Г. Копейкиной издано более 80-ти книг. Помимо этого, она активно печатается в литературных и научных сборниках, в альманахах, антологиях, журналах, а также является автором проекта «Академический литературный альманах» и его главным редактором-составителем.

Поражает число творческих объединений, в которые входит Нелли Копейкина. Сама она объясняет это необходимостью поиска тех, кто финансово поддержит её творчество. Обратившись в 2017 г. в Министерство культуры Российской Федерации с просьбой «дать жизнь» её сказкам, написанным для детей, Копейкина получила совет вступать в писательские союзы, куда министерством отпускаются средства, участвовать в конкурсах — и побеждать. На сегодня Нелли Григорьевна является членом не только Московского союза литераторов, но и Союза писателей России, Российского Союза

писателей, Региональной общественной организации «Клуб писателей ЦДЛ», Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов, Московского литфонда, Открытой Евразийской Творческой Гильдии. Помимо этого, она — действительный член Академии российской литературы, Международной академии русской словесности (Россия) и одноимённой академии в Австралии, Международной академии ЛИК (Германия), Интернациональной академии современной культуры. Она также — член Союза журналистов России. По признанию Нелли, реальная финансовая помощь в издании книг была оказана ей нашим союзом (в виде стипендий) и Открытой евразийской творческой гильдией (в виде премии в сумме пять тысяч долларов). Детские же книги её, высоко оценённые рядом специалистов: филологов, психологов, педагогов, действительно достойны того, чтоб им «была дана жизнь», это — национальное достояние России.

Я думаю, не только финансовый интерес, но и весь жизненный настрой Нелли, её доброжелательность и общительность способствовали и способствуют тому, что она ведёт такую активную творческую жизнь и занимается благотворительной общественной деятельностью. Она является инициатором создания и соучредителем Башкирского регионального центра благотворительных и культурных программ «ХАЗИНА», проводящего международные конкурсы детского литературного и художественного творчества и другие благотворительные мероприятия, а также представителем австралийской Международной академии русской словесности в Москве, входит в состав жюри различных литературных конкурсов, является президентом Интернациональной академии современной культуры.

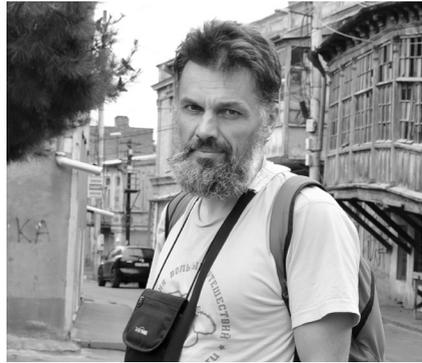
Ну и, следуя совету, данному ей в Министерстве культуры, Нелли Григорьевна активно участвует в различных литературных фестивалях и конкурсах. Кроме названной на-

грады (премии им. М. Шевель), она удостоена и множества других: является лауреатом ряда международных литературных и общественных премий, кавалером нескольких медалей, вручённых ей за достижения в литературной деятельности. Успехи Нелли Копейкиной отмечены благодарственными письмами и Почётными грамотами от государственных и общественных организаций.

Решением Президиума Академии Науки и Искусства Нелли Григорьевна Копейкина удостоена звания профессора филологии. Решениями Президиума Международной академии русской словесности ей присвоены звания: Мастер русской словесности, Заслуженный деятель культуры и Поэт мира.

АНТОН КРОТОВ

Московский союз литераторов. Известный российский путешественник и писатель. Побывал во всех регионах России, посетил 131 страну мира. Издано 59 книг, многие выдержали несколько изданий. Провёл более 1000 бесплатных лекций в России и других странах мира об основах вольных (самостоятельных) путешествий с рассказами про посещённые им страны мира, с показом фотографий и ответами на вопросы. Основатель «Академии Вольных Путешествий», проекта «Дом Для Всех», фестиваля «Лесной Трезвый Сход».

МАРИНА РЯБОЧЕНКО

Московский союз литераторов. Журналист, окончила Московский полиграфический институт. Более 20 лет проработала в СМИ — газетах «Московский комсомолец», «Советская торговля», потребительском издании

«СПРОС». Пишет прозу. Некоторые рассказы опубликованы в литературных журналах, альманахе «Перекрёсток». Издано три книги: «Записки из музыкального магазина», «Я работаю риелтором. Инструкция для начинающих», «Я работаю риелтором. Аренда жилья».

Антон Кротов — путешественник и писатель

Этим летом мне удалось вместе с Антоном Кротовым посетить Великий Новгород. Мы возвращались с его лекции в городской библиотеке в хостел по малолюдным вечерним улицам. И вдруг идущая навстречу нам девушка остановилась.

— Скажите, а вы Антон Кротов? Тот самый? А где вы остановились? Я приглашаю вас к себе!

Похожий диалог я не раз слышала и в других поездках с Антоном — во Владивостоке, Тбилиси, Ереване... ещё узнавшие Антона просили автограф и совместное фото на память.

Кто же он такой, Антон Кротов? Почему незнакомые люди на улице запросто приглашают его в гости, на ночёвку, рады пожать руку?

Антон Кротов — известный российский путешественник, писатель. Выпустил 59 книг. Многие из них переиздавались несколько раз. Начал активно путешествовать по России и республикам СССР в пятнадцать лет. В последующие годы, продолжая путешествовать на пригородных и дальних поездах, автостопом и пешком, не пользуясь самолётами и гостиницами, проник в самые удалённые регионы России. На сегодняшний день побывал в 131 стране мира.

В 1995 году создал клуб Академия Вольных Путешествий и первые 20 лет был бессменным Президентом клуба. В 2006 году занялся проектом «Дом для всех». В каком-либо городе мира снимается квартира или дом, который становится общим домом и центром притяжения путешественников со всего мира. За 14 лет такие Дома открывались 70 раз в разных точках Земли — от Владивостока до Мехико. Первые 14 провёл лично Антон Кротов, остальные снимали его друзья и последователи.

Антон Кротов провёл более одной тысячи бесплатных лекций. Не только в России, но и в зарубежных странах — на английском или с переводом на местные языки (индонезийский, итальянский, сербский и другие).

Во всех путешествиях и дома Антон Кротов интересовался религиозными учениями, существующими в мире. В результате своих поисков и исследований в 2001 году принял ислам. В 2016 году совершил хадж в Мекку.

Ведёт трезвый, здоровый и осознанный образ жизни и пропагандирует его.

Об Антоне Кротове можно написать много. Но лучше всего о себе рассказывает сам автор — на своих лекциях, в своих книгах.

Этим летом вышла в свет его книга «30 лет путешествий. 330 вопросов. 330 ответов. О дороге и обо всем». Среди этих 330 вопросов много с «профессиональным» уклоном: где найти адреса вписки, что брать с собой в дорогу, как питаться в других странах, сколько денег брать на месяц, два, год путешествия...

Но некоторые вопросы и ответы будут интересны не только вольным покорителям мира.

— **Для чего вообще нужны путешествия?**

— Для самого человека, который движется — расширение кругозора, получение знаний об окружающем мире, приобретение навыков общения с людьми (особенно в самостоятельном путешествии, без гостиниц и гидов), физическая закалка (в вольных путешествиях и в спортивных походах), развитие неприхотливости, изучение языков на разговорном уровне и политической географии, новые встречи, общение с людьми, осознание единства планеты и мира, ощущение Судьбы, Провидения или как ещё можно назвать — той силы, которая нанизывает события одни на другие наилучшим образом (именно в дороге можно хорошо в этом убедиться). Из-

вестный путешественник Вадим Должанский сказал также, что путешествия — метод продления человеческой жизни путём её интенсификации.

В дороге год идёт за два или три; в каждый день происходит столько событий, сколько в обычной оседлой жизни может не пройти и за неделю. Нас подвозили бандит, милиционер, прокурор, бизнесмен, священник, артист, сельский мудрец-философ, врач... Все эти люди делятся с нами своим опытом, знаниями, случаями, происходившими с ними, а мы с ними можем обсудить разные вопросы нашей жизни. Мы видим новые возможности жизни, мир открывается перед нами, мы находим новые варианты развития нашей собственной жизни. В дороге люди быстро взрослеют, умнеют, набираются опыта и жизненной мудрости.

— **Что такое Вольное путешествие?**

— Вольное путешествие — это такое передвижение по обитаемой части Мира, при котором участник путешествия большую часть времени (например, больше 15 суток в месяц) находится в обществе людей (местных жителей), для которых это общение с ним не является оплачиваемой работой. Вольное путешествие происходит наземным путём — автостопом, пешком, на попутном и рейсовом транспорте, платно или бесплатно, иногда и по железной дороге или по воде, или авиастопом. Полет с билетом на самолёте в какую-то страну — это не В.П., но вольное путешествие можно осуществить внутри этой страны и обратно улететь тоже на самолёте.

— **Не становится ли восприятие мира часто путешествующего человека калейдоскопичным — как виды из окна поезда или автомобиля?**

— В современной жизни всё изменяется вообще быстро, путешествуешь ли ты, или стоишь на месте. Мы живём в другой стране и в другом мире, чем жили 25–30 лет назад, даже если б никуда и не выезжали все это время. Появление

интернета и информационный бум повсюду преследуют человека, и человеку это нравится.

Не хотите новых впечатлений — поезжайте в деревню, в глушь, в тайгу, где нет электричества и мобильных телефонов. Спички не забудьте.

— **Бываешь ли ты дома (в Москве)?**

— И такое бывает. Например, в 1998–2004 годах я в среднем находился в Москве пять — шесть месяцев в году. С 2006 года — в связи с началом проекта «Дом Для Всех» — я оказываюсь в Москве на меньшую часть года; так, в 2009 я провёл в столице точно 101 день. В 2012 году я провёл в Москве всего 56 дней, и 310 дней был в разных других местах. В 2015 году я провёл в Москве 65 дней, и ровно 300 дней пробыл в других городах, странах и полушариях.

В 2016–2019 годах на Москву приходилось ещё меньше времени — примерно полтора месяца за год. Моим домом (и домом моих друзей) становились Иркутск, Каир, Владивосток, Стамбул, Мехико, Антананариву, Нижний Новгород, Бишкек... Так что хоть в московском доме я бываю и реже, но так как моим домом является весь мир — я дома всегда.

— **Это кем же надо работать, чтобы по полгода путешествовать?**

— Самим собой.

Найдите то, что вам больше всего нравится делать, и делайте это. Постарайтесь делать это хорошо. Постарайтесь получать за это деньги.

Людей, путешествующих по полгода ежегодно, немного. И у каждого из нас своя технология жизни и заработка. Я, например, занимаюсь книгами: пишу, издаю их и продаю.

— **Неужели можно прожить «написанием» книг?**

— Написанием книг прокормиться, наверное, сложно. Можно прожить продажей книг (или своих текстов в журналы и СМИ).

Каждый человек, по сути, может добыть средства к существованию, продавая продукты своего труда. Или продавая свои способности, знания, умения. Если у вас нет ни продуктов труда, ни знаний, — можете продавать чужие продукты или чужие знания. Так и поступает большинство — хотя свои товары и знания продавать, конечно, интересней.

— **Хорошо (этично) путешествовать без денег?**

— Специально выезжать из дома без денег, оставляя средства дома, надеясь, что водители либо попутчики накормят, оденут и спонсируют, конечно же, НЕхорошо. Когда я покидаю Москву и отправляюсь в дальний путь, то обычно беру с собой почти все деньги, имеющиеся у меня на данный момент. Сейчас, в 21 веке, если российский путешественник долго и усердно путешествует, рекламируя всем свою безденежность, то это нехорошо, по меньшей мере, странно. Если у нас нет денег, или нам жаль их тратить, или нам лень трудиться в России, или неудобно одалживать, или мы у всех уже все одолжили и не отдали? Или мы так привыкли жить не по средствам, отчего любые деньги кончаются, не успев начаться — не нужно говорить об этом на каждом перекрёстке, всем водителям и торговцам. Это портит ваш имидж и позорит Россию в дополнение к тому. Рекламирывать нужно свои достоинства, а не недостатки.

— **В каких самых необычных местах тебе случалось ночевать?**

— О, во множестве самых необычных мест! Мы с друзьями, помню, ночевали однажды в Пальмире (Сирия) в погребальной башне. Я ставил палатку на разных кладбищах и ночевал в склепах, распуская летучих мышей; зимой в Эвенкии ночевал в палатке в лесу с друзьями при морозе около -40; в Индонезии спал в ректорате университета прямо на столе ректора (там было меньше насекомых, чем на полу); ночевал в больницах, пожарных частях, некоторых тюрьмах,

в воинских частях и в сельсоветах; в юртах, в школах, в кузовах машин... Случалось спать и в коровнике, и в хижине папуаса между ним самим, его жёнами, детьми, курами и свиньями. В мебельном магазине на продающихся там диванах; в особняках в гостях у очень богатых людей; на крыше гаража, автобусной остановки, в мечетях, церквях, во всевозможных памятниках мировой архитектуры...

В последние 10 лет необычных мест ночёвки стало поменьше, потому что стало больше опыта. В необычных местах ночёвки обычно проблемы с помывкой, с едой и электричеством, а эти блага мне постепенно становятся всё нужней. Одновременно я становлюсь опытней и умнее, да и активность и известность помогают — во многих городах мира меня зовут уже в гости, как только я изъявляю в интернете желание появиться там.

— Какое самое необычное транспортное средство, которым приходилось ехать?

— Ну, для многих будет казаться необычным — а для опытных вольных путешественников вполне нормально, — что я ездил автостопом в кабинах локомотивов, и в вагонах грузовых поездов, и в домиках геологов, и в грузовом самолёте, и в барже, и на лодке-долблёнке, на машине-самоделке, а также на машине, которая везлась в кузове другой машины...

Я проехал на Памире около 100 км до Мургаба верхом на бочке бензовоза (наверху, вцепившись руками в верхний люк бензовоза, на высоте 4000+ метров над уровнем моря, среди заснеженных вершин Памира, по дороге очень тряской и не очень хорошей). За полтора-два часа я промёрз до невозможности (а в кабине было уже переполнение); но интересно, что по приезде водитель захотел денег, и я действительно дал ему 10 сомони.

— Почему ты предпочитаешь самые дешёвые и простые продукты?

— Они не только дешёвые, но и полезные. Никто ещё не отравился хлебом, гречневой кашей, овсянкой, перловкой, арбузами в сезон, рисом, кефиром, бананами, квашеной капустой и т.д. Почти все продукты стоимостью до 100–150 руб./кг (в России, в ценах 2020 г.) можно считать полезными, а дорогие — выше 150 руб./кг — бесполезны для здоровья и при неумеренном употреблении могут привести ко всяким проблемам в организме. Кроме того, подсаживаясь на дорогие пищевые продукты, человек тратит больше времени на их добычу, на поиски денег, необходимых для их приобретения. Есть даже такие яства, которые дают меньше энергии, чем нужно на их добычу. Какой прок в таком топливе, на котором нельзя даже доехать до следующей заправки?

У некоторых людей на зарабатывание денег, походы по магазинам, готовку еды и её последующее трудоёмкое съедение уходит половина жизни. А вторая половина уходит на лечение болезней, вызванных многооблюдием.

Помните, что дешёвое, малоккусное и недостаточное питание — основа здоровья и силы организма.

— В чём ты для себя видишь пользу для других от своих путешествий?

— Польза другим в том, что я несу им знания о единстве и доброте окружающего мира. О том, что нет плохих стран, нет плохих народов, и мы все — единое целое. Что мы можем жить на планете вместе, не ссорясь и рационально расходуя ресурсы Земли. Что папуасы и американцы, китайцы и русские, негры и французы, чеченцы и эвенки — братья во всемирной семье человечества.

Данное знание я передаю как устно в частном порядке, так и в лекциях, которых я провёл более тысячи в разных городах мира от Дакара до Анадыря, и в своих произведениях, а также на опыте организации Домов для всех и Трезвых Лесных Сходов АВП, в которых сотни людей живут вместе, не

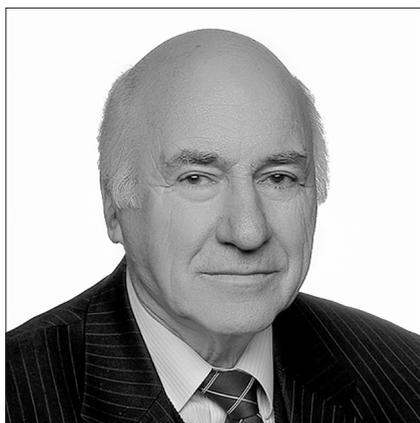
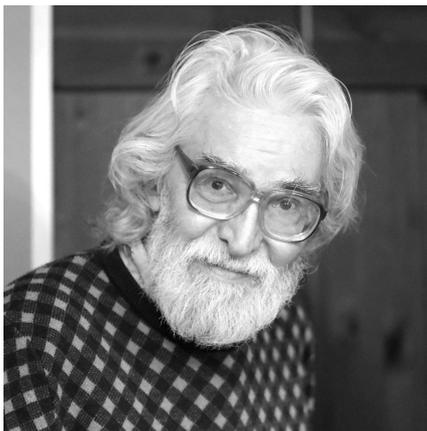
ссорясь, представляя собой малую модель нашей планеты в целом.

Кроме того, наблюдая в ходе путешествий жизнь простых людей на разных концах мира, я описываю их жизнь в своих книгах, делаю фото и видео, через которые сотни тысяч людей уже узнали о том, как живут мадагаскарцы, мексиканцы, жители Памира и проч.; в этих материалах сохранены подробности их быта, жизни, транспорта и экономики конца XX — начала XXI века, что пригодится не только сегодняшнему путешественнику, но и будущему исследователю, историку и этнографу.

Возвращаясь в Россию, в Москву и принимая у себя тысячи людей, я показываю им возможности дружбы, единства людей и гостеприимства, в связи с чем многие люди тоже становятся гостеприимнее и добрее друг к другу, а некоторые даже начинают вести здоровый образ жизни, а также исцеляются от ненависти и страха, что пытаются вселить в окружающих шайтан-сундук (телевизор).

ВИКТОР КРОТОВ

Московский союз литераторов. По образованию — математик, по роду деятельности — писатель, по главному творческому интересу — философ. Известен также как автор сказок «Волшебный возок», истории про червячка Игнатия и др. В своих философских книгах использует сказки для взрослых. Выходили его книги по семейной педагогике «Компас для младенца», «Как наполнить детство» и др., а также по педагогике литературного творчества. Член МСЛ с 1993 года. Жена — поэт и писатель Мария Романушко. Четверо детей.

ГРИГОРИЙ РАХУТИН

Московский союз литераторов. Был членом координационного совета Российского союза профессиональных литераторов. Советский и российский учёный, педагог, литератор. Доктор технических наук, профессор, академик Академии проблем качества. Григорием Рахутиным опубликован ряд пьес, сценариев документальных фильмов, статей, рассказов, стихов.

Родник и Московский союз литераторов

Давно хотелось рассказать о Викторе Гавриловиче Кротове. А тут звонок от Елены Фёдоровны Ксенофонтовой. И среди прочего она сказала, что готовится сборник Литперекрёстка, в котором будут помещены рассказы, связанные с Московским союзом литераторов. Это и явилось толчком к рассказу о Кротове В.Г.

Студия начинающих литераторов «Родник». Добираться туда довольно далеко. От метро «Алексеевская» нужно пересечь ряд шоссе с плотным автомобильным потоком, потом идёшь по внутреннему двору, образуемому рядом зданий, потом опять пересекаешь дорогу, и, наконец, небольшое двухэтажное здание. На втором этаже этого здания и проходили занятия этой студии. Вёл их Виктор Гаврилович Кротов, несомненно, выдающийся педагог, литератор и философ. Человек огромной эрудиции: он помнил десятки литературных произведений. Оказывается, обо всём, что он читал, он делал записи, и спустя много лет без труда вспоминал о прочитанном. Виктор Гаврилович — педагог от Бога. Да и, видимо, он серьёзно готовился к каждому занятию. Вёл строгий учёт посещаемости и выполнения домашних заданий, как он называл их, «незадания». Занятия проходили интересно. Он делал литературный разбор стихотворений своих подопечных, и все с увлечением давали свои оригинальные определения заданным им словам. На его суд и я дал написанную мной пьесу «Здравствуйте! Я — Гумилёв». На следующем занятии он высказал о пьесе своё мнение. Книги Виктора Гавриловича я давал читать своей внучке. У неё отличный вкус. Книга о червячке Игнатии ей понравилась, и я сказал об этом Виктору Гавриловичу. В то время я вёл занятия в Государственном университете управления по дисциплинам «Философия науки и техники», «Управление качеством»

и «Квалиэгометрия» — авторской дисциплине по выбору (этот придуманный мной термин означает «наука об оценке качества управления собой»). На практических занятиях я использовал книгу В.Г. Кротова «Человек среди религий, человек среди учений». Это очень мудрая, философская книга. Я заказал несколько её экземпляров для библиотеки университета, а студенты в качестве домашнего задания на практических занятиях разбирали какую-либо сказку из этой книги или какую-либо тему. Из книги «Пиши по-своему» на занятиях студенты писали оригинальные определения по теме занятий и сочиняли связанные тексты из набора случайных слов. Группа разделялась на две части примерно поровну и творила. Им это нравилось. Виктор Гаврилович в увлекательнейшей форме написал несколько книг с советами, как научиться писать. В 2005 году Виктор Гаврилович рекомендовал меня в секцию прозы Московского Союза литераторов. В эту же секцию из студии «Родник» позже вошла и Лариса Адлина. Виктор Гаврилович очень много и кропотливо работал с Ларисой Адлиной, и её мастерство благодаря этому существенно выросло. Кстати, и сам Виктор Гаврилович, и его жена, и сын, и дочь — члены секции прозы Московского союза литераторов. Возглавляет её уже много лет подряд очень талантливый литератор, зав. отделом сатиры и юмора «Московского комсомольца» — Гвилава Джангули Борисович. Благодаря его спонсированию регулярно выпускаются литературные сборники «Литературный перекрёсток». Помимо меня и Адлиной, из студии «Родник» в Московский союз литераторов пришли также Кира Краснова (царствия ей небесного) и ныне лауреат многих литературных премий Татьяна Шипошина.

КСЕНИЯ КРОТОВА

Московский союз литераторов. Поэт и писатель, родилась в 1989 году, окончила Школу искусств «Золотой треугольник» и Детскую школу анимационного искусства при «Центрнаучфильме». Автор более 20 книг стихов и прозы.

МАРИЯ РОМАНУШКО

Московский союз литераторов. Поэт и писатель, родилась в 1950 году, выпускница Литературного института им. Горького, автор 50 книг стихов и прозы. Биограф Леонида Енгибарова.

Ксения Кротова: искусство слова, верховой езды, семейной педагогики

Можно сказать, что писатель Ксения Кротова выросла на моих руках, у меня на глазах...

В то время, когда Ксения ещё не умела говорить, — она пела. Пела, глядя на закат, на звёзды, на распустившиеся свечи каштанов, на порхающих бабочек... Я говорила мужу: «У нас родился поэт!»

И когда Ксения в полтора года заговорила, она заговорила не только прозой, но и стихами. И пока она не научилась сама записывать свои стихи и рассказы, это делала я. Обычно вдохновение её посещало к полуночи. Как настоящего поэта.

К двум годам стихов у Ксении уже набралась целая книжечка, и она назвала её «Облака, пока!» К трём годам — вторая книжечка «Я — клоун в манеже!» Но издали мы эти книги только к девятилетию автора, чтобы не создавать ажиотажа вокруг маленького ребёнка и не нанести урон её душе. Ксения сама оформила книги весёлыми рисунками. В девять лет она восприняла выход своих первых книг совершенно спокойно. Книги выходили у её родителей, у её старшего брата, и Ксения относилась к изданию книг как к делу обычному, но, безусловно, радостному.

Ксения не ходила в обычную школу, мы давали ей домашнее образование, стараясь развить все её способности и удовлетворить все её интересы. Кроме того, она занималась в разных детских школах искусств. Самым сильным увлечением в первый период жизни был цирк. В шесть лет Ксения участвовала в моём взрослом спектакле, посвящённом Леониду Енгибарову — «Не умрёт клоун». Она играла маленького клоуна и очень оживляла действие. С этим спектаклем мы выступали на взрослых площадках, включая Цирковое учи-

лице, Дом литераторов, Дом учёных, театр «Перекры́сток». (Этот спектакль можно посмотреть на Ютубе).

Кроме взрослого спектакля, у нас с Ксенией был клоунский спектакль «Золотко», рассчитанный на детей и родителей. «Золотко» мы тоже показывали на разных площадках.

И была у Ксюши жгучая любовь к лошадям. Эта любовь привела нас на Ипподром, где в девятилетнем возрасте Ксения села на лошадь и начала заниматься верховой ездой...

В итоге Ксения стала не только замечательной наездницей, но со временем и успешным тренером.

Была у Ксении и страсть к живописи, к гончарному искусству, к резьбе по дереву, к нетканому гобелену, к игре на барабанах, к жонглированию и многому другому, всего не перечислишь. В Детской студии анимации, где она занималась, Ксения создала фильм «Звёздный клоун», посвящённый Леониду Енгибарову. Этот фильм показывали по «Культуре» и по другим ТВ-каналам.

Кроме того, была страсть к спорту. Не только к верховой езде, но и к велосипеду, конькам, роликам, стрельбе в тире, настольному теннису и многому другому...

Все эти интересы и страсти были удовлетворены. Вот как много можно успеть, если не ходишь в школу! При этом необходимые для жизни знания в точных науках, географии, биологии, астрономии и грамматике Ксения тоже получила — от родителей и от старшего брата-путешественника Антона Кротова.

Легко ли быть младшим ребёнком в семье, где все писатели? И родители, и старший брат. Все активно пишут, издаются... Мы, взрослые, старались никак не подавлять индивидуальность Ксении, не навязывать ей ничего своего, не править её сочинений, не критиковать. Но только деликатно подсказывать, подпитывать и развивать.

Радостно то, что практически все увлечения и интересы Ксении нашли отражение в её литературном творчестве.

Её жизнь с детства наполнена значительными событиями, яркими эмоциями, разнообразным творчеством, поэтому такие же наполненные у неё книги.

Семь лет Ксения занималась в литературной студии «Родник», которую вёл её отец писатель Виктор Кротов.

С восьми лет стихи Ксении, рассказы, эссе и афоризмы стали появляться в периодике — в журналах «Куча мала», «Дорога вместе», «Кукумбер», «Нарния» «Общий язык», «Литературный перекрёсток»; в газетах и в коллективных сборниках. Ксения неоднократно становилась лауреатом и дипломантом Московского литературного конкурса для детей и подростков «Волшебное слово». Побеждала в детских литературных конкурсах еженедельника «Книжное обозрение» и журнала «Мурзилка».

В десять лет Ксения написала свой первый роман. Крошечный, но настоящий роман — «История Арно и его братьев». Главный герой — конь Арно. С большой нежностью описана его жизнь от рождения до глубокой старости...

В пятнадцать лет Ксения написала повесть «Сахара, или Мифический друг». Сахара — это лошадь, с которой главная героиня путешествует не только по земле, но и по другим мирам в поисках смысла жизни и Бога. Сахара — реальная лошадь, на которой Ксения ездила верхом много лет...

Увлечение цирком вылилось у Ксении в книгу «Круглая многогрань», которую она посвятила клоуну Л. Енгибарову и жонглёру В. Кулакову.

Занятия нетканым гобеленом под руководством народного художника Грузии Нодара Цагарели тоже имели у Ксении достойный выход — многократное участие во Все-союзных выставках народного творчества «Жар-птица» на ВДНХ, в выставке в Париже. И, как подытоживание опыта — книга «Нетканый гобелен — живопись волокном».

Все эти годы Ксения продолжала писать и стихи. Вышли сборники «Волны», «В зелёной гуще берёзы» и «Зов с Неба».

Когда Ксения перешла к тренерской работе, родилась книга «Конь, всадник, инструктор: как понять друга друга?» Учебник по верховой езде, глубоко поэтический и психологический.

И вот — большой роман в 24 печатных листа «Сказки моей жизни» — автобиография первых 25-ти лет, издана в 2017 году. Книга уникальная, может быть, единственная в своём роде. Обычно воспоминания о жизни люди пишут на склоне жизни. Но чтобы в столь молодом возрасте суметь оценить всё, что с тобой произошло за первые 25 лет жизни, найти смысл всему, в том числе трудному и горькому, найти слова благодарности каждому человеку, с которым пересеклась по жизни, который поделился с тобой своим теплом, талантом, мастерством... Редкая книга!

И я глубоко благодарна своей дочери, ибо вижу, что ничто не прошло даром, ничто не было ею забыто, ни одно значимое событие жизни, ни одно наше родительское усилие. Всё легло в её сердце, в память, в книгу.

Я благодарна Ксении и за то, что она активно участвовала во всех моих проектах — вечерах и фестивалях памяти клоуна Леонида Енгибарова, выставках художника Валерия Каптерева. Благодарю за страстное участие в спектаклях плэйбэк-театра Александра Милитова — это целая эпоха в нашей с ней жизни!..

А когда Ксения вышла замуж и стала мамой, её литературное творчество наполнилось ещё одним содержанием — педагогическим. Была написана и издана серия «БЕЗпроблемный ребёнок» — семь книг по семейной педагогике (2018 год):

Книга 1. «Степень свободы».

Книга 2. «Характерные конфликты».

Книга 3. «Безобидное детство».

Книга 4. «Не мешай мне!».

Книга 5. «Разрушаем стереотипы».

Книга 6 «Безграничные возможности».

Книга 7. «Пища внутреннего роста».

Примыкая к ней, идёт книга «Семейный эквилибр» — о взаимоотношениях в семье.

И ещё одна пронзительная книга Ксении Кротовой — «Жизнь после смерти ребёнка», 2019 год. Книга об утрате любимого сына. Книга, полная любви, боли и мужественного преодоления, поисков ответа на вопрос: как жить дальше?..

В настоящий момент Ксения Кротова — автор более двадцати изданных книг и мама четырёх маленьких детей. Кроме того, она занимается с детьми-инвалидами, обучая их верховой езде. Ученики Ксении занимают призовые места на Всероссийских соревнованиях по адаптивной верховой езде.

Ксения является создателем и художественным руководителем плейбэк-театра имени Александра Милитова. Ведёт активную общественную работу в том месте на планете, куда она с семьёй недавно переехала. И активно пишет об этой жизни на своей странице ВКонтакте.

И при этом Ксения не забывает о том, что она — писатель. Ею написаны две новые, как всегда, наполненные живым содержанием, книги: повесть «Встречи между двух рек». И книга об иппотерапии «Поле радости».

В завершение хочу сказать, что я горда тем, что в нашей семье вырос такой хороший человек и такой замечательный писатель. Точнее — два хороших человека и два замечательных писателя — Ксения Кротова и её старший брат Антон Кротов. Рада, что мы своим детям помогли осознать своё призвание и осуществить его.

И — пополнить ряды членов Московского Союза литераторов.

ЛАДА КУТУЗОВА

Московский союз литераторов. Сотрудничала с журналом «Семья и школа», где вышли миниатюры из сборника «Лысые пряники». В 2015 году в издательстве «Аквилегия-М» издана сказочная повесть «Мусины бусины». В издательстве АСТ в 2017 году издано подростковое фэнтези «Темногорье».

Книга вышла в финал премии Лайвлиба «Лучшая книга 2017 года, выбор читателей. Ужасы, мистика». Третье место в конкурсе «Бегущая по волнам» за лучший женский образ в фантастике. В издательстве «Время» в 2017 году вышла школьная повесть «Человек-невидимка из седьмого «Б»». Книга заняла первое место в проекте «Книга года: выбирают дети» среди своей возрастной группы. В 2018 году изданы повести «Звезда имени тебя», «Первое слово съела корова!». В 2019-м — «Укрощение строптивого Женьки». В издательстве «Аквилегия-М» в 2018 году вышла мистико-фэнтезийная повесть для подростков «Изгнанники Темногорья».

ДМИТРИЙ ГАСИН

Поэт, книжный обозреватель, блогер.

Дмитрий Гасин: Лада Валентиновна, расскажите, как начался ваш творческий путь? Для кого вы стали писать сначала?

Лада Кутузова: Если честно, я ни для кого конкретного не писала. Детские авторы нередко проходят определённый путь: у них рождаются дети, родители начинают придумывать для своих детей сказки, истории, рассказывать их перед сном... У меня это прошло мимо: мои сыновья — погодки, я с ними очень уставала, и мне всё время хотелось спать. Из вечера в вечер я рассказывала им сказку «Гуси-Лебеди», в процессе засыпала, младший сын меня расталкивал — и я продолжала рассказывать. Никаких сокращённых и альтернативных вариантов они не принимали — так что, когда они были совсем маленькие, о сочинительстве речь не шла. Свою первую миниатюру «Лысые пряники» я написала в 2006 году — она была о моих сыновьях, но уже чуть подросших.

ДГ: А почему «Лысые пряники»? Что это за название такое?

ЛК: «Лысым пряником» у нас в семье называется причёска «под ноль» — именно так мы подстригли младшего сына, когда он отрезал свою пушистую чёлочку. Она ему лезла в глаза.

ДГ: То есть, началось с семейного фольклора и юмористической миниатюры. А дальше?

ЛК: А дальше эту миниатюру опубликовали как авторский материал в газете «Моя семья». Я очень сильно удивилась, подумала: ну надо же, я, наверное, писатель! Порадовалась... и больше особо ничего не писала. Но, видимо, эта заноза — «я писатель!» — где-то глубоко внутри у меня засела, и со временем я все-таки начала писать дальше. В основном это были миниатюры о сыновьях, небольшие наброски реалистического толка.

Поворотной точкой стала поездка в Чехию в 2009 году: она произвела на меня огромное впечатление, мне очень понравилась Прага — и я решила написать о ней рассказ. Рассказ назывался «Школа бабок ёжек», был адресован взрослым и совсем не имел отношения к детской литературе. Но когда я его написала, ко мне пришла идея о Мусе — девочке, которая поехала на юг и там встретила фею. С этого и начался мой разворот к детской литературе.

ДГ: Речь насколько я понимаю, идёт о вашей первой книге — «Мусины бусы». Это повесть-сказка?

ЛК: Да, это повесть-сказка, состоящая из небольших рассказов, которые называются «бусинами»: бусина первая, бусина вторая — и в результате они образуют «бусы», целую книжку.

ДГ: А какие сказочные повести вы сами читали в детстве? Можете посоветовать что-нибудь из любимого?

ЛК: Если говорить о сказках, то это любимые сказки Александра Шарова «Человек-горошина и Простак» и «Кукушонок, принц с нашего двора». Очень люблю! У меня со-

хранилась эта книжка, она уже очень потрёпанная: её читали мои сыновья, друзья сыновей... В общем, рекомендую — у современных детей она находит отклик.

ДГ: Отличная рекомендация — но вернёмся к тому, как вы стали детским писателем. Началось все с невинного отпуска в Праге и «Мусиных бусин» — а дальше?

ЛК: А дальше было сотрудничество с журналом «Семья и школа». В своё время мои родители выписывали его — а я читала, кое-что сохраняла, вырезая на память безжалостной рукой... Наше сотрудничество длилось два года, и всё это время в журнале публиковались миниатюры из того самого сборника «Лысые пряники» — к тому времени как раз набралось достаточно.

ДГ: То есть, вы ещё в детстве читали журнал, написанный педагогами для педагогов и родителей, и узнали все их страшные секреты? Любопытно! А что же было после «Семьи и школы»?

ЛК: А дальше читатели наперебой советовали мне предложить «Мусины бусины» какому-нибудь издательству. Я очень сильно удивилась, потому что была уверена, что новая детская литература никому в нашей стране не нужна — ведь есть Чуковский, Барто, Михалков и прочие прекрасные авторы по списку... Но мне сказали: «Ну что вы, надо же попробовать!» — и я начала рассылать по издательствам. Из некоторых мне даже ответили — читали, мол, рукопись всей редакцией, очень понравилось, но — увы. Ситуация к тому времени на рынке изменилась, российских авторов стало невыгодно издавать, читатели неохотно покупали их книги — поэтому в тот раз ничего не вышло.

Тогда я отправилась на конкурс «Новая детская книга» — и в 2014 году «Мусины бусины» попали в лонг-лист конкурса. После этого рукопись приняло к рассмотрению издательство «Аквилегия-М», и в 2015 году книга успешно вышла.

ДГ: После этой светлой жизнеутверждающей истории сам собой возникает вопрос: а как вы стали писать тёмное фэнтези? С чего вдруг?

ЛК: Наверное, дело в том, что в подростковом возрасте мне попался Стивен Кинг. В библиотеке, подозреваю, не знали о содержании книг «Полицейский из библиотеки» и «Солнечный пёс», когда давали мне их в руки. Я хочу сказать, что мне было очень страшно — я даже думала тогда, что никогда к Кингу не вернусь.

Но, с другой стороны, «Темногорье» и «Изгнанники Темногорья» — это тёмное фэнтези для подростков. И, конечно, там нет такого натурализма, как у Стивена Кинга. Я прекрасно помню и постоянно держу в голове, для кого я пишу, кто моя целевая аудитория. Поэтому, несмотря на то что это тёмное фэнтези, в нём есть надежда — надежда на то, что герои справятся и не сдадутся. Эти книги вообще о том, что в любой — даже, казалось бы, безвыходной — ситуации сдаваться не стоит.

ДГ: Читатели-подростки пишут в отзывах, что в героях ваших фэнтези-книг видят себя и своих друзей, что они верят героям. Как вы этого добиваетесь?

ЛК: Я приступила к подростковому книжкам только тогда, когда подросли мои сыновья — до этого я не бралась за них, потому что боялась наврать. Иногда читаешь рукописи довольно неплохих авторов и видишь, что там подростки — это 30-летние офис-менеджеры. Поэтому я дождалась момента, когда подрастут сыновья, их друзья, дети соседей... Например, прототипом Кати из «Темногорья» послужила знакомая девочка, я списывала образ с неё.

ДГ: А она знает об этом?

ЛК: Нет, но мама её знает! Она же ведь и делилась со мной всеми сложностями характера своей дочери. Некоторые персонажи не имеют чётких прототипов — но они всё равно

вобрали в себя черты моих знакомых подростков, поэтому, видимо, и получились достоверными.

ДГ: С фэнтези все понятно: это модно, увлекательно и чертовски востребовано. Но у вас ведь есть сугубо реалистические школьные повести. Как вы дошли до жизни такой? Откуда взялась тяга к этому жанру? И что это за книги?

ЛК: «Человек-невидимка из 7 «б» — это как раз произведение, которое родилось из вопроса «Почему же ты не пишешь о моих?» (его неизбежно и постоянно задают любому подростковому писателю). Сергей Фадеев и его младший брат Леха, герои повести, списаны с друзей моих сыновей — это реальные ребята, которые занимаются экстремальным велоспортом ВМХ. Весьма, кстати, травмоопасным — жизнь и здоровье всех спортсменов в обязательном порядке страхуют. У них, конечно, есть защита — наколенники, налокотники, даже специальные панцири, — но всё равно на соревнованиях бывает всякое. Серый — обычный тринадцатилетний подросток. Он хорошо учится, но младший брат — отличник. У Серого есть друг, у брата — полкласса в друзьях. Вдобавок Лёха пользуется популярностью у девчонок. И даже когда братья начинают заниматься экстремальным велоспортом, Лёха в первых же соревнованиях выходит в финал, а Серый... Так и жил бы он в тени более удачливой младшего брата, если бы не влюбился в звезду спортивной команды — Майю Самохину.

ДГ: Про экстремальный спорт читать, наверное, очень интересно — но всё-таки основная тема книги не в этом?

ЛК: Да, в первую очередь — это книга о дружбе, о соперничестве и о первой любви, когда не знаешь, как подойти к понравившейся девочке — ведь она звезда спортивной команды, а ты только начинающий спортсмен и тебе многое не удаётся.

ДГ: А девочкам читать будет интересно?

ЛК: Да, я думаю любой девочке будет интересно почитать о том, как мальчик находит слова, способ обратить на себя внимание. Он пишет ей стихи...

ДГ: Что, пишет — и прямо так всем показывает?

ЛК: А вот и нет! Книга же не случайно называется «Человек-невидимка». Там есть своя интрига — кто прочитает, тот всё поймёт. И я думаю, приём главного героя многие возьмут на вооружение.

ДГ: Тема любви продолжается в книге «Звезда имени тебя». Как родилась идея этой повести?

ЛК: Это было в 2016 году. Я тогда долго болела и очень долго восстанавливалась — не только физически, но и эмоционально, энергетически. У меня было достаточно подавленное состояние, и я поняла, что надо себя вытаскивать — как барон Мюнхгаузен говорил, «за волосы из болота». Так я начала писать книжку «Звезда имени тебя» — пронзительную и искреннюю историю о первой любви, о том мгновении, когда совершается чудо, когда мы встречаем «того единственного», когда мы начинаем взрослеть и смотреть на мир другими глазами, когда мы получаем ожог первой любви. Когда я писала книгу, мне становилось легче; я хотела, чтобы те, кто будет её читать, плакали и смеялись вместе со мной, чтобы им тоже становилось хорошо — как мне после того, как книга была закончена.

Я надеюсь, что те отзывы, которые уже есть, пополнятся новыми — потому что это книга, обращённая к читателю. Одна девочка в отзыве очень трогательно писала, что это книга для подростков — она несколько раз подчеркнула это в отзыве, как будто хотела оградить её от взрослых и их возможной критики.

Но ещё эта книга и о нас пятнадцатилетних — она для тех мам, которые помнят себя в этом возрасте, и для тех дево-

чек, которые в этом возрасте прямо сейчас или только будут. «Звезда имени тебя» — о том, что мы становимся другими, вылупляемся, как бабочка из куколки, и мир преобразается на наших глазах.

Лида Петрова учится в девятом классе. Себя она считает самой обычной: в классе полно девчонок, которые гораздо симпатичнее. Но Лиду это не расстраивает, потому что звание самой эрудированной принадлежит ей. Впрочем, однажды всё изменилось. Ради незнакомца, с которым случайно столкнулась на улице, Лида решает стать привлекательной. Новая Лида сразу же обращает на себя внимание. И не только незнакомца, но и признанного школьного красавчика. Кого выберет девушка? И что принесёт ей первая любовь: радость или горечь?

ДГ: Я всей душой полюбил героиню! Лида — совершенно неидеальная девочка: она завидует, сердится, иногда ведёт себя странно — словом, очень живая. А герой у книги есть? Мальчишкам она будет чем-то интересна?

ЛК: Да, там есть Тима Воронцов. Он москвич, который приехал в город главной героини. Конечно, он немного растерян: новый год, новая школа, девчонка, которая постоянно пытается в него врезаться или хлопнуть дверью, — и он не знает, что с этим делать и как себя вести. Но всё-таки он находит здесь себя, заводит друзей, начинает общаться — и, конечно, не проходит мимо Лиды Петровой.

Ещё там есть история Егора Шамринова — это другой персонаж, он более взрослый: одиннадцатиклассник, выпускник... Он идёт на медаль, в голове у него только учёба и он не обращает внимания на девчонок, хотя и первый красавчик в школе. Его любовь тоже не оставляет в стороне — любовь безответная, потому что Лида не может ответить на его чувства. Он ведёт себя в этой ситуации очень достойно: пытается её завоевать, но когда понимает, что это невозможно, отходит

в сторону, хотя и поддерживает с ней дружеские отношения, ни на что не претендуя. Мне кажется, это тоже хороший пример для подражания.

ДГ: Расскажите подробнее об эпиграфе — он же ведь из фильма «Вам и не снилось» по книге Галины Щербаковой? Любите этот фильм?

ЛК: Да, он, конечно, не оставил меня равнодушной в своё время — это ведь один из знаковых фильмов нашей эпохи. Мне кажется, его смотрел тогда каждый — и каждый полюбил.

ДГ: Нам нужно поговорить с вами ещё об одной книге — самой новой и самой «младшей» у вас, для 3–4 класса. Что это за книга и откуда такое название — «Первое слово съела корова»?

ЛК: Это название придумал мой младший сын. Он предложил мне его как челлендж: вот тебе, мол, название, придумай под него какую-нибудь подходящую историю. «Хорошо, — ответила я, — напишу. И главным героем будешь ты!». Итак, это история о том, как четвероклассник Никита Соловьёв совсем не любил учиться — ну вот никак. Он бы вообще не ходил ни в какую школу, а сидел бы дома целыми днями и в компьютер играл. И вот однажды, когда он учил стихотворение бедного-несчастливого Александра Сергеевича Пушкина, он нарисовал в учебнике по литературе корову, которая ест слова. Да настолько с душой нарисовал, что мама её стереть не смогла — и пошла эта корова гулять по страницам.

В книге есть взгляд четвероклассника на всю популярную классику: там и сказки Андерсена, и Пушкин, и всё что хотите. Надеюсь, книга найдёт своего читателя.

ДГ: В «Первом слове...», как в «Человеке-невидимке», не обошлось без противостояния братьев. И в новой книге «Укрощение строптивого Женьки» тоже поднимается «братский» вопрос — почему он вас так интересуется?

ЛК: Это обычный вопрос в любой семье, где больше одного ребёнка: соперничество между детьми. У меня с младшей сестрой разница в шесть лет, но это не мешало ей требовать равных со мной прав, что вело к конфликтам. Однажды она устроила истерику из-за розовых перламутровых заколок с висюльками, которые приобрели мне как более старшей. В то время это был страшный дефицит, и мама попросила коллегу, которая отдыхала на юге, купить украшения дочерям. Сестре достались заколки в виде бабочек, а ей хотелось моих. В общем, истерика оказалось настолько бурной, что мы её помним уже много лет всей семьёй. И это очень наболевший вопрос у большинства родителей: как сделать так, чтобы дети не ссорились и не делили всё подряд? Родителей, бабушек с дедушками, кота, игрушки... А ещё постоянные сравнения: кому дали больше? Кого родили раньше? И так до бесконечности. У меня самой сыновья — погодки. К тому же они дружили с ребятами, у которых тоже были братья с небольшой разницей в возрасте. Наверное, именно поэтому отношения с братьями и сёстрами мне так интересны. Причём хочется рассмотреть их с разных сторон, ведь у старших и у младших своя правда. Как говорится, «сёстры делятся на два типа: старшая и стукач». Это если судить о ситуации с точки зрения старших. А вот младшие скажут иначе: «Сёстры делятся на два типа: тиран и младшая».

ДГ: Напоследок пожелайте, пожалуйста, что-нибудь нашим читателям.

ЛК: Я желаю читателям в первую очередь интересных книг. Вот мне говорят: дети не любят читать. Я отвечаю: ну правильно, а что вы им предлагаете? Перечисляют. Слушайте, говорю, ну вы сами-то не классику читаете целыми днями, а современных авторов. Вот и ребёнку предложите современных авторов, которые пишут из сегодняшнего дня: о нынешних детях и подростках, современных языком, без длинных

завязок, без всех этих описаний. Современным детям такое уже тяжело читать — им надо быстрее, быстрее, быстрее. А мы, современные авторы, откликаемся на требования эпохи. Поэтому просто найдите ребёнку современную книгу, которая будет ему по душе — не обязательно мою, у нас сегодня всё хорошо с детской и подростковой русской литературой, хороших книг хватает.

А своим главным читателям — подросткам — я желаю, чтобы их родители откликнулись на мой призыв и предложили им ту книгу, которая понравится самим детям, а не только взрослым.

ЕВА МЕРКАЧЁВА

Московский союз литераторов. Член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Обозреватель ИД «Московский комсомолец». Член ОНК Москвы. Книги: «Преступления и тайны современной России», «Тесак, Фургал и другие. Дела и быт в российских тюрьмах», «Град обречённых».

ДМИТРИЙ НАЗАРЕНКО

Московский Союз Литераторов. Окончил НИЯУ МИФИ. Автор сборника стихотворений (2006 г.), сборника рассказов «Оркестровая яма для Катерпиллера» (2020 г.), «Бал Объятых Пламенем» (антология предательств, грабежей и насилия, 2021 г.). Интересы автора: современная музыка. Военная история. Жизнь прошлого и настоящего.

Ева Меркачёва. Град обречённых

Только, пожалуйста, не спрашивайте, что такое ПЛС. Начну издалека. Дождь с утра по всей Земле. Уныло везде. За исключением уютного кафе рядом с Домом Журналистов. Здесь собрался цвет российской журналистики. Творческий вечер Евы Меркачёвой посвящён серийным убийцам, маньякам — теме пожизненного лишения свободы (ПЛС). Полная антология. Книга Евы Меркачёвой «Град Обречённых» написана в жанре документальной журналистики. У автора лёгкое перо, хотя речь идёт о вещах нелёгких. «Битцевский маньяк» Пичушкин, убивавший своих жертв молотком, их чуть менее 50-ти. «Если бы меня сейчас выпустили, первым делом я убил бы пару человек, чтобы стресс снять, изнасиловал бы женщину, выпил водки. А дальше как карта ляжет». Волк у стен монастыря на Огненном острове. Огромный зверь обходит забор, который венчают несколько рядов колючей проволоки. Камеры видеонаблюдения фиксируют, как близко он подходит к запретной зоне. Особенный момент, о жизни в стае волков пишет женщина.

Нет укладов, понятий, нет уголовно-правового формата. Нет и крайностей, что инерция насилия государства чувствуется во всём. Конечные пункты следования путешественников с криминальными намерениями. Дальше только закон. Закон как неизбежность. Ева Меркачёва обходится без нравоучений. У автора независимый взгляд, если необходимо, отмечающий несправедливость.

Тема, затронутая Евой Меркачёвой, не оставляет равнодушных. Выступают журналисты, представители силовых ведомств. Настроение собравшихся точно определяет главный редактор газеты «Московский комсомолец» Павел Гусев: «То, что сделала Ева Меркачёва — уникальный журналистский эксперимент. Она посетила все места для пожизненно

осуждённых, и не просто посетила, а поговорила с самим осуждёнными... Это тоже люди, хотя и оказавшиеся на самом дне или даже ниже дна общества. Ева пыталась понять их психологию, моральное состояние, найти причины страшных поступков, в том числе чтобы предупредить пополнение их рядов».

Первые две книги Евы Меркачëвой. Книга «Преступления и тайны современной России: расследования и репортажи «Золотого пера России»», изданная в 2017 году; Тесак, Фургал и другие. ««Странные» смерти, дела и быт в российских тюрьмах», 2021 года издания — это зрелые работы состоявшегося автора. Книга «Град обречённых» 2021 г., третья книга Евы Меркачëвой — это позиция, показывающая, что независимая пресса — это сила. С такими авторами, как Ева Меркачëва, независимая пресса становится ещё сильнее.

Не надо объяснять дорогу пламени. Огонь знает сам. Не выбирает дорог ветер. Призванию указывает путь неведомый компас. В детстве Ева Меркачëва не играет в куклы. Она хочет стать следователем. Или судьёй. Тем не менее оканчивает она факультет журналистики МГУ имени Ломоносова. Вскоре Ева Меркачëва начинает работать в редакции газеты «Московский Комсомолец». Не существует СССР, страны, во времена которой начиналась эта газета. Издание стойко пережило войны, кризисы и житейские невзгоды. Во все времена здесь работали лучшие журналисты: Дибров, Додолев, Щекочихин, Новожёнов и многие другие. В современной истории его возглавляет главный редактор Павел Гусев. Крупный издательский дом обладает авторитетом национального масштаба. Ева Меркачëва не испытывает сомнений. Главное призвание газеты — делать историю страны. Кабинеты главного редактора и его заместителей нередко пустуют. Но работа издания не останавливается ни на минуту ни на одном из семи этажей редакции.

Ева Меркачёва возвращается к своему призванию. Она ведёт расследования. Они приносят результаты. Возбуждаются громкие уголовные дела против коррупционеров и убийц. Приходит необходимый юридический опыт. Она пишет цикл репортажей из самых известных российских тюрем, в числе которых питерские «Кресты», «Владимирский централ», колонии для пожизненно осуждённых «Полярная сова» (посёлок Харп, Ямало-ненецкий автономный округ), «Вологодский пятак» (остров Огненный, Вологодская область). В 2013 году Ева Меркачёва стала лауреатом Национальной премии прессы «Искра» в номинации «самый скандальный журналистский материал года» за статью о самолёте, набитом деньгами, в аэропорту Шереметьево. В 2015 году — лауреатом премии мэра Москвы за цикл антикоррупционных расследований. Серия журналистских расследований о том, что происходит за решёткой, повлекла отставки руководства пенитенциарной системы. Работы Евы Меркачёвой освещают самые тёмные пятна жизни. Её деятельность вызывает социальное одобрение. 13 января 2017 года премьер-министр РФ Дмитрий Медведев вручил дипломы лауреатам премий правительства 2016 года в области СМИ, в их числе была журналистка «Московского комсомольца» Ева Меркачёва, награждённая за цикл публикаций, посвящённых проблемам в пенитенциарной системе.

От расследований Ева Меркачёва переходит к правозащитной деятельности. В 2018 году Меркачёва становится членом Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека; она входит в Общественный совет Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России и в Общественную наблюдательную комиссию Москвы. Ева Меркачёва занимается правозащитной деятельностью непосредственно в местах принудительного содержания граждан: в СИЗО, колониях, тюрьмах, спецприёмниках.

Ворота в Град обречённых открыты для желающих войти. Покинуть город невозможно. Суров уклад его жизни. И прежде всего выход из города охраняется со всей строгостью закона. Ева Меркачёва убедительна в своём желании предупредить оказавшихся на пороге совершения преступления: надо вовремя остановится. Случаются ошибки судебной системы. Их трудно исправить. Но нет ничего невозможного. Именно с этим Ева Меркачёва обращается к обществу «Прошу вас только об одном, помните произнесённую не мной истину: милосердие выше справедливости. Оно есть сама Высшая справедливость!»

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВСКАЯ

Московский союз литераторов. Поэт, прозаик, литературный критик. Окончила филологический факультет МГУ. Заслуженный работник культуры РФ. С 2004 по 2020 год — Председатель Российского союза профессиональных литераторов. Работала редактором в отделах критики различных журналов («Литературное обозрение», «Октябрь», «Новое литературное обозрение»); в начале 2000-х была главным редактором журнала о книгах «Библио-Глобус». Составитель и редактор многих сборников и альманахов. Приоритет её профессиональных интересов — независимая литература XX века (самиздат). В 90-е годы прошлого века под её началом выходили книги Генриха Сапгира, Андрея Сергеева, Игоря Холина, Дмитрия Пригова, Георгия Балла, а позже Ры Никоновой, Анны Альчук, Дмитрия Авалиани. Организатор и ведущая литературного Георгиевского клуба (1995–2001), еженедельные собрания которого приобрели международную известность. Автор уникального выставочного проекта «Дом со стихами» (выставки в Государственном музее В. В. Маяковского (2001), в Государственном музее декоративно-прикладного искусства (2006)). Составила альманах короткой прозы «PRO/за», семь выпусков которого вышло в составе ежегодника «Меценат и мир». Организовала при Русском ПЕН-центре «Центр поэтической книги» с обширной библиотекой современной поэзии. На базе этого Центра начиная с 2012 года издаёт ежегод-

ный альманах «Клуб N». Сборники стихов: «Вечерний свет» (1982), «Солнечное сплетение» (1995), «То есть» (совместно с Р. Элининым) (1998), «Парад-алле» (2005), «Отражения в воде» (2009), «Земные времена» (2011). Её стихи переводились на польский (журнал *Metafora*) и сербский (журнал «Паун») языки. Сборник рассказов «Ерундопель» (2009), роман «Дама у окна» (2017). Публикации в альманахе «Черновик», журналах «Нева», «Стрелец», «Крещатик», «Меценат и мир», «АКТ», «Стороны света», «Чёрное море», «Кукумбер», «Арион», «Арагаст», газете «Русская мысль» и других изданиях. Член жюри многих поэтических конкурсов. Лауреат Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

ВАЛЕРИЙ ГАЛЕЧЬЯН

Член Московского союза литераторов. Родился в Санкт-Петербурге. Поэт, прозаик, драматург, график, автор 11-ти книг стихов, 3-х романов и 2-х повестей (в соавт. с В. Ольшанецким), сборника пьес и 15-ти альбомов графики. В последние годы выступал на различных поэтических фестивалях;

печатался в журналах, антологиях, альманахах и сборниках произведений российских писателей, в редактировании и оформлении многих из которых принимал непосредственное участие. В 1995–2021 годах на персональных и коллективных выставках представил более 600 произведений, выполненных в традиционной и компьютерной графике.

Цикличность поэтической миниатюры Татьяны Михайловской

Татьяну Михайловскую всегда привлекала малая форма. А с середины 70-х она успешно работает с моностихом. В 1995 г. вышла её книга одностиший, первая в России книга моностиха — «Солнечное сплетение»¹⁶, которая состоит из трёх разделов: «Бисер» (1980 г.), «Улей» (1989 г.) и «Песок» (1991–1992 гг.). В моностихе была поставлена и особая техническая задача: проверить максимальную длину стиха, уместяющегося в одну строку. Все стихи сборника отвечают этому требованию, но необязательно состоят из одного предложения, как, например, вот этот: «Твоя шаль на моих плечах. Может, я — ты?...».

Каждый раздел книги имеет свои особенности. Так, в разделе «Улей» помимо прямых реминисценций с насекомым: «Зело зла золотая пчела...Зззззззззззззз.», «Гул.Улей — вулкан. Злость молодая гудит», неоднократно обыгрывается цвет брюшка и мёда: «Золотой век. Золотой миг. Золотой миф. Золотой блеф», «И зло и золото едины в общем корне», «Золотые роятся мысли, а всё ядовитые жала». В то же время следует отметить, что все три раздела объединяет общая направленность творчества Михайловской, ярко переданная моностихом из «Песка»: «Это я — меж небом, сушей и водой — блуждаю...». При этом под словом «блуждаю» следует понимать интуитивные озарения автора, плоды которого впоследствии заключаются в поэтические полотна. Это могут быть циклы одно-, двух- или трёхстиший или другие стихотворные формы.

Но развитие форм, как и игра с ними, не заканчивается с завершением циклов, а направляется автором в новое

¹⁶ «Солнечное сплетение». Книга одностиший. — СПб., 1995, 84с. (Б-ка «Черновика»)

русло. В следующем 1996 году у автора вышел цикл двустихий «36 вариаций на тему остывающего чая»¹⁷.

Как отмечает в своей статье Лариса Фоменко, «Максимальный лаконизм поэзии Михайловской вместителен и самодостаточен. Каждый стих не только заполняет до краёв отведённое ему крошечное пространство, но и движет его в парадоксальном направлении к интересному открытию, откровению или реже — к головоломке. Метафизические наблюдения, написанные высоким стилем, соседствуют с острозычными мирскими байками»¹⁸. Это ещё двустихия, а не парные строфы, к которым автор придёт в дальнейшем. Две строчки могут составлять одно или два предложения, но во второй строке каждый раз появляется новый смысл, придавая конструкции глубину и утончённость:

Рука моя коснулась чашки —
твой чай остынет, станет прошлым...

Продолжая анализ творчества поэта, Лариса Фоменко пишет: «Интонационно-ритмические структуры Михайловская повсюду строит на глубоких аллитерациях. Она также много работает с корнесловием. У неё великолепное чувство корня, и порой невозможно отличить, где она демонстрирует аллитерацию, а где — морфологические и фонетические подобию типа стыков и тавтограмм. Встречается и словотворчество: «Мрак. Морок. Обморок. Морока. Мор. И — мрак». Собственно, это — цитата из «Солнечного сплетения»¹⁹.

Половина стихов Татьяны Михайловской из общего издания, в котором её книга «То есть» в буквальном смысле соседствует с книгой «Эпиграфы»²⁰ Руслана Элина, также в две строки. Но это, пожалуй, единственный цикл, в котором

17 «Черновик». Литературный альманах 1996 № 11, с. 63 – 65

18 там же, с. 171

19 «Солнечное сплетение», с. 34

20 Руслан Элин. «Эпиграфы». Татьяна Михайловская «То есть». — М., Издательство Е. Пахомовой, 1998, с.79

невозможно определить принципы деления текста на строки. Так, трудно объяснить, чем вызвано размещение текста в три строки в следующем примере:

сердце
остановленное
не мной²¹.

Без сомнения, этот текст может быть представлен в виде моностиха, как и такие две строки:

мелькают берёзы в окне вагона
а посторонние в судьбе²².

Скорее всего, строфику определяет интонация. Также вариативность формы можно объяснить и тем, что в предисловии «Несколько слов до» сама Татьяна Михайловская определила следующим образом: «Важно, что идёт после слов «то есть», а не перед ними (перед ними ничего нет — В.Г.). Важно поясняющее, а не поясняемое (поясняемого нет, это нечто воображаемое — В.Г.)»²³. Отсутствие поясняемого, несомненно, сказалось и на вариативности смысла поэтического высказывания. Тем более что отказаться от взаимодействия с соседствующими текстами Р. Элинина, даже отгородившись вертикальной чертой, было невозможно, поскольку вся книга и построена по принципу «притяжения — отталкивания». Впрочем, в дальнейшем полученный опыт благотворно сказался в оригинальном цикле парных стихов.

Отмечая многообразие технического арсенала Татьяны Михайловской, хотелось бы подчеркнуть целесообразность и органичность применения поэтических средств. Каждый используемый ею приём это ни в коем случае не самоцель, а способ нанести изящный штрих на полотно. Сво-

21 Там же с. 49

22 Там же с. 55

23 Там же с.3

боду сочетания различных подходов и приёмов не сдерживают даже жёстко прописанные формальные рамки. Об этом наглядно свидетельствуют два сборника «русского хайку» Татьяны Михайловской, все стихи которых состоят из трёх строк по схеме 5–7–5 слогов. В книгах «Отражения в воде» (2009 г.) и «Земные времена» (2011 г.) тонко переданы ощущения от восприятия оттенков природы, меняющей свой облик, в первой книге — в зависимости от времени дня, а во второй — от времени года. Прибегая к восточной модели письма, Михайловская созерцает привычный ей мир родной природы. В японской традиции вторая строка преломляется графически, а третья вносит новое прочтение в текст. Преломление строки практически невозможно в линейной записи текста, но и внесение нового смысла, как это происходит у Михайловской в парных двустишиях «36 вариаций на тему остывающего чая», тоже не случается. Исключением является следующий стих:

Зимнее солнце
играет в своих цветах —
жизнь тает тайно²⁴.

Ропалистический стих (ропалик) — это стихотворение или предложение с постепенным наращиванием (или уменьшением) количества букв, слогов или слов. Название происходит от греческого слова «ропалон» — «палица», «дубина». Считается, что впервые это форма была применена Гомером в гексаметре, каждая следующая строка которого увеличивалась на один слог. В каждой строке удлиняющегося словесного ропалика добавляется новое слово к повторяющимся, и каждая строка прирастает на одно слово. Количество слов ограничивается лишь выбранной длиной строки. Таким образом можно создавать графические построения, когда строки раз-

24

«Земные времена», с. 45. — М., Гуманитарий, 2011. — 56 с.

растаются в виде снежного кома (другое название ропалика) или по другой форме. Татьяна Михайловская не усложняет форму ропалика, просто добавляет по слову в строке.

Если у многих авторов ропалик некая поэтическая игра, то Михайловская раскрывает масштабность формы. Мирские, земные рамки не удовлетворяют её, о чем свидетельствуют названия циклов: «Фракийская тетрадь», «Ветер с моря», «Перевёрнутое время», «Лестница в небо». Учитывая книжный формат издания, в качестве примера приведём самый коротенький из её ропалонов, вошедший в коллективный сборник «Пространственная поэзия» (2020 г.):

Дитя дерева

Дитя дерева шепчет

Дитя дерева шепчет мне на ухо

Дитя дерева шепчет мне на ухо тайну

Дитя дерева шепчет мне на ухо тайну моих предков²⁵

Вслед за циклом ропалонов в том же сборнике «Пространственная поэзия» следуют 18 парных надписей «Целование ветра, воды и земли» (2014 г.).

Парные надписи как особая форма литературного творчества зародилась в Китае. История их возникновения берет своё начало с мифологических времён и неотделима от идеальных представлений об архитектурной композиции речи. В своей статье «Китайские парные надписи в лингвокультурологическом аспекте» О. Г. Кобжицкая, Ю. С. Пешкова отмечают, что, как правило, парные надписи состоят из двух частей... «Они представляют собой длинные полоски бумаги с написанными или напечатанными выражениями, вместе образующими целую фразу. Надписи располагают

вертикально и симметрично на входных дверях, деревьях, мебели, вокруг алтаря»²⁶.

По семантическим связям между двумя частями парной надписи О. Г. Кобжицкая, Ю. С. Пешкова выделяют 3 вида:

«1. Близкие по смыслу части парной надписи (содержание одной части дополняет содержание другой).

2. Противоположные по смыслу части парной надписи, с помощью которых раскрывается её содержание.

3. Парные надписи, содержащие один предмет мысли, при этом связь между частями может быть причинно-следственной, условной, обозначающей цель и др.»²⁷

Парные надписи Т. Михайловской, по приведённой классификации несомненно относящиеся к первому виду, конечно, не могут строго соотноситься с китайскими текстами. Дело не только в горизонтальном расположении строк, но и в неравности их длин и количества в правой и левой стороне. Редко когда запись выдерживается в одно предложение. Можно найти и другие различия. Но, как нам известно, поэт и не ставила перед собой задачу симметричного расположения текстов, обязательную для формы этой записи, но пыталась воспользоваться этим приёмом для более полного донесения своей мысли. И в этом замысле оказалась гармонична и самобытна в переработке ещё одного поэтического приёма и привнесении его в культуру русского стиха. В качестве примера можно привести первые парные строчки цикла:

Путь не имеет начала и конца. Миллионы существ, живых и мёртвых, движутся по нему в разных направлениях.

26 Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития: материалы Междунар. науч.- практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. с. 149

27 Там же сс. 153–154

Дорога начинается с одежды, которую ты надеваешь, выходя за порог, и заканчивается, когда ты снимаешь её с себя²⁸.

Возвращаясь к ропалону Татьяны Михайловской, можно констатировать, что у неё это дальнейшее развитие моностиха в иной форме с использованием уже ранее установленных пределов длины строки. Так, практически каждая отдельно взятая последняя строка из её ропаликов несомненно могла бы рассматриваться как моностих. В её парных стихах используется осознанно заложенное в двустишиях «36 вариаций на тему остывающего чая» и неосознанно возникшее в «То есть», когда она располагала собственные стихи в параллель текстам Р. Элинина. Выше уже рассматривалась циклы стихов Михайловской из одной, двух и трёх строк, но каждая из этих форм также развивается во времени, и следует принимать это во внимание. Таким образом, можно утверждать, что цикличность в формировании и создании текстов является основной и определяющей характеристикой творчества Татьяны Михайловской применительно к малой форме поэзии.

ВИКТОР МОЛЧАНОВ

Московский союз литераторов. Родился в Москве в 1938 г. Учился в МГУ (ушёл после третьего курса), надо было кормить семью. Работал лаборантом, токарем, технологом-наладчиком электropечей, дослужился до инженера. Освоил профессии зеркальщика, ограничника, макетчика, ювелира, реставратора, по-

жарника. Названия работ мастера, относящиеся к периоду творческой зрелости, говорят о поэтическом мировосприятии, о творческом подходе к окружающей его жизни: «Космическая балерина», «Машина времени», «Кристалл Земли», «Вселенский Маятник», «Игра в Бисер». Книга «Приключения в коммуналке имени Ганса Христиана Андерсена» позволила её автору в 2002 году вступить в Московский союз литераторов. Фазиль Искандер назвал Виктора Молчанова «высокоталантливым мастером уникальных работ», не поскупился на тёплые слова о книге. «Эта книга о радости творчества, которой делится с нами замечательный мастер. И эта радость передаётся читателю, тем более, что читатель знает, что за спиной у мастера уже не мало животворных воплощений его удивительной фантазии». О Викторе Молчанове сняты фильмы: «Московские Могикиане», «Странник — это странный человек», «Вокруг Солнца».

СЕРГЕЙ МИРОНОВ

Московский союз литераторов. Член Творческого союза художников России, Тушинского товарищества художников. Родился в Москве в 1954 г. в многодетной семье. В одно и то же время, с разницей в десять минут, появился его брат Алексей. Сергей Миронов начал рисовать с четырёх лет. Закончил Строгановскую Академию по дизайну.

Вступил в Творческий Союз Художников России. В 1986 году объединился с ещё пятью художниками в группу «Круговая порука». Которая существует по сей день. Участник и дипломант российских и зарубежных выставок по живописи и графике. Две живописные работы находятся в Саранском музее имени Степана Эрзи в постоянной экспозиции «Живопись 21 века». Десять лет преподавал в московском художественном колледже. Награждён дипломами Всероссийских художественных выставок как педагог. В 2019 году напечатал первый рассказ «Три кубика адреналина» в сборнике «Орден Ленина» Литературного центра в Москве. Вместе с братом Алексеем Мироновым в 2020 году издали совместный сборник рассказов с двумя названиями. «Кризис среднего возраста» — у Алексея и «Танцуй пока молодой» — у Сергея. Именно благодаря этому сборнику иронической прозы, сборнику-перевёртышу, Сергей Миронов был принят в Московский союз литераторов в 2020 г.

— Вы — русский Леонардо, — без тени лести произнёс итальянский корреспондент, с нескрываемым восхи-

щением взирая на окружающие его необычные объекты, уютно устроившись в кресле 19 века, отреставрированным мастером. В начале 90-х многие западные журналисты брали у Виктора интервью, пытаясь с его слов предугадать будущее России. Предсказания и расчёты Молчанова всегда впечатляли.

37 лет назад я впервые попал в удивительное пространство, созданное руками этого человека. Именно здесь я узнал о «Розе Мира» Даниила Андреева, И-Цзин, Рунах, Чижевском, Вернадском и академике Козыреве, сумевшем взвесить время. На тот момент я остро нуждался в этих знаниях, которыми щедро делился сам хозяин коммуналки. Нескончаемый людской поток тех лет, попадая в коммунальную квартиру под номером 102 на Большой Почтовой, по признанию Виктора Молчанова, стимулировал творчество его самого.

— Мы — Соавторы, — неоднократно повторял сам мастер.

Среди гостей была творческая интеллигенция столицы. Художники, поэты, музыканты, литераторы, актёры, кинорежиссёры (среди прочих — даже фокусник Акопян!)

У режиссёра Станислава Говорухина изо рта выпала его знаменитая трубка, когда он увидел творения рук человеческих, попав на Большую Почтовую в квартиру 102. Туда же заглянул сэр Патрик, мэр английского города Кентербери, путешествующий по России инкогнито. Он поил Виктора русской водкой, а тот его — английским чаем Эл Грэй. Сэр Патрик сразу по достоинству оценил необычные произведения хозяина квартиры.

— В Англии я смог бы сделать твой музей, Виктор, — сказал гость. — Я бы добился разрешения у самой Королевы Англии при личной аудиенции. Да и с помещением не было бы проблем. Жалко, что ты не продаёшь свои работы, — посетовал английский лорд.

Снятые на сверхчувствительную чёрно-белую фотоплёнку, Штуки (именно так сам мастер называл свои произведения) излучали в космос мощный энергетический столб невидимого света. Открывая Портал в мир тонких энергий, не видимый человеческим глазом. Для большинства посетителей необычность творческого процесса Виктора оставалась тайной за семью печатями. А результаты его финальной стадии всегда восхищали и казались продуктом другой эпохи, скажем, 18–19-го века. Мастеру приходилось много говорить и объяснять, каждый раз отвечая примерно на одни и те же вопросы многочисленных гостей, посетивших его творческую лабораторию. Именно этот бесконечный самоповтор заставил Виктора Молчанова взяться за перо и бумагу.

По совету литератора Александра Вулиса Виктор осваивает новый вид творчества, становится писателем. В своей пока единственной книге «Приключения в коммуналке имени Ганса Христиана Андерсена» он щедро делится с читателями знаниями и творческими открытиями. В создании которых его соавтором и вдохновителем, по утверждению самого Виктора, была незабвенная Саншайн. Чёрный ризеншнауцер — обожаемый и любимый четвероногий друг мастера.

Несмотря на солидный возраст, Молчанов остаётся верен своему кредо: «Нет маленьких людей, есть маленькие цели». Больше двадцати лет Виктор работает над основным, фундаментальным литературным трудом своей жизни. Посвящая будущего читателя в тайны своего творчества. Давая исчерпывающую информацию по каждой из своих машин. Выстраивая и описывая невидимую взаимосвязь всего живого на Земле с окружающим нас космосом: Солнцем, планетами и звёздами.

От всей души желаю Виктору вдохновения, моральных и физических сил на этом замечательном творческом пути!

ЕВГЕНИЙ ОБУХОВ

Московский Союз Литераторов. С 1980-х гг. был зав. отделом в журнале «Филателия СССР», спецкорреспондентом журнала «Крокодил», главным администратором «Клуба 12 стульев» (зав. отделом юмора) «Литературной газеты» (1999–2002, 2003–2005), главным редактором журнала «Филателия» (2005–2019). Книги:

«Почём крокодилы?» (Мурманск, 1984). Сборник юмористических рассказов. «Силуэты в золочёных рамах» (Мурманск, 1990) Сборник юмористических рассказов, повесть. «Жизнь? Кленово!» (М., 1991) Сборник стихов. «Клуб 12 стульев» (М, 2001). 11-й том Антологии сатиры и юмора XX века. Составление, предисловие, послесловие, тексты. Переиздания — 2002 и 2007 гг. «Волки почётные» (М., 2002) Сборник юмористических рассказов. «Наши женичины влюблялись» (Саров, 2004). Стихи. «Пьесы» (Саров, 2005). Сборник пьес. «Ошибки на марках мира» (М, 2006). Научно-популярная. «Вышедшее из невошедшего» (М, 2009). Миниатюры, дневниковые записи, авторские анекдоты и др. «Полтинник пять» (М, 2009). Проза и поэзия, пьеса. Каталог государственных знаков почтовой оплаты в 8 тт. Научно-популярная. Автор-составитель и (некоторые тома — редактор). Переиздание трёх томов из восьми — 2018, 2019 гг. «Точтонепроза» (Смоленск, 2014). Сборник стихов и поэм. «Поворот на Закидоновку» (Смоленск, 2017). Юмористическая и сатирическая проза. «100 великих почтовых марок» (М., 2020). Научно-популярная. Переиздание: 2021 г. «От творца до конца»

(Смоленск, 2020). Юмористические стихи, поэма. «Шкаф с игрушками» (Смоленск, 2021). Автобиографическая проза. «100 великих монет мира» (М., 2021). Научно-популярная. «Марки мира. История самых невероятных курьёзов, ошибок и редкостей» (М., 2021). Научно-популярная. Лауреат премий «Золотой телёнок» «Литературной газеты», премий «Московского комсомольца», журналов «Крокодил», «Вокруг смеха» и прочее. Дипломант (2016, 2019), лауреат (2017), и победитель (2018, 2020) фестиваля «Умный смех», Дипломант (2016), лауреат (2017, 2021 — Большой Золотой Ёриш) и звание «Глыба юмора» (2019) фестиваля «Ёриш», дипломант фестиваля «Песня Булата» (2017, 2018), дипломант (2019, 2021) и лауреат (2020, 2021) фестиваля «Русский Гофман», Серебряный лауреат «Золотого пера Руси» (2020), многократный участник фестивалей «Золотой Остап», «Русский смех» и мн. др. Член малого жюри (2019, 2020, «Песня Булата») и Большого Жюри (2019, «Ёриш»). Почётный член Московского общества филателистов.

ДЖАНГУЛИ ГВИЛАВА

Московский союз литераторов. Председатель секции прозы Московского союза литераторов. Координатор и главный редактор альманаха «Литературный перекресток». Окончил Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Ведущий отдела «Сатира и Юмор» газеты «Московский комсомолец». Был ведущим авторской программы

Радио России «Литература вчера, сегодня, завтра». Занимал должность заместителя генерального директора телеканала

«Русский экстрим» на НТВ+. Был генеральным директором издательства «Дума». Автор книг «Родственные связи», «Послания», «В саду любви», «Печальный соловей», «Мокрые крылья ангела», «Иллюзия радуги», «Приключения мысли». Владелец нагрудного «Знака благодарности» газеты «МК». Приказом экс-министра культуры РФ А. С. Соколова удостоен благодарности «За значительный вклад в развитие русского языка и литературы». Лауреат Всероссийского художественного фестиваля «Артиада народов России» 2011 года по литературе.

Другая жизнь Евгения Обухова

Жизнь полна противоречий. Это ясный перец.

Вот Евгений Обухов родился сразу после эпохи Сталина. И тут же заплакал, так как был очень огорчён, что никогда не встречался с вождём. А потом засмеялся от радости, что и вождь никогда не встречался с ним. А то мало ли что...

При Хрущёве кольцевая автодорога отсекала от его родной деревеньки крупный жилой массив под названием Москва. И, пройди она километром южнее, Евгений Обухов сразу стал бы москвичом со всеми вытекающими льготами и прописками. А жизнь, конечно же, сложилась бы по-другому. Но ведь в таком случае жизнь-то сложилась бы по-другому, вот в чём дело!

При Брежневе он впервые влюбился и по ходу дела стал поэтом. Но потом, закончив пищевой институт, получил первую инженерскую зарплату, расхохотался, да и сделался прозаиком-сатириком. Всегда мечтал о дачке под Москвой, но попал на несколько лет в Заполярье (добровольно). Сейчас живёт в подмосковном Дедовске, а дети его — в дачке под Москвой.

Долго числился строгим завотделом журнала «Филателия», а на самом деле с удовольствием юморил для многих

изданий, спецкорил для «Крокодила», «Вокруг смеха», шутил для «Московского комсомольца», в результате чего дошутился до разных премий от самых разных изданий. И дошёл-таки до того, что пять лет возглавлял и «администрировал» «Клуб 12 стульев» (то есть, отдел сатиры и юмора) «Литературной газеты». А потом и вовсе вернулся почти на полтора десятка лет в насиженную ранее и вполне серьёзную «Филателию», но уже главным редактором.

Печальная экономическая ситуация в стране могла бы и не схарчить указанный журнал, но тогда бы жизнь пошла вовсе по-другому. А так Евгений Обухов уверенно сделался пациентом Пенсионного фонда России, за первые два года ничегонеделания бурно написал пять книг (доведя общее число своих изданий до двух десятков) и радостно включился в работу секции прозы Московского Союза Литераторов.

В последнее время, рассуждая о сути любимого жанра сатирической и юмористической прозы, Евгений Обухов говорит, что работа в этих рамках — это постоянный бой Руслана с уже отрубленной кем-то Головой. С той лишь разницей, что вместо снимающего все проблемы меча-кладенца под поверженной исполинкой лежит ещё одна такая же Голова, и так далее. Так что автор чётко понимает: главное ни на день не расслабляться!

А потом, он всё-таки теплит в себе надежду, что какая-нибудь из голов да улыбнётся, прочитав его весёлую прозу. И какое-нибудь из сердец да забьётся чаще, впитав его прозу лирическую...

Жизнь полна противоречий, поэтому, как ни странно, Евгений Алексеевич Обухов на шестьдесят восьмом году бытия и в год 50-летия первой публикации в прессе всё ещё надеется на лучшее!

А в остальном биография как биография. Был, состоял, участвовал. Но не очень. Что пока не и устаёт повторять...

ТАТЬЯНА ПОЛИКАРПОВА

Московский союз литераторов. Член Союза писателей СССР. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета. По образованию филолог. Вместе с мужем Игорем Золотусским преподавала русский язык и литературу в школах города Хабаровска.

Корреспондент газеты «Амурский водник», газеты «Тихоокеанская звезда». Работала в редакции Хабаровского краевого телевидения в отделе литературно-драматических программ. Переехав во Владимир, работала в областной молодёжной газете «Комсомольская искра» зав. отделом учащейся молодежи, позже, в Москве - в редакции журнала «Работница», заведующей отделом воспитания. Первый рассказ опубликован в Хабаровске, в журнале «Дальний Восток» в 1963 году. Книги «От весны до осени» и «Две берёзы на холме» («Детская литература», Москва), «Было — не было» («Таткнигоиздат», Казань), «Превратиться в дерево», «Женищины в лесу» («Советский писатель», Москва), «У тебя есть дом» (издано с помощью общественной организации «Дети улиц» столицы в 2002 г., повторено в 2003). Последние годы посвящены работе над литературным наследием старшего сына, Сергея Золотусского, поэта, трагически погибшего в 2002-ом году. Подготовлены и изданы сборники его стихов: «Соучастники и двойники», (типография «Соло», 2002 год); «Слово» (издательство «Права человека», 2008 г.), «Создай себя сам, или — как стать настоящим мужчиной» («Астрель» — АСТ, 2007). «Скажи мне, кто твой дед...» — книга

прозы и поэзии отца Татьяны Поликарповой, Николая Поликарпова, и сына Сергея, их переписка (издательство «Права человека», Москва, 2007). Летом 2012 года Татьяна Поликарпова закончила книгу «Сны о жизни». По словам автора «Это по сути дела исповедь, через сны. Одним словом, нон-фикшен. Издателя пока нет. Потому — и жизнь, и сны продолжаются».

АДА ДИХТЯРЬ

Московский союз литераторов. С поездки по направлению ЦК комсомола на Казахстанскую целину в начале 1961 года, с участия в создании газеты «Молодой целинник» и с пятилетней работы в ней начинается творческая биография Ады Дихтярь. Результат в ту пору и доныне — очерки в газетах, журналах, сборниках, книжки

(Алма-Ата, 1966 г; Москва, 1989 г.) Материалы о людях на новых землях и дальних стройках, в их числе первая в стране книжка о главной новостройке семидесятых «БАМ. Начало» («Мол. гвардия», 1974 г.), публикуются в периодике, в книжках издательства АПН, звучат на радио. В это время она работает на Всесоюзном радио (радиостанция «Юность»), а потом в журнале «Работница». Другая тема, проходящая через годы работы документалиста, — тема войны. Большая часть её героев — люди, несправедливо обойдённые благодарной памятью. Публикации на радио и в литературных журналах. Тот же мотив будет звучать и в запланированной ею новой работе. В середине июня нынешнего, 2021 года в издательстве «Ридеро», благодаря технической помощи члена нашего Союза — писательницы

Натальи Коноплёвой, вышло новое издание книги «Первый» о Ю.А. Гагарине. Книга адресована подросткам и юношеству, интересна для семейного чтения. Первые шаги в космос — третья сквозная тема в творчестве Ады Дихтярь.

«Листья будущего лета»

Часто ли вы слышали, коллеги, такую вот историю. Человек принёс в журнал рукопись своей первой повести. Прочитав её, заведующий литературным отделом издания снимает из очередного номера свою работу и ставит на её место повесть незнакомого автора. Так в журнале «Пионер» в четырёх номерах подряд появляется повесть Татьяны Поликарповой «От весны до осени».

Журналисты «Пионера» познакомили с повестью издательство «Детская литература». По заведённому в те годы порядку судьбу книги решает не редактор, а опытный литератор. И лучше, если это писатель с именем. К нему и обращаются с просьбой оценить книгу и написать внутреннюю, не для печати, а для редакции рецензию. И редактор звонит Вениамину Каверину, автору «Двух капитанов», «Открытой книги» и других произведений, давно ставших классикой.

Вот что написал Вениамин Александрович:

«Когда я читал повесть — особенно довоенную её часть, мне вспоминались прекрасные произведения русских классиков, рассказывающих о детстве. В них с поразительной силой выразилось «детское зрение» — могучее орудие познания мира, увиденного впервые. Такова, например, повесть А.Н. Толстого «Детство Никиты». Именно об этой книге я вспоминал, читая повесть Татьяны Поликарповой. Автор, без всякого сомнения, обладает остротой детского зрения. И отнюдь не отвлечённо, напротив, всё, что видит девочка, рождает в ней такие же естественные, полные живой прелести, размышления. Она сама как бы часть природы...»

Жизнь девочки и жизнь природы идут в неразрывной связи. И читать о том, как переплетаются эти две жизни, интересно. Более того, — полезно, потому что любовь к природе написана с заражающей теплотой».

Редактору книги хотелось, чтоб писатель дал и напутствие начинающему автору, когда книга была уже на выходе, то есть, почти год спустя. Но В.А. Каверин был в отъезде. Вот почему редактор обратилась к Валентину Катаеву, тоже классику детской и юношеской литературы, с этой своей просьбой.

А Валентину Петровичу не хотелось читать «начинающего автора». Уговаривала... Наконец, вздохнув глубоко, он согласился:

«Если не усну на первых трёх страницах... посмотрю...»

И он посмотрел и увидел, и вот что написал:

«Я с удовольствием прочёл повесть Татьяны Поликарповой «От весны до осени». В сущности, это записки девятилетней девочки, для которой с каждой страницей раскрывается мир.

Героиня повести проходит от весны до осени как бы целую жизнь, насыщенную событиями и впечатлениями: сначала это мир, потом война.

Новые люди, новые встречи, новые мысли. Мысли маленькой девочки как бы созревают на наших глазах. Девочка душевно растёт. Этот духовный рост и является зерном повести...

Язык Татьяны Поликарповой ёмкий, точный. Описания почти всегда оригинальны. Её острый писательский глаз подчас видит то, что недоступно простому глазу. В этом, вероятно, и заключается обаяние её таланта. Художественная сила литературной формы делает повесть яркой, объёмной, весомой».

Татьяну Поликарпову приняли в Союз писателей СССР легко и быстро по первым двум повестям её трилогии о Даше

Плетнёвой. И если первая рассказывала о времени начала войны, то вторая, «Две берёзы на холме» (1979г.), особо любимая подростками, охватывает время трёх её последних лет.

Рекомендуя Татьяну в члены Союза, Игорь Мотяшов, писатель, литературный критик, сказал, пожалуй, о самом главном:

«Обе повести Поликарповой о прошлом — это годы войны. Но звучат обе повести современно. Не потому, что автор подгоняет прошлое под сегодняшние проблемы, а потому, что умеет увидеть в реальном прошлом то, что помогает читателю задуматься о сегодняшнем дне... Поликарповой как-то не подходит наименование «начинающий писатель» или «молодой писатель», она просто писатель. Со своей цепочкой жизни, со своим литературным голосом»

А Татьяна продолжала трудиться в напряжённом ритме самого многотиражного журнала страны — в «Работнице». Но уже вскоре — в 1982 году — друзья читали и третью повесть, которая завершает трилогию о Даше Плетнёвой. Только, теперь уже в другой школе, городской, и в те времена — чисто женской...

И война закончилась нашей Победой, идёт мирная жизнь. И всё вокруг другое. Так и судьба у рукописи вышла совсем иная: её могли прочесть лишь друзья. Очевидно, вмешались политические перипетии времени... Трилогия под общим названием «Было — не было...» вышла в свет только десять лет назад.

Но время идёт, а писатель пишет. Целый год ушёл на изучение жизни московских приёмных семей, воспитывающих у себя детей, брошенных, отвергнутых своими родителями. «У тебя есть дом», с таким названием вышла книга по итогам этой работы.

В престижных издательствах вышли книги «Превратиться в дерево» и «Женщины в лесу». Житейские истории

уже взрослых, а не детей, с пестротой событий, неожиданно-стей, перемен, где, повторим вслед за автором, «неизменными остаются только законы человеческого сердца».

А вот совсем особая работа — «Скажи мне, кто твой дед». Объёмный том, вышедший в издательстве «Права человека» в 2007 году. Вот как откликнулся на выход этой книги земляк, сокурсник и друг Татьяны Рафаэль Мустафин, писатель, публицист.

«Эта книга являет собой потрясающей силы человеческий документ. Она сложена из мемуаров Николая Поликарпова, стихов его внука Сергея Золотуского и их многолетней переписки. Произведения деда и внука снабжены краткими и очень необходимыми комментариями составителя Татьяны Поликарповой — дочери одного и матери второго.»

По сути, в книге представлена хроника одной семьи, но перед нами встаёт целая эпоха: от пика кровавых репрессий 1937года до трудностей перестройки 90-ых годов прошлого века. Читается книга на едином дыхании, ибо здесь нет ни грана выдумки. Поразительная достоверность и почти маниакальная приверженность истине — вот главная особенность этого произведения. Оно заставляет задуматься о многом: и о причинах трагедии 30-ых годов минувшего века, и о преемственности поколений, и о сущности бытия человека. «Скажи мне, кто твой дед...» найдёт своего читателя — вдумчивого, из тех, кому не безразлична судьба своей Родины, кому нужны истина и правда, как бы ни были они горьки...»

Не могу не продолжить разговор, начатый Рафаэлем Мустафиным, об особенности этой работы, созданной Татьяной.

Неповторимой, уникальной делает эту книгу многолетняя переписка деда с внуком. Трудно уложить в узкие рамки этой статьи представление о таком родственном понимании друг друга двух человек, столь далеко разведённых

возрастом, историей — да, именно историей — и изменениями самой нашей страны...

Но дед и внук одинаково талантливы, очень открыты и щедры. В письмах они делятся каждодневными новостями, а на самом деле — богатством своего духовного мира. И всегда зримо или незримо здесь присутствует Татьяна. Благодаря ей с каждой страницей, как в открытую дверь, мы входим в этот мир.

К горькому несчастью её и всех нас, Серёжа не увидел ни эту книгу, ни новый сборник своих поэтических работ. Их собрала мама по публикациям в коллективных сборниках. По журналам, газетам. По записным книжкам сына. Называется этот сборник «Слово». Слово её сына, конечно же, услышит читатель и нашего, и завтрашнего времени. Любовь к поэзии, как и материнская любовь, не подвластна времени.

Но вернёмся к её трилогии о незабываемом времени второй половины сороковых годов, о тех детях и молодёжи, о тех школах, о дружбе и любви. Не напрасно ли классики пророчили долгую жизнь её трём повестям? Письма читателей отвечают на этот вопрос. Вот лишь три из множества откликов.

«Книги Татьяны Поликарповой были любимыми в моём школьном детстве. И свою единственную дочь я назвала Дашей в честь Даши Плетнёвой. Для меня это больше, чем просто книга: это встреча с моим детством, со всем самым хорошим, что было в нём. Моя Дашутка, конечно, тоже с нетерпением ждёт возможности прочесть недавно вышедшую книгу «Было — не было».

Маргарита. 16 мая 2013.»

«Мы с дочкой читали книгу «Две берёзы на холме» и решили разыграть сценку, как пятиклассница Даша с подружкой чистит мороженную картошку, чтобы успеть сварить суп для трёх классов их семилетки к обеду — к большой перемене.

Мы замораживали картофелины в холодильнике, а потом чистили их, страшно холодные и скользкие. И варили... Я хотела, чтобы дочка сама ощутила и представила, как жили её сверстники в годы войны».

«Татьяна Николаевна! Вашу книгу «Листья будущего лета» я читала ещё школьницей. Не один и не два раза брала её в областной детской библиотеке Благовеценска. Сейчас я в Москве получаю второе высшее образование. Недавно мне удалось достать старое издание. И вы не представляете, с каким удовольствием погрузилась я в жизнь Даши Плетнёвой... Она напомнила мне о важных жизненных ориентирах, которые складываются в детстве с ощущением дома, семьи, Родины... Я точно знаю, что мои будущие дети будут читать и любить Ваши книги. Мария Тайгузина».

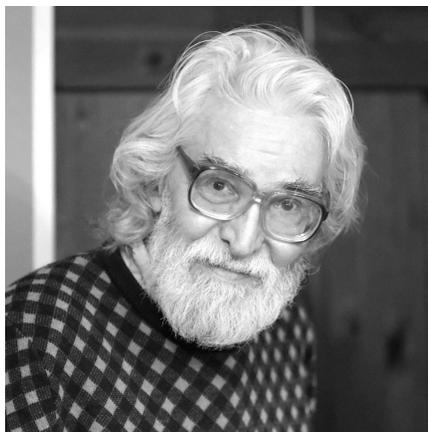
Сейчас Татьяна Поликарпова завершает работу над новой книгой, не сравнимой ни с какой предыдущей. Если не считать, что все её произведения подчинены непреложному закону её творческого «Я»: «Всё во мне, и я во всём». Спасибо Фёдору Ивановичу Тютчеву за столь точную и краткую формулу, объясняющую драгоценное единство в творчестве субъективного, личного, и объективного — вещного — мира.

МАРИЯ РОМАНУШКО

Московский союз литераторов. Поэт и писатель, родилась в 1950 году, выпускница Литературного института им. Горького, автор 50 книг стихов и прозы. Биограф Леонида Енгибарова.

ВИКТОР КРОТОВ

Московский союз литераторов. По образованию — математик, по роду деятельности — писатель, по главному творческому интересу — философ. Известен также как автор сказок «Волшебный возок», истории про червячка Игнатия и др. В своих философских книгах использует сказки для взрослых. Выхо-

дили его книги по семейной педагогике «Компас для младенца», «Как наполнить детство» и др., а также по педагогике литературного творчества. Член МСЛ с 1993 года. Жена — поэт и писатель Мария Романушко. Четверо детей.

Мария Романушко, которая когда-то рекомендовала меня в наш Союз

Вроде бы давным-давно, почти три десятка лет назад вступил я в Московский союз литераторов. Но рекомендацию для вступления дала мне Мария Романушко, которая состояла в Союзе литераторов «Москва» (так он тогда назывался) уже за четырнадцать лет до этого. О ней мне и хочется написать, воспользовавшись её удивительным свойством: она написала много книг о своей жизни, хотя при этом читатель видит в каждой написанной книге — своё. Взглянем и мы на это авторское путешествие по собственной жизни с читательской точки зрения.

Детство: своё и общее

Необычайная память о прошлом позволяет Романушко возвращаться даже в самые ранние периоды своей жизни. Возвращаться, снова и снова осмысливая происшедшее. Наиболее ярким образом это проявилось в книге «Вырастая из детства. Оренбург: опыт возвращения», хотя и в главах других книг немало пронзительных страниц, связанных с ранним детством, а главное — с его внутренними переживаниями: бесценным материалом для педагога, психолога, да и для любого человека, заинтересованного в понимании ребёнка.

Книг о детстве у Романушко много: о собственной детской жизни, о жизни своих детей, но все они и о детстве вообще: что означают для ребёнка те мелочи родительского поведения, на которые мы, родители, часто не обращаем внимания; как жить интересно в больничном отделении с тяжелобольным ребёнком; что можно дать ребёнку дома, даже в самых непростых житейских условиях; как сделать каждую прогулку путешествием с приключениями... Иногда сами на-

звания книг могут стать сигналом тревоги: «Легко ли быть ребёнком?», «Куда ушла мама?»... Есть у Романушко ещё и остроумные стихи для детей самого разного возраста, и азбука в стихах для малышей, и много другого, сотканного — да, из собственной жизни. Но действует это острее любой методически-педагогической литературы.

Отрочество: томография трудностей

Отрочество справедливо называют трудным возрастом. И, чтобы взаимодействовать с ним, нужно хорошо представлять, что может твориться внутри у подростка. Роман об отрочестве «Там, где всегда ветер» во многом помогает этому. Это что-то вроде томографии организма, только не физического, а душевного, причём своего собственного. Только так, искренностью о себе можно показать, какие сложные процессы, незаметные снаружи, происходят в отрочестве. Остаётся быть благодарным человеку, решившемуся на это и не превратившему своё повествование в страшилку или в длинную жалобу на маленький провинциальный городок в степи и на другие сложные обстоятельства жизни,

Юность: романтика скитаний и озарений

Непростыми оказались и юношеские годы, на которые пришёлся переезд в столицу, поиски и находки на духовном пути, постоянные попытки связаться с отцом, которого Романушко видела лишь в раннем детстве, а новая встреча теперь произошла в рижской клинике, где отца готовили к операции и где за дарованные им дни общения они сумели заново прожить непрожитую раньше общую жизнь, а после операции отца не стало...

И много, много событий, которые легли в основу трилогии «Побережье памяти». Встреча с великим клоуном и мимом Леонидом Енгибаровым, который так мало прожил...

Знакомство с художником Валерием Каптеревым, слишком самобытным для тогдашней власти, и с его женой Людмилой Окназовой, которая стала мудрым и тонким поэтом в пятьдесят восемь лет... Разнообразные места работы... Поступление в Литинститут, учёба там у Евгения Долматовского и Егора Исаева...

Творчество: внутренняя палитра

Писать стихи Романушко начала в двенадцать лет. Благодаря школьной учительнице, пославшей тетрадку со стихами в редакцию газеты, её начали печатать. Первую книгу стихов «Лунные цирки» (о цирковом искусстве... и обо всём остальном) опубликовали, правда, лишь несколько лет спустя после окончания Литинститута, зато это было самое солидное тогда издательство «Советский писатель». Тираж книги был удивительным по теперешним временам: 10.000, но разлетелся он очень быстро.

Прозаический дебют: повесть «Не прощаюсь с тобой» была опубликована в журнале с предисловием Леонида Жуховицкого, а впереди было ещё множество интереснейших книг.

Но и помимо литературы творчество Романушко не знает пределов. Начиная с подготовки замечательного издания новелл Енгибарова и с вечеров его памяти, спектакля «Не умрёт клоун», проведения фестивалей имени Енгибарова, но далеко не ограничиваясь этим. Творческие навыки Романушко перекликаются и с её материнской позицией: жить общей жизнью с ребёнком и участвовать в его творчестве, насколько возможно. Сюда входит и искусство нетканого гобелена, культивированного дочкой, и путешествия с сыном, и участие в его «Домах для всех», возникающих и у нас, и в других странах, да и многое другое...

Особняком стоят две книги воспоминаний (скоро эту трилогию замкнёт ещё одна книга), посвящённых истории Юга России, и, как всегда, глубоко автобиографичных. Вот их названия: «Философская улица. Воспоминание об утраченной родине» и «Воспоминание об утраченной родине. Украина и не только».

Дети: быть не просто рядом, а вместе

Горжусь честью быть соавтором нашей небольшой, но единственной общей с Романушко книги для родителей о детях: «Как быть вместе». Но это лишь краткая подсказка тем, кто в ней нуждается в начале родительской жизни. На самом деле, этому посвящена каждая книга Романушко, затрагивающая семейное воспитание. С самых разных сторон она показывает на живых примерах, что могут сделать любящие родители для детей, начиная с самого начала их жизни. И уже в самом раннем романе «Наши зимы и лета, вёсны и осени» высказывает проникновенную мысль о том, что рядом с ребёнком нужно быть счастливым во что бы то ни было, чтобы ребёнок тоже чувствовал вкус счастья.

Люди: дружить и любить

Енгибарову посвящены не только многочисленные стихи и повесть «Не прощаюсь с тобой». Есть ещё две биографические книги о нём: «Клоун глазами поэта» и «Мим, говорящий с вечностью», в которых Романушко рассказывает и о его судьбе, и о смысле его творчества. И вместе с тем сражается со слухами и сплетнями, которые неминуемо скапливаются вокруг выдающихся личностей, проживших яркую и недолгую жизнь.

Замечательные книги она написала и ещё о двух людях, с которыми дружила и которых любила, о Каптереве и Окназовой: «Художник Валерий Каптерев» и «Разговор ухо-

дит в высоту». Книги, сохраняющие в художественном пространстве судьбы этих двух невероятно одухотворённых людей — как и книги о Енгибарове, сохраняющие его судьбу.

Ещё одна её книга такого же плана — «Александр Милитов. Человек, который сыграл каждого из нас». Книга о тонком психологе и выразительном актёре, который стал одним из основателей в нашей стране необычного плейбэк-театра соединяющего в себе психологическое интерактивное действо с импровизацией и психологической чуткостью.

И совсем неожиданными и особенно глубокими стали две её книги, посвящённые дружбе и общению с девяностолетним Борисом Сударовым: «Встречи на берегу» и «Мы везде найдём наш берег». Человек необычной судьбы, он был военным, прошёл через эпицентр атомного взрыва после испытаний на Тоцком полигоне, стал учёным-историком, а затем тридцать лет руководил на Всесоюзном радиопередачами «Театр у микрофона», радиовстречами с известными людьми и дружил с легендарным диктором Юрием Левитаном. Несмотря на разницу в возрасте, Романушко и Сударов сдружились и много общались. Их сближали любовь к жизни, способность удивляться и радоваться каждому новому дню, хотя приходилось преодолевать многочисленные возрастные сложности и испытания. Эти две книги стали для читателей важными уроками опыта взаимодействия с полноценным, но одиноким и многолетним человеком — опыта, которого нам иногда очень не хватает.

Надо сказать и ещё об одной стороне писательской деятельности Романушко, связанной не с её авторством, а с участием в появлении книг других авторов, которые иначе могли бы и не появиться на свет. Выступая, как инициатор издания, как составитель или редактор, помогла осуществиться многим авторам, которые уже ушли из земной жизни. Просто перечислю некоторых из них:

Людмила Окназова, у которой при жизни не вышло ни одной книги. Теперь у неё опубликованы три сборника стихов: «Под звёздной кручей», «Отдых перед счастьем», и «У Твоего порога». Благодаря этим книгам Окназова стала популярной в своём родном городе Кисловодске, где проводятся её поэтические вечера.

Юрий Левинсон, доктор медицины, детский сердечный хирург, который открыл в себе экстрасенсорные способности. Подготовлена книга «Целительство: пути и возможности» (даже название придумала Романушко), вышедшая тремя большими тиражами.

Михаил Файнерман, необычный поэт и философ. Романушко составила его единственную прижизненную книгу стихов «Зяблик перелётный».

Евгений Долматовский, сборник стихов «Общий вагон», не опубликованный при его жизни, где собраны его печальные стихи о том, как изменилась жизнь в послесоветское время.

«Рустем Османов: неистовый мастер», первая в России книга о программисте, который рано ушёл из жизни, но все окружающим запомнился как необычный и творческий человек. Сборник воспоминаний.

Владимир Казарновский «Из того, что осталось». Книга талантливого и бескомпромиссного однокурсника Романушко по Литинституту.

Ольга Щепалина «Прикосновение». Сборник стихов эмоционального и затаённого в себе поэта, оставшийся единственной её опубликованной книгой.

Книги: события душевные и писательские

Уверен, что со временем особые книги Марии Романушко достигнут той известности, которую они заслуживают по своей ценности для современного человека. Каждая из них

является прежде всего событием внутренним, душевным, поэтому они даются ей очень непросто. Тем более важно изменение издательского климата, переход от коммерчески ориентированного книгоиздания к такому, которое было бы устремлено на развитие читателя. Резкий уход от идеологически ориентированного книгоиздания позволяет надеяться, что возможно и ещё более достойное русской литературы изменение основного направления.

Пятьдесят книг Марии Романушко — большое достояние нашей культуры.

МИХАИЛ СТАРОДУБ

Московский союз литераторов. Выпускник Школы студии (вуз) при МХАТ СССР, Литературного института им. А.М. Горького. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат конкурсов журнала «Русский переплёт», 2003 и 2008. Знак «Серебряное перо Руси», 2014. Лауреат конкурсов: «Золотое перо Руси 2011, 12, 15, 21 гг.»,

лауреат 1-й степени конкурса «Русский STIL-2016» (Германия), лауреат IV Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» 2019 (Калининград), лауреат (1 место в номинации СКАЗКА) международного литературного конкурса «Созвездие духовности» 2019 (Киев), 1 место в номинации ПРОЗА международного литературного конкурса «Скромный гений 2020», победитель других конкурсов. Книга «Простись с невинностью, бумага!» награждена Серебряным дипломом за 2-е место в номинации ПОЭЗИЯ на Германском (г. Берлин) международном литературном конкурсе «Лучшая книга года», 2020 г. Автор и исполнитель песен. Песня «Колыбельная Мише» — Лауреат Всероссийского конкурса «Новые песни детства» музыкального проекта «Дорогами добра» 2012 г. По мотивам рассказа «Корешок» снят одноимённый полнометражный художественный фильм (2012 г., студия «ИНТРОСПЕКТИВА»). Автор пьес, книг (последние — «Сказки старого дуба». М., БОС, 2018. «Приключения Штука и Дрюки». М., Аквилегия-М, 2020; «Тест на милосердие». Волгоград, «Перископ-Волга», 2021).

ИГОРЬ КРАСНОВ

Журналист, писатель, драматург, издатель, редактор. Закончил заочное отделение факультета журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Член Союза журналистов России. В течение 20 лет работал внештатным корреспондентом по социальным вопросам газет «Сын Родины» (УрО ВВ МВД России), «На

смену!», «Уральский рабочий», «Областная Газета» и «Голос надежды» (Екатеринбург), «Каменский рабочий», «Пламя» и «Новый компас» (Каменск-Уральский). Лауреат международного фестиваля «Литературная Вена» (Австрия). Автор книг «Такая вот жизнь», «Дом ненужных людей», «Метаморфозы души» и др. В 2006—2011 годах возглавлял Уральское региональное отделение Международного Союза писателей «Новый Современник». Занимался издательской деятельностью, был редактором газет «Наше Слово», «Компьютер HELP» и «Литературная пристань». Публиковался в международных и всероссийских журналах и литературных, поэтических сборниках. Награждён медалью Ф.М. Достоевского.

Интервью с Михаилом Стародубом

— Михаил, как получилось, что вы попали в школу МХАТа? Какие-то были предпосылки? Ваши родители были театрами?

— Родители — инженеры.

Отец (родился в посёлке Горловка) с 6-ти лет подрабатывал на шахте. С этого возраста могли нанять выбирать «породу» — твёрдые отходы, которые добываются вместе с углём. Хотелось есть, спать. И молоденькие «работники» учились «спать с открытыми глазами». То есть, попросту отключаться, как я сегодня понимаю. Но за спиной — надсмотрщик.

— Порода! Порода! Порода! — бубнил этот человек с палкой, которой мог ударить по рукам, того, кто зазевался.

— Больно не было... — вспоминал отец, — но сон уходил сразу и надолго.

Мама (моложе отца на 11 лет) — из семьи московских фабрикантов (и, что важнее, староверов). После революции дед до 37 года работал на собственном заводе одним из бухгалтеров. Расстрелян (позже, реабилитирован) за «подготовку покушения на Калинина». Вполне стандартная история. Деда забрали перед ужином (маме 16 лет). Уходя, он просил накрывать на стол, мол, поймут, что я невиновен, быстро, к ужину вернуться.

Отец появился в Москве в 30-х. Поступил в творческую мастерскую Эйзенштейна, бросил её. Окончил инженерный институт. Был первым директором Института усовершенствования врачей (романтическая, по тем временам, авантюрная история создания этого института! Надеюсь однажды что-то написать об этом). Позже работал на военном заводе, изобретая непонятные мне детали к танкам или тракторам (есть патенты на изобретения), что-то ещё, такое же таинственное. Он умер, не оставив вещей. Исключение — книги и одежда, в которой ходил.

С шести лет я начал читать стихи на самых разных сценах. Далее — городской Дом пионеров, диктор «Пионерской зорьки» (была такая детская передача на Всесоюзном радио), многочисленные чтецкие выступления — групповые и индивидуальные — и конкурсы (среди прочего, 1-е место на Всесо-

юзном конкурсе в Артеке, председатель жюри — звезда кино и цирка Ю. Никулин). Вопрос «кем быть?» не возникал.

Закончив школу, подал документы в ГИТИС. Впечатляло название: Государственный институт, а не многочисленные «студии-школы». Легко пройдя два тура творческого конкурса... завалился, к собственному изумлению, на третьем!

Позже выяснилось, что декламация (со всеми плюсами и минусами) — незначительная часть театрального дела. Побочное ответвление, один из жанров. Более того, чтецкие приёмы и навыки — так называемое «выразительное чтение» — могут мешать (и, как правило, мешают) работе над ролью. Основы этого и многое прочее я начал изучать, поступив в Народный театр при ЗИЛе, где преподавали, собственно, профессиональные режиссёры и педагоги, выпускники которого — В. Лановой (много позже имел честь не без удовольствия работать с В.Л. в ряде сборных концертов), А. Локтев, В. Носик (позже снимался с В.Н. в двухсерийном «комедийном» TV-фильме по ужасающему сценарию!), Ю. Богатырёв (участвовал-таки в чтецком, серьёзного уровня Пушкинском конкурсе, где разделили с Ю.Б. первое место)... и прочие и т.д. Впрочем, основами театрального искусства я занимался ежевечерне и в выходные дни. Днём работал учеником слесаря на потрясающем номерном заводе (там в своё время изобрели и построили «Катюши»!).

После провала на экзаменах (огорчалась мама, я — был в растерянности) отец заметил:

— Значит, научись работать руками.

Учителем моим был лучший на п/я профессионал слесарного дела С., к которому обращались исключительно в случаях нетрадиционных, особенно сложных (или с просьбами о бытовых поделках, и С. никому не отказывал, исполняя работу, разумеется, бесплатно). Изделия С. были «живыми». Без преувеличения (смешливый болт, изящная гаечка

и т.д.). Приятно было взять в руки его работу. Рядом трудился, кстати, М.И., не менее квалифицированный слесарь (того же высшего 7-го разряда), но то, что исполнял он, было вполне обычно. Удивительно, размеры те же, изделие — неживое.

Наступил следующий год, я готовился к службе в армии (с 14 лет — в секции бокса, юношеские разряды по лыжам, бегу, прочий «набор» тогдашнего школьника). Просился в десантные войска (это представлялось романтичным). Уже имея на руках повестку — успевал-таки на творческие туры. Можно было без документов одновременно поступать в 5–6 театральных школ, и, ясное дело, я этим воспользовался. И проходил один тур за другим! Но в Студии МХАТа — попал на первое прослушивание к руководителю курса Виктору Монюкову. Это редкая удача, обычно на первых турах нескончаемый поток «абитуры» (на одно место претендовали 350–400 кандидатов) «просеивают» педагоги и студенты-старшекурсники. После прослушивания В.М. отправил меня сразу на третий (последний) тур, сказав, что могу подавать документы, готовиться к общеобразовательным экзаменам, он берёт меня на курс. Я показал повестку и В.М. (впоследствии пришлось многократно убедиться — актёрский курс — единая семья, а его «мастера» — преподаватели актёрского мастерства — заботливые родители на всю жизнь!) отправил меня в деканат. Через некоторое время у меня в руках была справка... нет, это было патетичное «послание» (прочитал — жалко отдавать, а ксероксов тогда не было!) для военкомата, подписанное Народными артистами с просьбой освободить меня, М.С., от призыва, с обязательствами зачислить на курс.

Далее — время учёбы.

— Какая сценическая школа мастерства вам больше импонирует и почему?

— Известны две методики художественного творчества (в традиционном психологическом театре): «школа

представления» и «школа переживания». В первом случае актёр, исполняя роль, «находит» нужное психофизическое состояние в каждом спектакле. Техника, разработанная системой Станиславского, позволяет входить в нужное состояние здесь, сегодня, на глазах у зрителя. Во втором случае, исполнитель имитирует — однажды (на репетициях) найденное с помощью актёрской техники. И то, и другое может оказаться чрезвычайно интересным или вызывать скуку. В одном спектакле могут работать (и работают!) актёры разных «школ». Спектакль — итог коллективных усилий, зависящий от множества составляющих. В том числе (не в последнюю очередь!) — от публики в зрительном зале. Это структура вполне одушевлённая. Реальность, замешанная на логике драматурга, с кровью, потом, вдохновением актёров, изысками режиссуры, мощным зрительским сочувствием. Сегодня один и тот же спектакль может быть откровением, а завтра — вызывать скуку. Собственно, в этом (в атмосфере спектакля, в его «ауре») прелесть сценического искусства и гарантия долгой жизни.

Выпускники МХАТа (я, М.С., в их числе), как правило, работают в рамках «школы переживания», «...в единстве чувственной и рациональной составляющих актёрского творчества».

— А какая роль давалась трудно, но удовлетворение от результата доставило большое удовольствие?

— Любая роль требует... Здесь, наверное, надо задуматься. Пожалуй, требует тебя (всех семи тел разной частоты вибрации, разной плотности, степени материальности) — от макушки, до пяток. Считаю метод Станиславского универсальным для любого вида (рода) творчества, в том числе — литературного. Особенно остро приходит ощущение этого, когда (и если) сам начинаешь преподавать (режиссировать), писать сценарий.

Роль, которая до сих пор не даётся, но в работе над ней требуется вся палитра позитивных (негативных) ощущений... — это, собственно, роль Михаила Стародуба. Такого, каким имело бы смысл однажды сделаться.

— С какими известными мастерами сцены вам повезло работать? Расскажите какой-нибудь случай!

— Актёрская братия — сравнительно небольшое общество. Каждый многократно пересекается с каждым на самых разных проектах. На радио, TV, в кино, на сборных концертах, в Домах Актёра, на корпоративах, в прочих местах. Выпуски актёрских курсов — от 15 до 27 человек. Поэтому МХАТовцы (за 50 лет существования школы Студии было... не более 1500 выпускников) почти все знакомы друг с другом (то же — с Щукой, Щепкой, ГИТИСом, ВГИКом и т.д.).

Помню, как работали «старики» МХАТа (мы, студенты, играли эпизоды и массовку в спектаклях театра) — А. Тарасова, А. Степанова, М. Яншин, О. Андровская, А. Грибов, П. Массальский. Из «патриархов», работавших с К.С. Станиславским, на нашем курсе преподавал академичный — всегда в костюме, рубашке и с галстуком-бабочкой — В. Станицын (я был занят в его спектакле), преподавали и более молодые — добрейшая К. Головкина, обаятельный Л. Харитонов.

Запомнилось, как пел В. Шукшину, Б. Окуджаве (много позже, уже после смерти Булата Шалвовича, имел честь работать в авторском сольном концерте в Переделкино). Как пел свои песни на стихи Пастернака для И. Емельяновой (дочь О. Ивинской, возлюбленной Б.Л., ставшей прообразом Лары в «Докторе Живаго»), которая приезжала на несколько дней в Москву из Франции, где преподавала в Сорбонне (знакомство — через моего друга Б. Мансурова, который был первым издателем в России книги О. Ивинской, написал и издал свою книгу «Лара моего романа» о Б.П. и О.И.). Как попросил

П. Сальникова (главного дирижёра Московского Театра Оперетты, который гастролировал со своим оркестром в Японии, Штатах, Канаде, работал в музыкальном театре Станиславского, писал для Театра классического балета п/р Василева и Касаткиной), моего друга, написать аранжировки (плюс записи минусовок в студии) для нескольких песен.

— Пишешь песни? — говорит он. — Приходи после спектакля, послушаем.

Вечером вхожу в театр со служебного подъезда. Спектакль только закончился, в помещениях театра — гремят аплодисменты (гримёрные оборудованы настенными громкоговорителями), слышатся крики «браво!», «бис!». Минут 10–15 публика в восторге. Захожу в шикарный Пашин кабинет: белый рояль, партитуры, кресла, мебель красного дерева. Входит Паша с охапками цветов. За ним входит...

— Первая скрипка... — представляет мой друг, — инспектор оркестра...

...кто-то ещё из «крутых» профессионалов!

— Начинай... — предлагает он, пристраивая многочисленные букеты. — Послушаем твои песни.

Сконфуженный, я расчехляю семиструнку и... делать-то нечего! — демонстрирую себя как сочинителя-дилетанта.

В Центральном Академическом театре Советской Армии работал семь лет. В том числе с Л. Касаткиной, Л. Голубкиной, В. Зельдиным. Обязан Нине Сазоновой, которая «спасла» меня, молоденького оболтуса (ставшего «невъездным» и подозрительным для соответствующих органов), опоздавшего на поезд, которым труппа театра возвращалась из зарубежных гастролей. Благодарен Андрею Петрову, который был добрым наставником, раскрывающим секреты ремесла.

Показывал свои пьесы М. Рошину, А. Володину, учился в Литературном институте у В. Розова.

— **Как, по-вашему: сегодня российский театр утратил ту значимость, какая у него была раньше? Что мешает, не хватает современному театру? Народ стал меньше ходить на спектакли? Если да, какие причины?**

— «Неслабый» вопрос... Тема для серьёзного социологического исследования! Беда общества (и, вместе, театра) в потере моральных критериев. В их смене (может быть, подмене). Во всеобщем, так сказать, «бесстыдстве». Беда театра (и, вместе, общества) в нежелании работать тщательно и подробно, не довольствуясь поделками. Старики МХАТа говорили:

— Добиться успеха на театре легко. Нужно, выйдя на сцену, повернуться спиной к зрителю и... снять штаны. Но это не имеет отношения к искусству.

Большинство того, что предлагает сегодня публике литература, театр, TV, кино, эстрада — «околоискусство» (термин литературоведа С. Волжина). Очередная попытка «повернувшись спиной, снять штаны...».

Забавно, но за границей относятся с должным почетом к школе русского психологического театра: вместе с худруком нашего театра И. Хуциевой я был приглашён в качестве режиссёра-педагога провести мастер-классы для профессиональных актёров Германии, в одном проекте с немцами из StageSchoolHamburg и американцами из школы *Stella Adler Studio, New York*.

— **Кто-то из великих людей как-то сказал (не дословно): «Пошёл доить матушку-литературу»... По-вашему, в наши дни возможно актёрством, писательством заработать на жизнь? Конечно, сохранив при этом свободу творчества...**

— Заработать на жизнь безбедную, будучи актёром? Сохранить свободу в выборе методов, средств этой профессии? Да. Трудно, но примеров тому — не счесть.

Заниматься писательским ремеслом, оставаясь актёром (режиссёром)? Для меня — нет. То есть... пробовал, не получилось. Если пытаешься работать серьёзно и чего-то достичь. Впрочем, каждый решает самостоятельно, на какую «жизнь» хотелось бы ему заработать в «дурной бесконечности материального мира» (Н. Бердяев). Где и какие «свободы» необходимы для того, чтобы пытаться «...открывать новое в привычных вещах» (Ф. Петрарка).

— **Современная литература доставляет удовольствие чтения? Каких авторов предпочитаете читать, какие жанры? Почему? Вообще, на ваш взгляд, по каким критериям можно судить о том, что останется на века, какая литература?**

— Читаю что-либо современное достаточно случайно. Исключение — множество пьес, предлагаемых для постановки именно в нашем театре. Думаю, что «в веках» сохранятся самые неожиданные тексты авторов, которых мы, современники, не заметили (не сумели оценить по достоинству).

Ты от вселенского итога
летучий атом. Мало? Много?
Дано ли, homo, различать
насколько полновесна часть?

— **Сегодня есть такие, кто считает, что литература — в традиционном (книжном) понимании, какой мы привыкли воспринимать — умирает, она вся уйдёт в Интернет и уже стала сетевой... Михаил Стародуб согласен с таким мнением?**

— Почему бы и нет? Слово — материал. Каждый пытается освоить его по-своему. Если итог хорош — читатель примет его в любой форме. Другой вопрос, что предпочтительней (привычней) — книга? Экран монитора?

— **Как Вы думаете, способен ли виртуальный мир показать всю реальную боль другого человека?**

— Словом, музыкой, в красках — нет. Мы можем всего лишь проецировать происходящее на себя. Не более, как со-переживая, сочувствуя, сострадаая.

Но, уверен, технический прогресс рано или поздно позволит «считывать» ощущения, фиксируя, скажем, на псифлешке наиболее яркие фрагменты ощущений, чтобы потом передать, размножить и даже монтировать конкретную «боль», «счастье» и так далее.

Придёт время принципиально новых форм искусства.

Пробовал писать об этом в повести «Записки супермена».

— Бытует мнение, что время от времени стоит обязательно возвращаться к классике, где «не хочется переворачивать страницы, чтобы поскорее узнать развитие сюжета, наоборот, хочется остановиться, устроиться поудобнее в мягком кресле», задуматься, перевести дух и подумать о чём-то вечном и чтобы ещё раз насладиться прекраснейшим русским языком, каждым предложением, каждой фразой... А вам, Михаил, иногда хочется перечитать какое-нибудь произведение из великих русских классиков, чтобы так: «Читаешь — и сердце ёкает, а сам будто бы уплываешь в другие моря и просторы, в другое время...»? Если да, то что-то новое открыли для себя?

— Тема для нескольких многостраничных интервью! Вместе с прочими, читаю с любой страницы прозу Булгакова, сказки Пушкина, Андерсена, Гофмана, сонеты Шекспира в переводах Маршака, несколько рассказов Олеси, Воннегута...

— **Вы начали писать для детей. Отдаёте предпочтение детской литературе, больше её читаете? Почему?**

— Писать для детей — единственная (для меня) реальная возможность быть услышанным сегодня. Кем-то, кто не ты сам (вместе с малым числом «подобных», пишущих авторов, «гуляющих» в тех же фантастических пространствах).

— Правда, что для детей гораздо труднее писать, чем для взрослых? И о чём сегодня важнее писать в детской литературе, какие приоритеты?

— О чём писать для детей? О том же, о чём писали вчера (в прошлые времена) — о доброте и зле, о смыслах жизни, необходимости «поддержать падающего», разного рода жизненных соблазнах и попытках их преодоления, о прочем — известном, многократно описанном.

Другой вопрос, «как» сегодня писать? Композиционно, стилистически? Считаю для себя удобной форму короткого рассказа (новеллы) с элементами фантастики, абсурда, без особенной дидактики, по возможности, с событийным сюжетом.

— Что для вас есть творческий процесс? Полёт фантазии, вдохновения... или всё же — труд ремесленника?

— Схема примерно такая... Сегодня ты ремесленник. Завтра ремесленник (из весьма неумелых). Послезавтра (сколько можно?!) просто ничтожество, которое... оп-ля! Ряд слов, определённо, начинает жить (приходит ощущение полёта!). Наконец, «сам собой» (помнится, это называется «вдохновением!») выстраивается финал. И ты понимаешь — в который раз! — что с самого начала «рука не торопилась». Впрочем, «лучшая музыка — тишина». Наиболее изысканная поэзия — молчанье.

Удел мыслителя — молчать.

Попробуй, главное — начать!

— А какой жанр больше всего удаётся, и что ещё не коснулось вашего пера и творческой мысли?

— Свободно пишу диалогом. Некоторые рассказы написаны исключительно прямой речью. Уже потом добавлял ремарки, авторские комментарии (чтобы читатель не запутался), давал прозаические вставки (чтобы действие было не таким, если можно сказать, «скрученным», «плотным»,

или «вязким»). Однажды понял, что делаю это напрасно. В тексте не должно быть ничего лишнего (то есть, разумеется, так — для меня сегодняшнего). Кстати говоря, в хорошем диалоге есть всё: характер действующего лица, портрет, место действия...

— **Пользуетесь черновиками? Я к тому... свои мысли, рабочие наброски будущих текстов сначала записываете где-нибудь шариковой ручкой, а уж после отправляете в компьютер... или сразу «забываете» всё на клавиатуре?**

— С удовольствием пишу карандашом (за столом). Если что-то приходит в голову — в пути, на работе, в прочих, самых разных местах — пишу шариковой ручкой (без удовольствия) в блокноте. Далее — клавиатура с карандашом и множеством того, что записано шариковой ручкой. Собственно, монтаж.

— **Каким видите своего читателя? Речь не о детях... — с ними, конечно, всё ясно. А вообще...**

— Неленивым и неравнодушным. Готовым к внутренним подвижкам.

— **Чему бы ещё хотели научиться и какие вершины преодолеть?**

— Вполне неодолимую вершину... Научиться смирению.

— **Вы сочиняете песни. Как такое случилось? Помните свою первую песню, как она появилась?**

— Получил в театре Армии одну из главных ролей в «военной» пьесе. Мой персонаж — молодой строптивый солдатик, который служит в Прибалтике, встречаясь с девушкой из местных. Режиссёр А. Бурдонский (замечательный профессионал, внук И. В. Сталина), зная, что я «сочинительствую», предложил попробовать написать текст (что-нибудь совсем «простенькое», подходящее персонажу), который положит на музыку А. Минх (в то время — главный дирижёр

театра). Я написал песню, которая была записана с оркестром театра (вместе с прочим музыкальным оформлением). Перед премьерой А.Б. честно извинился, мол, автор песни не будет упомянут в программке, т.к. песня — часть общего музыкального оформления спектакля. А через пару лет, слышу по Маяку...

— Композитор Минх: Московские картинки!

... моя мелодия! Было обидно и забавно одновременно. Понял, что могу что-то сочинить, несмотря на то что музыке не обучен (я — «слухач», играю на семиструнке).

— **На ваш взгляд, что в песне должно главенствовать — текст или музыка?**

— В идеале — гармония («постигаемая разумом слаженность»), соответствие текста и музыки.

Однако, конечно, без удачной мелодии — текст, увы, «не работает». Примеров — не счесть. Самые изысканные стихи «не ложатся» на музыку (в таких случаях говорят, мол, стихи не нашли композитора).

Для себя считаю, удачный стих — напевен. Близок к жанру мелодекламации.

— **Михаил, давайте, так сказать, от материй высоких перейдём к земным! Что для вас является настоящим богатством?**

— Из того, что имеет смысл приобретать, — ощущения (самые невероятные).

Из богатств, которые не хотелось бы растерять? Здоровье, любимая женщина, удача (впрочем, удача и любимая — как правило, синонимы!), знания (навыки), желания («желать — значит, иметь»), поддержка Высших сил (или, скорее, снисхождение к нам, далёким от идеала)...

Со временем начинаешь понимать, что «главное» богатство — когда есть та (тот), с которой хотелось бы разделить всё перечисленное. И, может быть, приумножить.

— **Какой у вас характер?**

— «Непредсказуемый» (так кажется). Не перестаю удивляться самому себе. Утешают смехи — вообще, и «надсмехи» над собой — каждый раз новеньким.

— **Вы наверняка не только объездили всю страну, но и побывали за рубежом, много путешествовали...**

— Да, путешествовал много, кажется, всю жизнь. От школьных летних и зимних походов (Москва-Киев-Одесса; Клинско-Дмитровская гряда; Крым, Кавказ), пионерских лагерей, в том числе и «Артека» (невероятная удача для меня, школьника со средней успеваемостью!), до «активного» отдыха в Карелии (поездка на заработки, сплавление лес на озёрах), позже — по реке Урал на байдарках (от Уральска до Гурьева). Со 2-го курса МХАТа начались пробы на киностудиях Союза, поездки в концертных бригадах. Дальше — работа в театре Советской армии, а это гастроли по многим городам (в том числе «закрытым»), поездки в «группы войск» в соц. странах. Чехословакия, Польша, Венгрия, Болгария...

— **Расскажите какой-нибудь случай.**

— Из того, что вспоминается:

заповедник «Столбы» в Красноярске. Отправились туда ближе к ночи, встречать рассвет следующего дня. Трудно и неумело карабкались на скалы... и, хотя вели нас «столбисты», затея оказалась рискованная. Не уверен, что желал бы (и смог) повторно исполнить что-то подобное;

утренняя Алма-Ата. Вылетаешь из Москвы ранней, со снежными горбушками, хмурой весной — в сиятельный город, наполненный зеленью, светом, цветущей сиренью. Далее — изумительной красоты горы (киностудия расположена в предгорьях) и, уже позже, через несколько лет (с гастролями) — Алма-Ата жаркая, ущелье Алмарасан, горная река Лалетина... поля золотых абрикосов, опавших с деревьев, разбросаны от края до края, сколько хватает взгляда;

пышущий жаром Ашхабад. С утра можно передвигаться только в тени, по краю арыка. В гостинице, перед тем как лечь, выливаешь на койку графин воды. Через полчаса — сухо. Щедрый восточный рынок со всем мыслимым и тем, что невозможно представить... и нарядный шахтёрский Донецк. В отличие от «неприбранной» Караганды с терриконами, торчащими в самых неожиданных, кажется, неподходящих местах. После концерта артистам предлагают экскурсию на шахту. На следующий день нас одевают и обувают, опускают куда-то в глубины (в сопровождении главного инженера по технике безопасности), долго идём коридорами, продвигаемся ниже, ниже, протискиваясь в узкие щели (допускаю, что для пущего эффекта маршрут был построен так, чтобы это произвело впечатление), наконец, добираемся до, собственно, забоя и так далее...

Саяно-Шушенская ГЭС, где год проработал режиссёром. Объявили, что ближе к вечеру гидростроители собираются перекрыть Енисей. Посёлок Ч. — место действия — находился перед рекой, за которой полоска суши у подножья холмов. Вышел под солнце и синее небо в сосновый лесок, который начинался прямо в улицах посёлка. Двинулся к реке — тёмной и быстрой. Холодной, почти ледяной и, помнится, от сильного течения упругой. К живому пространству воды, которое плещет, подаёт голос, дышит в берегах — что ещё? Серебрится на солнце. Выйдя к Енисею... обомлел! От тишины. Глубокой и безжизненной. С тех пор я знаю, что такое, когда тишина стоит «мёртвая». И пустота, отсутствие... потеря чего-то главного. Как вытек глаз, или обрубил ноги. Как изъяли половину человеческого лица. От реки осталось русло: широкая тропа крупных (с человечесью голову) белых гладких камней. Какое-то время я ждал, когда придёт ощущение гордости от человеческой силы, совладавшей... и так далее. Дудки! Чувство катастрофы, грандиозного насилия

над природой, беды. К счастью, следующим утром река вернулась. Дышать, подавать голос, серебриться на солнце...

— **Где ещё посчастливилось побывать?**

— На театральном фестивале в Эдинбурге. В городе — примерно восемьсот театров работают одновременно днём и ночью. Среди домов с островерхими черепичными крышами, костёлов — современные здания почти отсутствуют. Открыты сто с лишним актёрских клубов, а это значит, что тебя ожидают незнакомые, разнообразно оформленные территории сюрпризов. На каждом углу играют скрипочки, волынки. На ступеньках пристроился флейтист, чуть в стороне — ударник, ещё дальше — ансамбль или отдельный гитарист. На площади выступает цирк... Я насчитал четыре разных труппы, бросил. Такое впечатление, что весь город веселится, разгуливает, таращится. Нас (меня, актёра Н.И. и художника С. Г.), возвращавшихся с репетиции с акустическими гитарами в руках, почти силком затаскивают в паб.

— *Russian singers?! Let's sing!*

Раздвинув столики, освобождают клочок свободного пространства. Поём цыганское. Публика в восторге. Исполняем «Дорогой длиною, да ночью лунною...», — подпевают в голос! Мы счастливы, запеваем что-то русское, на голоса. Народ аплодирует. Начинают угощать пивом. С.Г. отлучается в гостиницу, приносит московскую водку. Нам предлагают шотландский виски. Теперь поёт один из них... и как! Нечто в стиле «кантри», ритмовое. Шотландские женщины обаятельны. Красоток почти нет — то есть в России на квадратный километр их существенно больше.

Последние десять лет работал в «Камерном молодёжном театре». А это многократные гастроли по Германии... Такое ощущение, что лучшие друзья — в этой стране! Карнавальный, с долей безумия Амстердам, великолепный Мадрид (неподалёку — изысканный Толедо!), академичная Вена,

курортная Ницца, от которой ожидаешь большего, невероятный Лиссабон (и территории вокруг) — нагромождение сказочных домишек, узеньких улиц, город крутых спусков и подъёмов... прочие города и страны.

— **Как относитесь к старости? Ваше изречение: старость — это когда ничего не хочется. Даже молодости!**

— Формула из рассказа «То, что ты ищешь». Но это определение персонажа по имени Питер.

О старости думаю давно и по-разному.

Собственно, нас пугает разнообразная немощь, связанная с проживанием на краешке жизни. Волнует (беспокоит, мучает, будоражит... — в зависимости от характера), что там, за «краешком»...

— **Чего хочется пожелать друзьям и коллегам?**

— Удачи в прозе и стихах!

ГАЛИНА ТУРЧИНА

Московский союз литераторов. Родилась в Москве. Писатель, журналист, драматург. В 1987 году основала альманах экологической направленности для молодёжи «Лазурь», детский экожурнал «Свирель» и журнал о природе для малышей «Свирелька». Выпустила более 70 книг по искусству, экологии и для детей. В течение многих лет сотрудничала как драматург с Малым театром, где была поставлена её пьеса «Хроника дворцового переворота». По её сценарию был снят телефильм «Претендент». Галина Петровна — лауреат премии Николая Островского. В честь писателя и драматурга Галины Турчиной названа Малая планета под номером 23402.

АЛЛА ЗУБОВА

Московский союз литераторов. Родилась в Москве. Окончила Бухарестский университет. Журналист, переводчик, писатель, драматург. С 1960 года работала на Гостелерадио СССР (иновециание), с 1962 года — на радиостанции «Юность», первой молодёжной радиостанции в СССР, просуществовавшей

более полувека. Алла Васильевна написала 6 книг. Её книги, написанные интересно, эмоционально, широко известны читателю. В книге, ставшей бестселлером 2001 года — «Знаменитости в домашнем интерьере», повествуется о судьбах знаменитых артистов, художников, скульпторов. Близость к театру привела её к написанию драматического произведения «Штормы и штилы большого плавания». На протяжении многих лет Алла Васильевна была председателем секции очерка МСЛ. При её непосредственном руководстве вышло десять альманахов «Посиделки на Дмитровке», где опубликованы работы членов этого большого дружного коллектива. Необычайная эрудиция этого удивительного человека, её личное обаяние, — вот что характеризует Аллу Васильевну Зубову. Награждена медалью «За трудовую доблесть», к «100-летию со дня рождения В.И. Ленина», медалью «Золотое перо».

ЛЮДМИЛА СТАСЕНКО

Московский союз литераторов. Член Союза писателей России, член литературного объединения Центрального Дома учёных Российской академии наук. Поэт, писатель, журналист. Образование высшее, по профессии — педагог. Преподавала физику в школах

Москвы и Монголии, в вузах Москвы и Алжира. Много путешествовала, посетила 55 стран мира, об этом написала в своих книгах. Книга «Ветер странствий» удостоена Московской городской организацией Союз писателей России диплома «Лучшая книга года» (в номинации «проза», 2016–2018 годы.). Автор шестнадцати поэтических сборников, семи прозаических произведений. Публикуется в ежегодных литературных альманахах

ЛИТО ЦДУ РАН и в сборнике-альманахе работ членов секции Документальной литературы Московского союза литераторов. На протяжении 20 лет публикуется в альманахе экологической направленности для молодёжи «Лазурь». Награждена медалью «Золотое перо границы» за патриотическое воспитание молодёжи, медалью имени И.А. Бунина «За верное служение русской литературе», медалью «За вклад в литературу России XXI века». Вошла в Энциклопедию писателей XXI века.

Планета Галины Турчиной

«Пути Господни неисповедимы» — библейский афоризм, выражающий непредсказуемость жизни, невозможность предвидеть все повороты судьбы, известной лишь Богу. И, вероятно, каждый из нас испытал это в собственной жизни. Я приведу один только пример, подтверждающий сказанное.

Меня с детства привлекали камни. Идя по берегу моря, собирала камешки красные, синие, жёлтые, прозрачные, блестящие — такие разные! Настоящим путеводителем в этот прекрасный мир стала книга А.Е. Ферсмана «Занимательная минералогия», а затем мало-помалу сформировался домашний минералогический музей. Потребность написать о камнях реализовалась в повесть для детей «Путешествие в мир камня». Книга готова, а издать не могу из-за отсутствия названной суммы за публикацию — 10 тысяч долларов!

Куда я только не обращалась и в России, и за границей, — бесполезно. Прошло 25 лет, книга лежала в столе. Однажды на банкете после праздника, который проходил в одной из библиотек, я выступила со своими стихами, и они понравились заведующей библиотекой. Она поинтересовалась, нет ли у меня прозы, и, узнав, что есть, но опубликовать не могу, дала адрес издательства и пожелала успеха. Увидев адрес, я глазам своим не поверила: негосударственное учреждение культуры «Лазурь» находилось рядом с моим до-

мом. На следующий день я отправилась туда. Генеральный директор «Лазури» Турчина Галина Петровна посмотрела мою рукопись и сказала: «Это наш материал. Будем печатать». Невероятно, сказка со счастливым концом, хотя и «длинною» в 25 лет. Познакомившись ближе с Галиной Петровной, я поняла, с каким необыкновенным человеком свела меня судьба. Галина Петровна в 1987 году основала альманах художественно-экологической направленности для молодёжи «Лазурь», в 1994-м — детские экожурналы «Свирель» и «Свирелька» (для малышей). Выпустила более 70 книг по искусству, экологии для детей. Она сотрудничала как сценарист и автор программ с телеканалом «Культура». И в Малом театре она свой человек. Здесь поставлена пьеса Г. П. Турчиной «Хроника дворцового переворота». По её сценарию снят телефильм «Претендент».

Неутомимая труженица Галина Петровна — Лауреат премии Николая Островского. Именем Галины Турчиной названа Малая планета под номером 23402. Просто так планету не подарят, заслужить надо!

С тех пор как я вошла в «Лазурь», из неё не выхожу. Опубликовала ещё одну книгу о камнях, но уже для взрослых — «Люди и камни». Часто в «Лазури» выходят мои статьи о путешествиях по миру. Журнал насыщен фотоматериалами, интересными публикациями и пользуется большой популярностью.

Галина Петровна дала мне рекомендацию для вступления в Московский союз литераторов. Я состою членом МСЛ в секции документальной литературы, которой долгое время руководила Алла Васильевна Зубова.

Алла Зубова и её окружение

Алла Васильевна Зубова — известная журналистка радиостанции «Юность», первой молодёжной радиостанции в СССР, созданной в 1962 году и просуществовавшей более

полувека. Эта радиостанция стала любимой в юношеской среде, шла в ногу со страной. Именно благодаря этой радиостанции приобрели всеобщую известность Алла Пугачёва, Эдита Пьеха, Давид Тухманов, Евгений Мартынов, Елена Камбурова, Мария Пахоменко, Олег Иванов, Игорь Тальков, Муслим Магомаев.

Работа журналиста связана с постоянным поиском новых идей. А где их взять, как не из самой жизни? Окружение Аллы Васильевны — это артисты: И.М. Смоктуновский, Л.В. Целиковская, Р.А. Быков, В.Б. Сошальский, Н.А. Сазонова, М.Н. Бернес, П.И. Вишняков, В.Б. Коренев. Она лично была знакома с художником И.С. Глазуновым, диктором Все-союзного Радио Ю.Б. Левитаном. Некоторые из них жили в доме на Тверской и были соседями Аллы Васильевны. О них она написала в книге «Знаменитости в домашнем интерьере».

Муж Аллы Васильевны Борис Павлович Zubov был актёром театра Российской армии. Близость к театру привела её к написанию драматического произведения «Штормы и штили большого плавания». С помощью Аллы Васильевны и при её непосредственном участии Борис Павлович написал книгу воспоминаний о театре — «Театральные байки». Читаешь и не перестаёшь смеяться над розыгрышами и смешными ситуациями, в которые попадали известные нам актёры.

Алла Васильевна — прирождённый командир. При её непосредственном руководстве вышло десять альманахов «Посиделки на Дмитровке», где опубликованы работы членов этого большого, дружного коллектива. Сейчас секцией документальной литературы руководит Владислав Ларин — симпатичный, интеллигентный человек, перенявший эстафету от Аллы Васильевны. Он и редактор, и корректор, и автор серьёзных исторических очерков, публикуемых в альманахе.

В «Посиделках на Дмитровке» — материалы (очерки, эссе, рассказы) разноплановы, чтобы читатель мог найти ин-

тересующую его тему. Много интересного всегда можно прочесть у Ады Дихтярь, например, в очерке о Ю.А. Гагарине. Написано о подробностях его жизни, полёте в космос и о триумфальном шествии по всему миру. Казалось бы, у всех на слуху эти факты. Но автор так талантливо строит своё повествование, что заново проживаешь эти незабываемые факты нашей истории.

Лина Тархова знакомит читателя с потрясающей информацией о существовании Детских деревень SOS, в которых нашли свой дом дети, оставшиеся без родителей. В мире таких деревень насчитывается 135. В нашей стране их всего четыре: в Подмосковье, в Ленинградской, Орловской и Мурманской областях. Здесь дети живут в комфортабельных условиях со своими новыми мамами. Лина трогательно пишет о детях: «Природа наделяет детское сердце большим запасом любви. Душа ребёнка, который никому не нужен, выгорает». Как можно без сострадания относиться к этой проблеме, для решения которой у нас постоянно не хватает средств? Лина сопереживает героям своего очерка. Да и как иначе? Без сопереживания нет литературы. Искусство — это мир страстей. Она пишет и о российских разведчиках, и о руководителях СССР и России, и обо всём настолько убедительно и тревожно, как может это делать настоящий мастер.

Татьяна Копылова в рассказе «Покажи на карте Командирские острова» с лёгким юмором вспоминает школу в послевоенное время и любимых учителей. И совсем в другом контексте пишет она о встрече с К.И. Чуковским, когда она, молодая журналистка, пришла к нему в гости, а затем написала о своих впечатлениях в «Пионерскую правду». Статью уменьшили до неузнаваемости. Бывает такое! И у меня случалось, когда текст уже был набран, а потом набор рассыпан. Не о том писали!

Герман Арутюнов — неординарный человек, он мыслитель, его заносит далеко «в уголки Вселенной». Журналист,

исследователь, искусствовед и просто очень симпатичный, интеллигентный человек. Он любит рассуждать о вечности, о Боге, о душе, о времени как особой категории. Он написал «Часослов бытия». Беседы с ним всегда несут много информации. В последнем альманахе он выступил о делах насущных, которые тут, рядом, под боком. Он заговорил о необходимости сохранения музейного комплекса «Ясная Поляна», потому что здесь всё подлинное и оно должно жить как достоверный свидетель великого писателя Л. Н. Толстого.

Для Черкашиной Ларисы, члена Союза писателей России и Всероссийского Пушкинского общества, «Пушкиниана» — тема наследственная, перешедшая от отца, Андрея Черкашина, который занимался генеалогией А.С. Пушкина и написал книгу «Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона», получившую международное признание. Лариса также участвовала в написании этой книги. Ей принадлежит не только авторство многих книг о Пушкине и его жене Наталии Николаевне, но и создание сценариев художественно-документальных фильмов о Пушкине и его семье. «За вклад в российскую культуру» Указом Президента РФ она награждена «Медалью Пушкина». Не только прозу, но и прекрасные стихи пишет Лариса. Очерки Ларисы часто передаёт радиостанция «Радиокнига». Я их слушаю, радуюсь и горжусь, что знаю автора.

С удовольствием читаю Тамару Александрову о Надежде Александровне Лохвицкой, взявшей псевдоним Тэффи. Она пишет о том времени в России, когда Тэффи стала известной поэтессой и переводчицей. Её творчество высоко ценил Аркадий Аверченко и печатал фельетоны и юморески Тэффи в своём издательстве «Сатирикон». Тэффи, творившая в самых разных литературных жанрах, нашла своих читателей не только в среде русских интеллигентов. Её произведения зачитывались и последний русский царь Николай II,

и вождь мирового пролетариата В.И. Ленин. Тэффи в дореволюционной России была столь популярна, что её имя носили духи и шоколадные конфеты. После революции она навсегда эмигрировала в Париж.

Большую, содержательную, полную исторических документов книгу «Тэффи: другой такой не найдёте» пишет Тамара Александрова и отрывки из неё печатает в альманахе «Посиделки на Дмитровке».

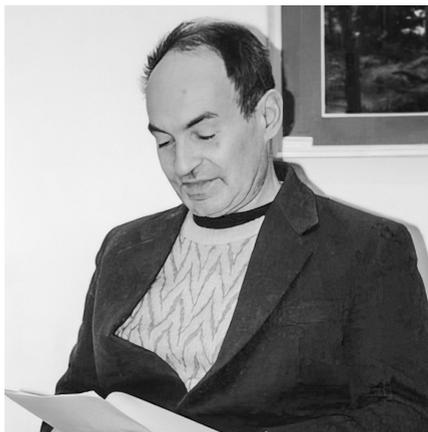
Многие наши коллеги по цеху пишут о своих семьях, родственниках, дедах, прадедах, которые вместе со страной проживали свою непростую жизнь в революции, Гражданской войне, попали под коллективизацию, были раскулачены. А иные сражались в Великой Отечественной войне, и послевоенные судьбы складывались не так, как хотелось бы. Вместе с героями произведений Владислава Ларина, Зои Криминской, Ирины Сапожниковой, Олега Ларина читатель вновь, ещё раз проходит по России от края и до края и видит: «Страна у нас большая, порядку только нет», — как около 200 лет назад сказал А.К. Толстой.

Мы собираемся раз в месяц, обсуждаем последние новости, зачитываем отрывки из новых работ. И всё это происходит за столом, полным яств, принесённых из дома. А под гитару застолье — и того лучше. Или под балалайку и задорные частушки в исполнении Аллы Зубовой!

Коллеги по перу — народ бывалый, своё дело знает, халтуру не пропустит. На первый взгляд может показаться, что старые знакомые собрались, поговорили и разошлись, ничего не сделав. Но это не так. Взрослые люди учатся не как дети. Вращаясь в обществе профессионалов, многое приобретаешь.

МИХАИЛ ФАЙНЕРМАН

Московский союз литераторов. Член МСЛ с середины 1990-х до конца жизни. Окончил Московский полиграфический институт, работал инженером, киномехаником, экскурсоводом в музее.

БОРИС КОЛЫМАГИН

Московский союз литераторов. Поэт, эссеист. Автор поэтических сборников «Прогулки» (2004), «Земля осени» (2012), «За поворотом» (2019), а также книг на культурологические и литературоведческие темы: «Искушение культурой» (2008), «Израиль — святая земля: страницы истории и современность» (2018), «Религиозная поэзия андеграунда 1960 — 1980 годов» (2020).

«...бог мой, Юпитер!..»

Михаил Файнерман (1946—2003), замечательный поэт, тонкий лирик и мыслитель, был членом Московского союза литераторов с середины 1990-х до конца жизни. А ещё раньше, до всякого членства, он входил в литературную группу «Список действующих лиц» (И. Ахметьев, Б. Колымагин, М. Новиков, А. Дмитриев, М. Андрианова), опубликовал благодаря Виктору Кротову единственную прижизненную книгу — «Зяблик перелетный» (М., 1995).

Его стихи, в сущности — мелодии созерцания на границе себя и мира. Тонкие наблюдения с туманными намеками и ссылками. Почти неуловимая грация чувств. Или длинные-длинные истории, превращающиеся то в сказку, то в учёный трактат.

В Кенигсберге, прибалтийском Калининграде, чудом сохранился с прусских времен памятник Шиллеру: сидит возле университета. Весь — грёзы. Вот также и Файнерман — грезит буквально наяву. Однажды в походе (мы с ним и Мариной Андриановой отправились на байдарках в устье Сози), перепутав берега, погрёб в противоположную сторону. И если бы не беспокойство спутницы, ушёл бы далеко.

У него тысячи планов, и почти ни одному из них не суждено сбыться. Он болен и одинок: весенне-осенние депрессии, расстроенный сон...

Кажется, даже кожей он чувствует разлитое вокруг зло. И пытается бороться с ним. Вечно кого-то успокаивает, о ком-то печётся: достаёт деньги, ведёт психотерапевтические беседы... Не знаю уж, как там насчёт реальной пользы всего этого дела: говорю об интенциях. И о сверхзадаче — в жизни и творчестве: делать отношения между людьми более терпимыми, тёплыми.

Это видно даже на уровне фразы. Не «я утверждаю», а «хотелось бы сказать». Вот Файнерман и хотел сказать:

сфера чувств — материя тонкая, и культура в самом широком смысле влияет в лучшую сторону на человеческую природу. Таково назначение культуры.

Когда я познакомился с Файнерманом, он работал кинемехаником в медицинском училище и мне помог найти похожее место. При прежнем режиме, советском, все граждане были обязаны трудиться на благо родины. Иначе они рисковали оказаться в местах не столь отдалённых. Но и без всяких угроз какая-то работёнка всё равно была нужна — так, чтобы ходить день через два, получая минимум. А остальное время — творческий процесс. Писание и общение с господами дворниками и сторожами — творческой интеллигенцией.

Жизнь при всем этом естественно была довольно скудной. Много на 80 р. не разбежишься. У Файнермана на завтрак сладкий чай и булка. К вечеру картошки отварит, рыбу. Косточки иногда собакам купит. Их у него две — Зорька и Трезор.

Миша, когда мы познакомились, жил гражданским браком с Мариной Андриановой. Легкие на подъём, мобильные, они запросто могли приехать в самый медвежий угол. Помню, уезжая работать на турбазу «Орлинка» инструктором, позвал их в гости. И они через неделю появились на Селигере, поставили палатку прямо у воды, и мы как ни в чём не бывало, словно в Москве, продолжили наши споры.

Брак с Мариной длился недолго, и он мало что изменил в холостяцком быту Файнермана. Он жил один в однокомнатной квартире в панельной башне на 12-м этаже. Всюду пыль, магнитофонные плёнки, рукописи, инструменты. Напротив продавленного дивана — телевизор. Но главную ценность квартиры составляли книги.

Их было совсем немного, а ценных — и того меньше. Но они являлись, и это каким-то образом передавалось гостям, предметом экзистенциальных переживаний. Он говорил об авторах далёких эпох как о современниках. Он беседо-

вал, спорил с ними. Иногда даже казалось, что те становились участниками оживлённых кухонных дискуссий.

Файнерман хорошо знал англо-американскую поэзию и философию, соизмеряя свой мир с западноевропейским интеллектуальным ландшафтом. Ходил несколько раз в неделю в библиотеку Иностранной литературы — и сидел там часами. Конечно, советская библиотека, даже иностранная — отнюдь не библиотека Конгресса США: очереди, ожидания. Многих книг просто нет, многие в спецхране. Но всё же на языках было доступно немало крамольных с точки зрения советской цензуры изданий.

Многие тексты Файнермана родились от соприкосновения с англоязычным верлибром. Именно родились. Об этом хорошо написал Всеволод Некрасов: «Разгорячённый стих Файнермана — речевой поток, во всяком случае — пробился-таки, похоже, сквозь качество переводности (не знаю, как сказать иначе), он кажется первичным, достаточно непосредственным по речи».

Когда читаешь тексты Файнермана, в уме возникают полузабытые современной культурой слова, такие как искренность, дружба, нежность. Он словно рассказывает сказку о себе самом и о мире, где тишина и покой:

Ручей в лесу
и словно по камням
прыгает лесная лягушка

О том мире, где есть место созерцанию и размышлению:
Воробей за окном
и весенняя
грусть о прошедшем,
о том,
что, наверное, было в начале.

Где, наконец, хорошо прогуляться, беседа с приятелем, идя полем к деревне.

Поэт рассказывал быль, похожую на занимательную историю, и небылицу, смахивающую на правду.

Предметом файнермановского анализа являются не события, не поступки, а то, что лежит в основе их, — желания, на которых, по мнению автора, и держится всё остальное. Одно из главных его желаний — вернуться в детство:

Верните мне папу и маму молодыми —
больше ничего не хочу!

Поэт многими нитями связан с русской классикой, особенно с Чеховым и Толстым: нет-нет, да и зазвучит в его стихах тонкий чеховский юмор; влияние Толстого прослеживается скорее на уровне нравственных ориентиров.

Любопытно, что, несмотря на своё безусловное «да» культуре, Файнерман не пытался насытить стих именно культурными реминисценциями. В культуре — в качестве материала для стиха — Файнерман брал немного, то, что его действительно интересовало (японские формы, философские идеи Рассела и Гуссерля, некоторые интонации Ломоносова и Лермонтова). И всячески уходил от литературных споров. А если иногда ругался, то мягко:

Концептуализм, конечно,
оказался в центре нашей культуры.
В общем,
Россия, Москва, Казанский вокзал.

Гораздо больше, чем споры, Файнермана интересовала область трансцендентального. Неслучайно звезды и планеты стали действующими лицами его поэзии. «Михаил приветствует Юпитера», «В два часа ночи в созвездии Андромеды». Эти и подобные строки мы можем найти в его текстах.

Файнерман не любил стихи-кроссворды. Но это не значит, что его тексты легки для восприятия. Нет, они достаточно замкнуты, герметичны. Прорваться через длинную цепь ассоциаций часто оказывается невозможным. Иногда это не вредит стихам — авторская ассоциация легко или трудно, неважно, замещается ассоциациями читателя, если форма, ритм, образность позволяют это. Но уникальность, то есть доведённая до крайности индивидуальность системы отсчёта, используемой автором, иногда играла с ним недобрую шутку, когда понятные ему формальные ходы, знаки ассоциативных связей оказывались невидимы читателю, не вызывали у него не только других, но вообще никаких ассоциаций. Однако такие перехлёсты стиля были, видимо, неизбежны в той поэтике, в которой работал Файнерман, и без них не могло бы появиться лучших его, наиболее значимых — для читателя — произведений.

На широком удобном столе Файнермана царил относительный порядок. Лампа, радиоприемник ВЭФ, несколько книг, раскрытая тетрадь. Рядом с ней целая стопка тетрадей: для стихов, для лекций по философии и биологии, которые он иногда посещал, для дневниковых записей, рабочий блокнот с разными выписками из технической литературы. Иногда Михаил перепечатывал на машинке содержимое поэтических тетрадей на листочках в половину формата А4. Так складывались самиздатские сборники в количестве пять экземпляров каждый (столько брала машинка), которые он раздаривал друзьям.

Стихи кочевали из сборника в сборник. И из старой тетради в новую. Естественно, с доработками, улучшениями/ухудшениями, с дополнительными комментариями. Складывалось впечатление, что он всю жизнь писал свое «Избранное». «Избранное» из избранного, стремясь к некоему заветному идеалу Книги.

Файнерман жил в условном пространстве, далеко от реалий советского дня. Да и от мейнстрима андеграунда, пожалуй, тоже. Хотя нельзя сказать, что его квартира представляла собой келью отшельника: здесь постоянно толкался какой-то народ — художники, поэты, психологи...

После смерти сына у меня уже не было душевных сил общаться с Файнерманом. Стихи ушли, прежние ценности утратили свой блеск и аромат. Миша это понимал и звонил крайне редко. Круг его общения резко сузился. Осталось проклятое *in vino veritas*.

Однажды в Завидове на даче мы с женой выпили на глазах у Файнермана бутылку коньяка. Он только сделал большие глаза: «Вы же умрете от такой дозы».

О жизни: если, говорит, буду сильно страдать и в этом страдании останется выбор: умереть сразу или прожить ещё одну минуту, — проживу.

Он и жил. И стихи, редкие в последние годы, утешали его, как Юпитер, которого он радостно приветствовал: «Юпитер зеленоватый /на фоне розового неба и тёмных веток — /бог мой, Юпитер!..».

ТАТЬЯНА ШИПОШИНА

Московский союз литераторов. Член МГО СПР. Председатель литературного объединения «Детские авторы России» (ТО ДАР). Автор более пятидесяти книг для взрослых, детей и подростков. Многие книги переизданы. Лауреат и дипломант литературных конкурсов: «Новая детская книга» РОСМЭН, 2012; «Новая сказка» «Аквилегия-М», 2015; «Золотое перо Руси», 2016; «Добрая Лира» (Санкт-Петербург), 2016 (победитель); Корнейчуковская премия, Особый приз конкурса «Однажды в Москве» (Издана книга «Подземный Голландец»). Лауреат Международного литературного конкурса им. С. Михалкова, 2014, 2016, 2020 (По результатам конкурса в издательстве «Детская Литература» изданы книги: «Ангелы не бросают своих» и «Тайна горы». Третья книга готовится); Лауреат Премии «Просвещение через книгу» Московской Патриархии и многих других литературных премий и конкурсов. Обладатель знака «Золотое перо Руси», 2016, знаков «Орден В. В. Маяковского», 2014, «Наставник молодёжи», 2019.

ЮЛИЯ МЯЛЬКИНА

Главный редактор портала ПРАВЧТЕНИЕ (портала о православной литературе).

Интервью с Татьяной Шипошиной

Я всегда подписывалась «врач», а через запятую — «писатель».

Долгие годы Татьяна Владимировна Шипошина успешно совмещала профессию детского врача с литературной деятельностью. И только недавно наконец научилась подписываться словом «писатель». О том, как болезнь помогла определиться, кем ей быть, можно ли излечиться с помощью чтения той или иной книги, а также о том, что стоит читать современным детям, она рассказала в интервью «Правчтению».

— **Как вы думаете, накладывает ли приставка «православный» какую-то ответственность на писателя?**

— Мне, в общем-то, эта приставка сама по себе не нравится, потому что мне очень хотелось бы, чтобы кто-то сказал, что вот эта женщина — писатель, без всяких приставок. Почему? Я объясню. Можно ли назвать православным писателем, скажем, Достоевского, Чехова или Булгакова? Мы уважаем их как писателей, а писатель — он сам по себе и есть тот человек, который преподносит мир через себя, пытается донести своё видение мира до любого читателя. И если он делает это талантливо, то тогда он и называется — писатель; иначе — компилятор или графоман чистой воды.

Конечно, называться писателем — большая ответственность.

Я очень долго не могла называть себя писателем. Поскольку я по специальности врач, то я всегда подписывалась «врач», а через запятую — «писатель». И вот сейчас только, когда я уже полтора года не работаю врачом, после того как я два раза подряд стала лауреатом конкурса имени Михалкова, я наконец-то пишу «писатель». Не прошло и пятнадцати лет.

— **Как вы стали писательницей?**

— Я просто с раннего детства писала стихи, сказки какие-то сочиняла. Но в моей жизни случилась очень интересная история.

Я обучалась в художественной школе, готовилась к поступлению в художественное училище и даже на международном детском конкурсе победила. Я до сих пор помню эту работу: старинная крепость, а внизу на лавочке две девочки, — картина называлась «Снова весна». Но внезапно я очень тяжело заболела. Меня Господь вёл через болезнь, и к вере вёл через болезнь, и к призванию вёл через болезнь. Болела очень тяжело, чуть не умерла в 14 лет, и далее это всё тянулось года полтора. После того как я выздоровела в первый раз, для меня уже не стояло вопроса, кем быть. К сожалению или к счастью, я знала, что я буду врачом, и именно детским.

Моя болезнь повторилась через десять лет, в ещё более тяжёлом варианте. Я снова чуть не умерла и ещё год была, как говорят, «прикована к постели». Институт едва закончила, ходила на костылях. Но снова встала на ноги и начала работать. Врачебный стаж — почти сорок лет.

Рисование я себе запретила, чтоб не отвлекаться от медицины. А стихи — ну невозможно, когда они приходят, не записать их. Долгое время я их никому не показывала, мне казалось, что это что-то такое, ненужное.

Я всегда любила литературу, много читала. Когда болела, в 14 лет прочитала полное собрание сочинений Чехова. «Отблеск луны на бутылочном горлышке» ещё тогда разбудил у меня желание писать как можно короче, чтоб точнее передать образ.

Может, в дальнейшем этому способствовала и профессия. Медицина не терпит «воды», и формирует определённые черты характера.

— Скажите, пожалуйста, есть ли в книгах, по вашему мнению, терапевтический эффект?

— Несомненно.

— **Можно ли посоветовать от конкретной болезни читать какую-то конкретную книгу?**

— Ну, это уже слишком. Конечно, нет следствия без причины. Последнее время я очень плотно занималась психосоматикой. Есть, предположим, у человека гастрит — вызванный бактерией хеликобактер пилори. Мы проводим полный курс лечения. Но это как бы первая ступень, чисто материальная. Дальше мы думаем: почему же эта хеликобактер пилори села на этого бедного, несчастного человека? Может, потому, что у него ослаб иммунитет, он перестал бороться? Дальше задаём вопрос: почему у него ослаб иммунитет? И дальше в конце концов мы приходим к первопричине: к тщеславию, к гордыне, к жадности, к зависти. Ведя цепочку причинно-следственных связей, мы придём к вере и покаянию.

Конечно, когда врач сидит с больным на приёме, он не доведёт цепочку до покаяния, он просто будет больному назначать то, что ему положено по схеме, особенно бедный врач наших времён, который работает, как автомат. На приёме десять минут на человека — какие уж тут причинно-следственные связи, успеть бы выписать как-то бесплатный рецепт, который больному положен, или отправить больного к узкому специалисту.

Ну а по-хорошему — есть такие случаи: человек приносит покаяние, молится в полную меру своих сил, и с него спадает болезнь, даже онкология. Редко, но бывает. Но эти вещи обязательно индивидуальны.

Например, человек со всей смелостью должен признать, что он, десять лет завидует своему соседу Васе; и призвать Господа на помощь! А ведь зависть — это часть его жизни! Часть его самого! Она сидит в биохимии его клеток! Распознать грех трудно. И даже страшно. Признать — ещё труднее и страшнее. Ты даже не понимаешь иногда, что, «про-

сто» молясь Богу, ты осмеливаешься просить изменить всю биохимию и биофизику своего собственного существования!

Вот в момент такой молитвы может произойти то, что гастрит вдруг пройдёт на пятидесятом году жизни.

Но это не йога и не магия, это не значит, что я пошёл, сказал «извините, простите», поставил свечку, и у меня всё прошло. Ты можешь десять лет ставить свечки, и у тебя не пройдёт. Исцеление мы получаем по благодати, Бог видит именно твою душу, именно стечение твоих обстоятельств, твоё покаяние, твою молитву, промыслительно. Мне, конечно, когда я выходила на такие позиции внутренние, было тяжело на приёме. Мне очень хотелось говорить, но, как правило, говорить я не могла. Я хотела кричать, а мне приходилось молчать. И тогда отец Даниил Сысоев мне посоветовал читать хотя бы одну Иисусову молитву на каждого больного. Вот это его наставление помогало держать себя.

Вот у меня есть повесть, которая вышла в Издательстве Московской Патриархии под названием «Как мне хочется прозреть». Она об исцелении слепого. Конечно, может быть, это было с моей стороны дерзновенно, что я в книге взялась за то, что слепой прозрел. Но я вела его таким путём: он должен был осознать, что, как ни привык он к своей жизни и к своей слепоте, он всё равно не принимал себя, он всё равно отвергал себя. То есть ему нужно было принять волю Божию о нём самом, как о слепом. Признать волю Божию о себе сложно не только слепому, это очень сложно вообще любому человеку. Ведь мы всегда чем-то недовольны: почему я не блондинка? Или почему у моей подружки десять женихов, а я бедная-несчастливая, мне скоро сорок лет, а я ещё не замужем и у меня нет детей? Почему я не доктор наук, а только кандидат? И так далее.

То есть вот это наше неприятие себя — это и есть неприятие воли Божией, которое превращается в нашу житей-

скую обыденность. И вот этого парня в повести я пыталась привести к возможности исцеления. В конце книги он действительно прозрел. Там есть такая интересная коллизия: он проходит мимо нищих в храм, а среди нищих есть одноногий, который спрашивает: «Разве у Бога есть нога для меня?» Парень отвечает: «У Бога есть для тебя нога». И тогда одноногий говорит: «Я не дотяну до ноги, а ты иди, я понял, что ты дотянешь до глаз, потому что ты не боишься сесть рядом со мной, поговорить со мной, как с равным». Причём интересно, что когда ты пишешь произведение, иногда получается, что герои сами разговаривают, а я вслед за ними только записываю.

— Может быть, тогда мы в завершение поговорим о детском чтении. Что бы вы посоветовали из современной литературы родителям читать детям?

— Да, надо, конечно, приучать к чтению, надо говорить, что есть хорошие книги, покупать их, брать их в библиотеке. Но сильно заставлять нельзя. Как нельзя человека насильно тянуть к хорошему, нельзя человека насильно тянуть в веру, нельзя человека насильно тянуть к образованию, нельзя человека даже в нравственность насильно тянуть, ему нужно объяснять, надо воспитывать, приучать, но тянуть насильно — это, извините меня, «ваххабизм».

А замечательных авторов очень много: Михаил Яснов, Сергей Махотин. Сейчас Анастасия Орлова получила премию президента, у неё замечательные стихи для малышей, рекомендую. Среди прозаиков — Майя Лазаренская, Лада Кузина, Эльвира Смелик, Нина Дашевская, Дарья Доцук, всех не перечислишь.

— То есть в современной литературе что-то происходит, жизнь кипит?

— Да, но очень трудно, как везде, отличить зерна от плевел. Если раньше было издательство «Детская литера-

тура», «Детгиз», «Советская литература», «Молодая гвардия» и там сидели высочайшие профессионалы, поэтому плохие книги не проходили. Может быть, проходили какие-то идейные, ну зашоренные какие-то книги, но вот плохих, графоманских — не пропускали. А сейчас очень легко издать книгу за свои деньги; издал, и ты уже писатель. И в Союз писателей вступить легко: заплатил взносы, показал книгу, заручился двумя характеристиками — готово!

А у меня, кстати, интересно получилось с Союзом писателей. Я долго туда не вступала. А потом они объявили конкурс на лучшую книгу, и я свою книгу послала на этот конкурс. Я так поняла, что любой человек может участвовать. Моя книга попала в число лауреатов. Когда я получала диплом, выяснилось, что конкурс был «для членов», а я — не член. Мне сказали: «Вам нельзя на попятную идти. Давайте, вступайте». Ну, я и вступила. Вот таким необычным образом получилось.

— Вы являетесь председателем, главным литературным редактором Творческого Объединения детских авторов России (ТО ДАР) и сайта «Дети и книги». Что вы можете рассказать об этом?

— Наше объединение, на мой взгляд, является неким промежуточным звеном между «мэтрами» детской литературы и многими начинающими авторами. «Мэтры» являются нашими почётными членами. Сейчас в объединении чуть более ста авторов.

Это общественное объединение, никто из работающих там никакой зарплаты не получает. Поступить к нам не очень просто. Мы принимаем автора только после того, как его работы оценит редколлегия. И мы очень радуемся, когда молодые авторы «перерастают» и переходят в разряд признанных, «настоящих». Могут привести много достойных имён. На сайте мы стараемся осветить все наши новости: новые книги наших

авторов, встречи с читателями и наши конкурсы. А также идёт обсуждение выставленных авторами произведений.

Мы проводим конкурсы: свои, внутрисайтовые, и издательские. Все издательские конкурсы заканчиваются изданием книг-победителей. Кроме того, мы тесно сотрудничаем с некоторыми журналами-партнёрами, такими, как «Современный детский сад», православный детский журнал «Шишкин лес» (Москва), «Радуга» (Коми), «Колокольчик» (Челябинск), газета «Воскресение» (Белоруссия), американский русскоязычный журнал «Кот в мешке», французский журнал-альманах «Сверчок», и др. В каждом из журналов ежемесячно печатается страничка авторов ТО ДАР.

Мы не пошли путём издания книг за деньги, как многие объединения. Честно говоря, реклама издания книг за деньги автора всегда вызывает у меня грусть. Мы в объединении ищем издательства, которые готовы сотрудничать с нами. Кроме издательства Белорусского Экзархата, мы выпустили несколько книг с издательством «Феникс» (Ростов-на-Дону), «Аркти» (Москва), «Три сестры» (Москва), ОО ТЦ «Сфера» и ещё с некоторыми. Но, конечно, издательств немного, и книг хотелось бы побольше, но мы благодарны Богу за всё, что есть.

Чего и хотелось бы пожелать не только для объединения, но и для жизни.

ДИАННА ЭНТИНА

Московский союз литераторов. Вступила в Московский союз в возрасте 50 лет, в 1979 году. В составе секции детской и юношеской литературы принимала активное участие во всех мероприятиях: конкурсах, выставках, собраниях, литературных сборниках. Несколько лет занимала должность секретаря председателя союза.

Библиография Дианны Николаевны обширна: от сценария к мультфильмам, сказок и рассказов до научных статей и монографий. Опубликовано более двадцати произведений для детей и юношества, в том числе «Приключения Маменго — маленького деревянного человечка», «Как поймать удава», «Особенный», трилогия «Повесть о девочке, которую Александра Герасимовна назвала «Девочкой-Песней», «Возвращение в Москву», «Тинатин в стране высоких гор», «Снегурочка и Снегурок», «Тайна двух серых котов и чёрной мыши», «Принцесса Маша в стране Сан Скюл», «Любовь в наследство».

Ушла из жизни 17 февраля 2021 года.

ИРИНА МАНИНА

Московский союз литераторов. Филолог, психолог, преподаватель литературы, Главный редактор семейного журнала «Йорки» с 2003 по 2011 год, с 2012 перевела журнал в электронный формат и активно его популяризирует. С 2016 по 2021 гг. исполняет обязанности председателя секции детской и юношеской литературы.

Отмечена Благодарностями и Почётными грамотами за активную деятельность в области литературы и работы с молодёжью.

Тинатин. Девочка-песня

Памяти моего дорогого друга и наставника посвящается.

Дианна Николаевна Энтина ушла из жизни 17 февраля 2021 года в возрасте 91 года. Погасла моя путеводная звезда. Стало меньше любви, тепла, света и музыки.

Удивительная женщина с уникальным именем Дианна была членом Московского Союза Литераторов много лет. Небольшого росточка, красивая, смелая, с сильным характером, была одновременно добрейшим человеком с высоким чувством ответственности за всю планету. Нас случайно свела судьба. Случайно ли?

Существует легенда о трёх богинях-мойрах, которые вершат под музыку небесных сфер настоящее, прошлое и будущее, плетут нити судьбы, и, когда те переплетаются, люди на земле встречаются не на миг и неслучайно, краткое знакомство перерастает в дружбу и любовь на долгие годы. Клото — мойра настоящего. Она прядёт нить судьбы, на которую нанизываются события настоящего времени в жизни человека. Наша встреча не была случайной, сейчас я в это верю.

Мы познакомились, когда я была главным редактором семейного журнала, совмещала редакторскую и журналистскую деятельность, писала статьи, интервьюировала публичных людей: артистов, спортсменов, писателей, государственных деятелей. Дианна Николаевна Энтина в те годы уже была известной детской писательницей и страстной любительницей животных. Я познакомилась с её произведениями и, заинтересовавшись автором, предложила встретиться. Писательница согласилась побеседовать. Интервью было опубликовано в очередном номере журнала, и я с удовольствием вручила Дианне пахнувший типографской краской экземпляр. Так началась наша дружба.

Дружить Дианна умела. Старалась вдохновлять, поддерживать, учить. Она окружала заботой всех, кто находился рядом, к каждому находила подход, могла дать совет, если попросят, в каждом отмечала хорошие качества. Этому в детстве её научила мама. Она рассказывала маленькой Тине, что в каждом человеке «живут» два волка, один из которых добрый, а второй — злой. Волки постоянно воюют друг с другом, но побеждает тот, кого человек «кормит» своими делами и мыслями. Тина вспоминала, как она от ужаса зажмуривалась и крепко сжимала мамину руку. Она запомнила слова мамы и старалась помогать только доброму волку всю свою жизнь — добрыми делами и мыслями. Даже собаки, живущие в доме, были всегда добрые и ласковые.

Дианна Николаевна вспоминала свою учительницу, которая семилетней девочке за «аполитичность» вместо роли внучки в спектакле «Репка» дала роль Жучки потому, что первоклассница Тина на вопрос учительницы «Кто всех ближе и дороже, родней и любимей?» вместо ожидаемого ответа «Сталин» громко крикнула: «Мама!»

Шёл 1938 год. Маме пришлось долго объясняться у директора школы, почему её дочь не предана Великому Вождю и Учителю. А потом мама нашла мохнатую шубу для костюма Жучки, и Тина прекрасно сыграла свою роль. «Вот и чудесно, — сказала мама, — спасибо учительнице за такую «верную» возможность!»

В день, когда началась война, Дианна Николаевна — Тина — была в пионерском лагере и часто вспоминала, как они с девочками пели, чтобы не плакать: «Киев бомбили, нам объявили, что началась война». А потом все вместе они приходили к раненым в госпиталь и пели им песню: «На позицию девушка провожала бойца». Тина очень любила петь, за что получила второе имя «Девочка-Песня».

Потом была эвакуация на Урал, новые знакомства, друзья и первая влюблённость. После окончания войны вернулись в Москву, и Тина поступила в новую школу, где литературу преподавала учительница, оказавшая значительное влияние на будущую писательницу и её отношение к литературному труду: каждое слово должно быть выверено, и ни единой ошибочки в тексте!

Уже в зрелом возрасте, когда в моду вошли электронные письма и электронные «рукописи», Дианна Николаевна повторяла напутствие своей любимой учительницы литературы «Ни единой ошибочки!» И когда мне доводилось набирать на компьютере рукописный текст произведений Дианны Николаевны, было приятно сознавать, с каким внимательным и ответственным человеком я работала: понятый округлый

почерк, ровные строчки и НИ ОДНОЙ ошибочки. Такие же аккуратные, завершённые, без лишних фраз были её сказки и автобиографические рассказы, адресованные детям.

За свою долгую жизнь Дианне Николаевне вместе с мужем пришлось побывать в разных странах и на континентах, встречаться с множеством людей, воспитать двух сыновей и семерых внуков. Где бы она ни была — везде оставляла о себе добрую память и книги. Работая логопедом в южных республиках Советского Союза, по месту работы супруга, Дианна описывала с добрым юмором забавные случаи из собственной практики. Невозможно без улыбки читать сборник рассказов «Андрюшины разговоры», где мальчик не выговаривал буквы и что из этого получалось.

Находясь несколько лет в Африке, в командировке с мужем, Дианна делала этнографические заметки, которые затем трансформировала в увлекательные сказки, истории и мультфильмы для детей. В них автор настолько ярко и детально описывала традиции, нравы, культуру и природу этой удивительной части света, что читатель любого возраста мог с лёгкостью представить себя ТАМ, в «жуткой, жаркой Африке».

Каждый год Дианна Николаевна публиковала по одной книге сборников сказок и рассказов. Для неё стало традицией к своему дню рождения 17 августа завершать рукопись новой книги и в конце года получать готовый тираж. В 2020 году вышла последняя публикация книги сказок «Приключения Маменго — маленького деревянного человечка», в которой описывается удивительная история, происходившая в одной из Африканских республик.

В финале истории автор приводит африканскую поговорку, которая очень перекликается с историей о двух волках, рассказанной давным-давно маленькой девочке Тине её мамой.

«Сотворивший добро становится Человеком.

Творящий зло — уподобится деревяшке!».

«Танец понятен любому африканцу, ведь с колыбели любой из людей Африки может выразить в танце все самые сложные человеческие чувства. Маменго рассказал о себе, о мастере Лоуи, о коварстве Матум-Пом-Пом-Поло. Он показал маленьких друзей Лоуи: юркую вежливую ящерицу Агаву, мудрую мангусту Кустэ. Не забыл ни Мышекота с четырьмя мышкотятами, ни выдру Нюни, ни мартышку Гри-Гри.

Всё то, о чём в танце рассказывал Маменго, отражалось на лицах зрителей. Они кивали головами, вытирали слёзы, улыбались и готовы были присоединиться к танцующему человечку. Но этого было мало Маменго. Он решился на последний шаг...

Маменго подбежал к ярко пылающему костру и ... бросился в огонь...

Огромный столб пламени рванулся ввысь. Эбеновое дерево горело, рассыпаясь на искры. Но вот огонь стал уменьшаться, затухать и совсем погас. Перед мастером Лоуи стоял прекрасный юноша. Его руки были чёрными и блестящими, как отполированное эбеновое дерево...

А на постаменте, с которого недавно неслись хвастливые слова, стояла деревянная фигура с кустистыми деревянными волосами и окладистой чёрной бородой».

НАТАЛЬЯ ЮЛИНА

Московский союз литераторов. Родилась в Москве 8 февраля 1941 года, с тех пор здесь же проживает. Образование высшее, до пенсии преподавала высшую математику в вузе. Выйдя на пенсию, стала публиковать литературные произведения. Первая книга стихов «Закатный бес» вышла в 2002 году. В 2003 году вступила в члены МСЛ и регулярно публиковала свои произведения в разных издательствах. Наталья Алексеевна пишет стихи, прозу, пьесы, сказки для детей и взрослых.

НАТАЛЬЯ ЛЕОНТЬЕВА

Московский союз литераторов. Член секции детской и юношеской литературы. Детская писательница, поэтесса, сценарист. Победитель и Лауреат литературных конкурсов, автор книг для детей и юношества. Участник творческих проектов для молодёжи Москвы и Московской области. Наталья Васильевна — ба-

бушка пяти внуков, которые вдохновляют её на активную творческую деятельность тринадцать лет.

Вершины Натальи Юлиной

В жизни всегда кто-то кому-то нравится больше, кто-то — меньше. Только это не означает, что кто-то плохой, а кто-то хороший. Нет. Просто вибрации его голоса достигают твоей барабанной перепонки, и ты начинаешь слышать. Причём слышать так, что хочется анализировать, вникать и принимать. Всё услышанное вначале складывается в уме, затем возводится в квадрат. Как в математике. В первую очередь — всё, что в скобках. Дальше — по правилам. Главное — выполнить действия в скобках. Забудешь о них, результат окажется неверным.

Думаю, никого не удивит моё вступление, когда узнают, что литература и математика тесно переплетены между собой. В этом можно убедиться, когда познакомишься с произведениями Омара Хайяма, Михаила Ломоносова, Софьи Ковалевской, Льюиса Кэрролла, Даниила Хармса, Романа Михайлова ...

В наше время есть писатели-математики или математики-писатели. Неважно. Суть в том, что от перемены мест результат не меняется.

Поэтому давайте познакомимся с творчеством **НАТАЛЬИ ЮЛИНОЙ**.

Первый сборник этого автора, который попал мне в руки, называется «МОСКОВСКИЙ БЕСТИАРИЙ». Название сразу же привлекло внимание. Не открывая оглавления, стало понятно, что это рассказы о животных с аллегорическими нравоучительными темами (так представлено в словаре слово «бестиарий»). Необычно описана любовь паучка и буквицы в рассказе «О любви паучка и буквицы». Кому, как не математику, придёт в голову взять одного героя из трёхмерного пространства, а другого — из двухмерного. Не очень понятно? Тогда привожу маленький отрывок из этого рассказа.

«Жили-были буквица, как паучок, и паучок, как буквица. Любили они друг друга».

Знающий человек хмыкнет: как это — буквица двумерная, а паучок трёхмерный. Паучку тоже это в голову приходило, но некогда было теорией заниматься».

Необычное начало захватывает, интригует, заставляет работать воображение. Все буквы и слова из двумерного пространства перекочёвывают в трёхмерное, и наоборот.

Текст книги всегда в двумерном пространстве, но герои и названия такие необычные, что легко перемещаются и в трёхмерное, и четырёхмерное пространство. У этого писателя даже есть цикл рассказов «Наше пятое измерение». Что это? Возможно, разные качества характера или физические свойства, которыми награждает природа.

Читая рассказ «Кот Маркиз и ветка», очень чётко представляешь «кота королевских кровей», его размеренную и вальяжную жизнь. Поэтому особенно переживаешь за него, когда он оказывается в других условиях, как в другом измерении.

Во всех рассказах все животные, насекомые, растения живут, чувствуют, рассуждают. Когда математик, философ и психолог собираются в одном человеке, в данном случае, в Наталье Юлиной, то ждите чего-то необычного.

Разве кто-то другой смог бы муху возвести в степень и заставить думать и рассуждать? Так появился рассказ «Мухи тоже плачут».

Нестандартный юмор и философский взгляд на жизнь живут во всех рассказах, повестях, стихах. Даже описывая свои эпизоды из детства, юности, она не расстаётся с оригинальным взглядом на любые события в жизни.

Наша жизнь как определённый интеграл. Кто-то свыше определяет нижний и верхний пределы. В этих пределах есть взлёты и падения, день и ночь, радость и грусть.

Когда Наталья родилась, она и её родители не могли представить, что через четыре месяца начнётся война. Только детство всегда остаётся детством, которое никуда не уходит. Всегда хочется поделиться воспоминаниями о том времени, которое потом станет историей и книгой с названием «Возьмём любое ϵ », куда вошли рассказы о детстве и о юности.

После окончания школы надо было куда-то поступать. МГУ на Воробьёвых горах казался ей Храмом Науки. Мехмат был окончательным выбором.

После окончания университета три года работы по распределению привели к тому, что однажды, при всей любви к математике, появилось желание что-то изменить и начать покорять новые вершины. Стоял вопрос, как в любой задаче. Ответ был получен — альпинизм.

«Первая попытка вырваться — альпинизм». Так называется одна из глав повести «Неподвижный бег. Жизнь в обсерватории».

Маленький отрывок из книги: *«Не знаю, кому как, для меня кульминация — не момент на вершине, а сам подъём в связке, ощущение правды того, что ты делаешь на высоте четырёх тысяч метров...».*

Результат — третий разряд по альпинизму и новая работа в обсерватории в Казахстане.

Чем бы Наталья Юлина ни занималась, она всегда на высоте не ниже четырёх тысяч метров. Преподавать много лет в МИФИ математику — это одна из покорённых вершин. Новую вершину она решила покорять с 2001 года. Ушла с преподавательской работы и стала членом Московского союза литераторов.

Но это не означает, что она только пишет. Большой опыт преподавательской работы позволяет ей легко общаться со школьниками на разнообразные темы.

Поскольку она понимала проблемы современных детей, ей однажды захотелось написать книгу для них, чтобы они отвлекались от бесконечного сидения с планшетами и телефонами, чтобы компьютерные игры не стали главной вершиной в их жизни.

Такая книга была написана и издана в 2017 году с названием «Козни компьютерного разума».

Когда хочется сказать о чём-то очень важном, Наталья пишет стихи. Читаешь её сборник стихов «Горсти чёрно-белых работяг» и понимаешь, что работяги — это наши буквы, которые складываются в слова, которые и определяют её философию жизни. Философия в том, что жизнь — это работа, а работа — это жизнь.

РАБОТА

Мне нужна работа, работа моему мозгу.

Пусть он работает лошадю,

Лошадю, впряжённой в телегу,

Телегу с названием жизнь.

Пусть он её не вывезет,

Только бы вёз и вёз.

После каждой покорённой вершины мы спускаемся вниз. Только спустившись с неё, мы можем наметить путь к другой.

Спуску с вершины Наталья Юлина даёт своё определение:

«...И спуск вниз с чувством, что настоящее осталось позади, что оно было, и значит, никогда не сможет исчезнуть».

От всей души хочется пожелать Наталье здоровья и творческих сил для покорения новых вершин.

ВЛАДИМИР БАРМАКОВ

Московский союз литераторов. Член Российского союза профессиональных литераторов.

Стрелец — по фамилии Бармаков

Да, так получилось, что родиться мне довелось под знаком Стрельца, а фамилию получил от родителей (Фамилия образовалась в качестве отчества от древнего персидского имени «Бармак», которое в переводе на русский язык означает «глава, предводитель»). Наши предки верили, что именование человека обладает поистине магической силой, которая подарит отпрыску все лучшие качества, что заложены в его имени. Поэтому имя «Бар-мак» должно было стать для юного наследника символом счастливой судьбы и знаком великого предназначения. Через фамильные прозвища по традиции выражалось семейное старшинство. Наиболее распространённым способом было присоединение к отцовскому именованию указателя родственных отношений. Таким образом, с помощью фамильного суффикса «ов», характерного для русской ономастики, образовалось семейное именование «Бармако-

вых». Фамильное имя «Бармаковых» встречается в архивных документах со второй половины XVI века. К примеру, в Собрании государственных грамот и договоров в 1566 г. упоминается московский приказный Богдан Бармаков).

Двор моего дома был рядом со школьным двором, и все мои друзья (дети войны) были записаны в первый класс, в том числе повезло и мне, хотя до семилетнего возраста мне не хватало полгода. Всего набралось 250 первоклассников, которых разделили на пять классов. Учёба в младших классах запомнилась траурным днём, когда ушёл из жизни Вождь всех народов, и табелем с отличными оценками об окончании первого класса.

В старших классах численность учащихся резко поубавилась, кто-то перешёл в другие школы или в ремесленные училища, кто-то устроился учеником на стройках и заводах, так что количество классов сократилось до трёх. Кроме повседневной учёбы, у меня появилось желание писать заметки и стихи в школьную стенгазету. Позже мои «стишки» заметили в редакции городской газеты, и мне предложили стать членом городского общества литераторов, где вместе с Мариной Есениной, внучкой знаменитого поэта, мы стали самыми молодыми членами общества.

Вскоре в городских газетах «Знамя коммунизма» и «Знамя Победы» появились мои первые печатные стихотворения, в основном на патриотическую тематику к большим государственным праздникам. Вторым моим увлечением стал велосипед, на котором удалось исколесить сотни километров по подмосковным дорогам с рюкзаком на спине, посетить музеи, старинные усадьбы и другие достопримечательные места. Ближе к выпуску в стране проходила реформа школьного образования, которая предусматривала введение дополнительного одиннадцатого класса. Нам добавили ещё один год обучения, который стал решающим и судьбоносным в моей жизни.

Учёба предусматривала производственную практику, которая проходила на одном из заводов машиностроения. Производственная практика одиннадцатого класса помогла мне получить рабочую профессию контролёра отдела технического контроля и оформиться во взглядах на дальнейшую жизнь. Я воспользовался возможностью изучения и практического использования измерительной аппаратуры, и мне удалось не только научиться ею пользоваться, но и сдать экзамен и получить настоящий рабочий разряд.

Отзвучал последний звонок, вручены аттестаты зрелости, выяснилось, что пройти всё обучение с первого до последнего класса среди мальчиков удалось только мне одному, настало время принятия главного жизненного решения — кем быть.

Решение пришло вместе с советом отца кадрового офицера бронетанковых войск — надо поступать в военное танковое училище, и вчерашний школьник превратился в курсанта танко-технического училища. Учёба в училище была интересной и насыщенной, но в то же время непростой, со всеми тяготами и правилами армейской жизни. Запаса знаний, который был получен в одиннадцатом классе, вполне хватило, чтобы отлично окончить курс военного училища.

Через три года на офицерском кителе засверкали первые лейтенантские погоны, и настало тревожное время ожидания решения кадровиков о решении дальнейшей службы. Вскоре выяснилось, что понадобился молодой офицер со знаниями машиностроительного производства и навыками технического контроля. Выбор пал на меня, и я благодарил судьбу за одиннадцатый класс и производственную практику, которая оказала влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

Шли годы, на погонах прибавлялись звёздочки, позади — заочное обучение в институте, затем в Военной бронетанковой академии, и уже не техник-лейтенант, а подпол-

ковник — инженер руководитель группы по контролю за разработками и испытанию образцов бронетанковой технике. Испытание техники связано с необходимостью проверки её работоспособности в различных климатических условиях, в горной и пустынной местностях, способности преодолевать болотистую местность и лесные массивы и ещё с десятком других требований, которые необходимо выполнить при проведении испытаний. Такая работа предусматривала необходимость объездить многие уголки нашей необъятной страны.

Удалось побывать в столицах всех союзных республик бывшего СССР, а также в районе пос. Оймякон — «полюса холода» северного полушария, где температура окружающего воздуха доходила до 62 градусов, покататься по барханам Каракумской пустыни, испытать технику на Кавказских и Крымских горных перевалах, в горах южного Урала, Забайкальских сопках, объездить Казахстанские степи, подняться на Эльбрус и главную вершину Армении — гору Арагац.

Полученные впечатления от поездок, культуры и быта различных районов народонаселения мне удавалось оформлять в виде небольших рассказов, которые печатались в заводской газете «Машиностроитель».

За бесконечными командировками, ночной работой над учебными заданиями академии, строевыми смотрами и стрельбами незаметно пролетели все двадцать восемь лет моей военной службы. И по диалектическим законам жанра настало время законного заслуженного пенсионного отдыха. Мой труд в рядах Советской армии был отмечен орденом «Знак Почёта» и несколькими медалями.

Чем заняться, как использовать появившееся свободное время, на что направить основные усилия? Вопрос достаточно непростой, так как переход с военного режима жизни на гражданский связан с целым рядом трудностей и сложностей как в моральном, бытовом, так и социальном отношении.

Период адаптации у меня прошёл быстро, без каких-либо эксцессов, наконец-то удалось систематизировать и привести в порядок собранные за многие годы коллекции почтовых марок, значков и спичечных этикеток и стать членом Московского клуба филуменистов — коллекционеров спичечной атрибутики. Как и раньше меня тянуло к путешествиям, к новым местам, к новым ощущениям непознанного и ещё не увиденного. Больших препятствий к осуществлению этого не было, и вскоре мне удалось побывать в Европе.

Путешествие проходило через Белоруссию, Румынию, Болгарию, Германию, Польшу, Бельгию, Францию и Нидерланды. Путешествие оказалось интересным и содержательным, но отсутствие в этих странах зелёных насаждений, простора и широты улиц и площадей, убогость архитектуры метрополитенов оставила у меня неблагоприятные впечатления.

По возвращении из европейского путешествия принял решение вступить в состав Московского союза литераторов, после чего у меня открылись большие возможности по публикации написанных произведений.

Вскоре мне удалось отправиться в новое путешествие и посмотреть страны Юго-Восточной Азии. Поездка прошла через Мьянму (бывшая Бирма), Камбоджу и Таиланд. Впечатления превзошли все ожидания, особенно самые тёплые воспоминания от Таиланда — страны вечного лета и солнца, тысячи улыбок, изобилия морепродуктов, овощей и фруктов и богатой культуры.

Своим чередом шла и творческая работа.

После вступления в Московский клуб филуменистов я взялся за изучение темы развития отечественного спичечно-этикеточного производства в царской России, СССР и современной России. В течение нескольких лет собирал материалы в архивах, библиотеках, музейных фондах, изучал

литературное наследие и материалы выставок, встречался с дизайнерами и художниками, авторами рисунков спичечных этикеток и по данной тематике собрал достаточно обширный материал. Он стал основой моих неоднократных выступлений в школах, библиотеках, музеях, средствах массовой информации (телевидение, радио), я стал участником ряда филуменистических выставок. Опубликовал более ста статей в журналах «Наука и жизнь», «Тара и упаковка», «Табачная лавка», «Губерния», «Московский филуменист», «Сфинкс», «Санкт. Петербургский филуменист», «Марс», «Филателия», «Авиакомпания России», «РОКК — Российское общество Красного Креста», «Коллекция», «Дизайн», «Литературный перекрёсток», «Кладезь» и др., а также в газетах «Независимая», «Турист клуб», «Слово», «Лавка коллекционера», «Факт», «Русский медальер» и др. Кроме газетно-журнальных публикаций, подготовил и издал несколько книг, в которые вошли фундаментальные материалы по развитию спичечно-этикеточного производства в нашей стране. К таким работам относятся «Каталог спичечных этикеток и буклетов Ленинграда 1941–1945 гг.», «Филумения — наука о спичках и спичечных этикетках», «Каталог — альбом спичечных этикеток царской России», «Филумения и история развития спичечно-этикеточного производства царской России», «Филумения и история развития спичечно-этикеточного производства в СССР», «Каталог-альбом экспортных спичечных этикеток России», «Каталог-альбом спичечных этикеток Великой Отечественной войны», «Энциклопедический словарь филумениста», «Цензура и художники спичечных этикеток», «История страны на спичечных этикетках», «История творчества оформления спичечной продукции» и др. Общий тираж выпущенных книг превысил шесть тысяч экземпляров.

За многолетнюю плодотворную творческую литературную и филуменистическую деятельность и большой вклад

в развитие отечественной культуры награждён Почётной Грамотой Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям, Почётными Знаками «Активный филуменист», «За заслуги в филуменистическом движении» и «За выдающиеся заслуги в развитие коллекционирования в Российской Федерации». Творческая деятельность продолжается, и читатели будут получать новые и новые произведения.

НАТАЛЬЯ ЛЕОНТЬЕВА

Немного о себе

Остров Сахалин, где я родилась в 1952 году и прожила первые полгода своей жизни, находится так далеко от Москвы, что начинаю вспоминать о нём, когда слушаю прогноз погоды. Моё техническое образование совсем не вяжется с детской литературой, хотя уже много лет оно не мешает мне заниматься литературным творчеством.

С 2004 года (в это время у меня появились внуки) я начала заниматься с детьми в библиотеках и детских садах. Темы согласовывались с воспитателями. Так появлялись новые рассказы, сказки, стихи и детские песенки.

Я знаю, у писателей есть свои портфолио. Но мне почему-то никогда не приходила мысль собирать свои рассказы и стихи в особую папку и отправлять их на конкурс. Для меня самая главная оценка — радость детей и их желание со мной встретиться.

Мне нравится, когда они просят написать продолжение к какой-нибудь истории или задают такие вопросы, из которых рождаются новые сказки. Дети растут, и я вместе с ними.

Однажды совершенно случайно я оказалась в здании МСЛ. Это было весной 2012 года. С тех пор вместе с детской секцией я с большой радостью продолжаю писать для детей.

В 2020 году мы создали сайт «Рифмы Детства» как литературный журнал для детей и о детях, техническим редактором которого является мой муж, Леонтьев Михаил. Там можно посмотреть две детские книжки, опубликованные ранее, а также публикации в сборниках и журналах.

Дети — главные мои вдохновители. Если в детской аудитории окажется один или два человека, которые слышат меня и понимают, то у меня всегда будет желание писать о детях и для детей!

АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ

Московский союз литераторов. Дизайнер, художник, член Творческого Союза Художников России, резидент Русского Литературного Центра. В 2018—2019 гг. публиковал рассказы в альманахах Русского Литературного Центра. В 2019 г. награждён орденом «ПОЛЬЗА, ЧЕСТЬ и СЛАВА» Московским Фондом Мира и медалью «МАСТЕР СВОЕГО ДЕЛА» им. М.А. Булгакова Русским Литературным Центром. В 2020 г. вместе с Мироновым С.А. и Оснадчук И.В. принимал активное участие в Минской книжной выставке-ярмарке, на которой передано в дар более 100 книг от Московского Союза Литераторов Национальной Библиотеке Белоруссии.

Алёша — Серёжа

Я и мой брат Сергей — братья-близнецы. Почему-то сразу всплывает в памяти советский слоган «Партия и Ленин — близнецы-братья» или народная идиома «Похожи, как два сапога — пара». Однако сапоги всё-таки бывают разные: левый и правый. Мы же с братом — два сапога, но или оба правых, или оба левых. Глупое сравнение, безусловно, но даже родная мать нас путала. Поэтому чтобы нас было проще различать, она стала завязывать одному из нас маленький бантик, но это не помогло. Вскоре выход нашёлся сам собой.

Как-то раз, собирая нас в детский сад, она стала называть нас скороговоркой «Алёша — Серёжа». На её зов наперегонки сбегались два сорванца в робкой надежде получить что-нибудь сладкое или незамысловатую игрушку. Впоследствии эта скороговорка из двух имён была привнесена в детский сад, где воспитательницы, не утруждая себя, кричали:

— Алёша — Серёжа Мироновы!

В школе учителя, произнося эту скороговорку, с опаской смотрели в нашу сторону, выжидая, кто на какое имя откликнется.

А с институтом произошёл сбой. Я сдал экзамены в Строгановскую академию, на отделение дизайна. Брата же завалили по рисунку. Хотя, откровенно говоря, подготовлен он был лучше меня и по рисунку, и по живописи. Его Величество Случай сыграл с ним злую шутку!

Серёжу призвали в ряды Советской Армии, в Харьковское училище ПВО в Украину, где на приёме присяги и произошёл этот анекдотический эпизод.

В такой ответственный для нас день я решил приехать в Харьков, чтобы поздравить своего брата-близнеца Алёшу — Серёжу! По моде 70-х годов я носил длинные волосы, усы «подковкой», как у Джона Леннона, подражая «Ливерпульской четвёрке», расклёшенные к низу брюки и пиджак-«битловку» без классического воротника.

В таком экзотическом виде я направлялся по аллее воинской части в сторону плаца, где уже толпились курсанты военного училища в парадной форме. Неожиданно меня догнал незнакомый курсант в звании сержанта, хлопнул по плечу и прокричал мне в ухо:

— Привет, Серёга! Где парик достал и гражданку?!
Кинь адресок!

Удивлению его не было предела, когда в ответ он услышал:

— А я не Серёга, я его брат Алексей.

Итак, мой брат-близнец в Харькове в военном училище осваивает воинскую специальность ракетчика, а я в Москве, в Строгановке учусь на первом курсе вечернего отделения дизайна.

Спустя год после окончания первого курса Строгановской академии меня также призывают в ряды Советской Армии. А ещё через год, демобилизовавшись из армии, возвращается Сергей.

Однажды, решив заглянуть в Строгановку, мой брат шел по училищу в военной форме, ничего не подозревая, как вдруг его начали осаждать студентки с криком: «Алексей вернись!», — делая попытки его поцеловать. Смутившись и уворачиваясь от поцелуев незнакомых девушек, он повторял спасительную фразу:

— Я не Алексей, я не Алексей, я не Алексей!

Вот такая рокировка «Алёша — Серёжа».

После армии мы с братом и армейскими друзьями-художниками рванули на Алтай на заработки. Профессия художника-оформителя на периферии Советского Союза была очень востребована, и если не усугублять её постоянными возлияниями во славу Бахуса, то можно было за сезон поднять серьёзные деньги. Как правило, всё, что связано с наглядной агитацией, было в ведении вторых секретарей райкомов КПСС.

Имея солидное портфолио за два года службы в Советской Армии, мы быстро находили общий язык с партийными бонзами и получали хорошие заказы, будь то оформление клуба, дома культуры или правление колхоза-победителя в соцсоревновании.

Распределив заказы между собой, мы принялись за работу. Я оформлял витрины магазина в центре города, а Сергей — правление колхоза на окраине. Расстояние между объектами было в несколько километров.

Через две недели, объезжая город и прилегающие районы, второй секретарь, увидев меня, не выдержал и задал вопрос:

— Алексей, как это понимать? Час назад мы с Вами беседовали за городом в правлении колхоза, и вдруг я вижу Вас в центре города в магазине? Как Вам удаётся работать в двух местах одновременно?

Пришлось открыть секрет моей вездесущности! Секретарь долго смеялся. — Алёша — Серёжа!

Впоследствии, когда мы уже были взрослыми людьми, с нами постоянно происходили курьёзные случаи на почве нашей идентичности! На одном из таких невероятных событий я хотел бы остановиться поподробней!

Дело было в докомпьютерную эпоху 70-х годов прошлого столетия, когда афиши для кинотеатров и домов культуры не печатались на плоттере, а рисовались вручную художниками-оформителями. В это замечательное время отсутствие у гражданина СССР работы считалось уголовным преступлением и преследовалось по закону УК РФ. Неработающего человека объявляли «тунеядцем», и если он не устраивался на работу длительное время, то к нему применялись меры воздействия, исправительные работы до четырёх лет и как крайняя мера — тюремное заключение. Короче, мне нужно было срочно устроиться на работу, желательно — по профессии. Однажды, стоя на автобусной остановке 70-го троллейбуса, я увидел объявление, что в ДК «Салют» срочно требуется художник-оформитель на должность главного художника.

На следующий день, показав директору Дворца Культуры мастер-класс по скоростному рисованию объявлений, благо и в армии, и тем более на Алтае мною был приобретён богатейший опыт, я был успешно принят на работу на должность главного художника. За два часа я написал двенадцать текстовых афиш внушительных размеров, метр восемьдесят

на девяносто сантиметров. Качеством моей работы начальник остался доволен, и, передав мне огромную папку с перечнем мероприятий на месяц вперёд, Григорий Анатольевич Романовский отправился на отдых в Прибалтику! Позже я узнал, что у него была там любовь-морковь — местная литовка Ингеборге. Мужчина он был видный, фронтовик с мужественным лицом, которое украшал шрам от осколка немецкого снаряда, и с благородной сединой выщелся шевелюры. Чтобы постоянно быть в хорошей форме, он весь отпуск проводил на велосипеде, разъезжая по городу и его окрестностям.

Это случилось на следующий день по приезду в Клайпеду! Удивлению Романовского не было предела, глаза его полезли на лоб, а руль велосипеда предательски вильнул, унося седока в ближайший кювет. ещё чуть-чуть, и случилось бы непоправимое.

Причиной его визуального ступора послужил я, ваш покорный слуга! Естественно, это был мой брат-близнец, путешествующий автостопом по Прибалтике со своей девушкой.

— Алексей, какого черта Вы здесь делаете? — заорал он на моего брата-близнеца.

Лицо его было красным от праведного гнева, губы дрожали, глаза были готовы вылезти из орбит, а сам он находился в пограничном состоянии начальника, неожиданно открывшего для себя сбой в работе хорошо отлаженного механизма.

— Вы должны быть на работе и рисовать афиши, а не прохлаждаться по Куршской косе!

Видя, что стоявший напротив него молодой человек никак не реагирует на его гневную тираду, он стал расплываться всё больше и больше, и в его речи стали слышаться угрожающие нотки.

— А я не Алексей, я его брат, — спокойно ответил мой клон. — Что Вы так раскричались? Алексей в Москве и выполняет порученную Вами работу!

— Как в Москве? Как Вы не Алексей?

На его лице отразилась целая гамма чувств — от праведного гнева, недоумения, удивления до гомерического смеха. Его буквально согнуло от смеха пополам, и, бесконечно повторяя фразу «Как не Алексей?!», «Как в Москве?», он повалился на траву.

Вот такие неожиданные кульбиты устраивает нам жизнь! Алёша — Серёжа!

С нами не соскучишься!

СЕРГЕЙ МИРОНОВ

Московский союз литераторов. Член Творческого союза художников России, Тушинского товарищества художников. Родился в Москве в 1954 г. в многодетной семье. В одно и то же время, с разницей в десять минут, появился его брат Алексей. Сергей Миронов начал рисовать с четырёх лет. Закончил Строгановскую Академию по дизайну.

Вступил в Творческий Союз Художников России. В 1986 году объединился с ещё пятью художниками в группу «Круговая порука». Которая существует по сей день. Участник и дипломант российских и зарубежных выставок по живописи и графике. Две живописные работы находятся в Саранском музее имени Степана Эрзи в постоянной экспозиции «Живопись 21века». Десять лет преподавал в московском художественном колледже. Награждён дипломами Всероссийских художественных выставок как педагог. В 2019 году напечатал первый рассказ «Три кубика адреналина» в сборнике «Орден Ленина» Литературного центра в Москве. Вместе с братом Алексеем Мироновым в 2020 году издали совместный сборник рассказов с двумя названиями. «Кризис среднего возраста» — у Алексея и «Танцуй пока молодой» — у Сергея. Именно благодаря этому сборнику иронической прозы, сборнику-перевёртышу, Сергей Миронов был принят в Московский союз литераторов в 2020 г.

О себе

Есть события и образы, впечатления от которых сами просятся на холст. Их легко увидеть в цвете и передать при помощи живописно-графических средств. Но со временем начинаешь понимать, что целый культурный пласт личного опыта не может быть воплощён при посредстве цвета, линии и объёма. И бремя невоплощённых идей, образов, переживаний и событий как-то исподволь начинают проситься наружу.

Сначала в застольных рассказах перед знакомыми и друзьями. Которых услышанное явно веселит и развлекает. После коротких и заслуженных аплодисментов начинает повторяться одна и та же фраза у одного из слушателей или слушательниц: «Ну это же готовый рассказ. Вам надо обязательно его написать».

На протяжении последних нескольких лет эта фраза всё время повторялась, начиная звучать уже, как мантра. Всегда относился к ней с недоверием и иронией. Видимо, только поэтому дальше этой фразы дело не двигалось. Это как в автомобиле: включаешь зажигание, а контакта нет. Ступор, одним словом.

Роль литературного первопроходца и стартера одновременно для меня сыграл мой брат. Чьими рассказами заинтересовался руководитель Литературного центра Никита Митрохин. Именно его профессиональное чутьё открыло Алексею дорогу в профессиональную литературу. Типография Литературного центра напечатала прекрасный сборник рассказов иронической прозы «Алтайский Декамерон» и занималось его распространением и продажей.

Как только у меня появились первые рассказы, Алексей любезно предложил прочитать их у Никиты Митрохина на вечерах поэзии и прозы в Доме Архитектора в Гранатном переулке. Затем была первая публикация лихого рассказа

«Три кубика адреналина» в сборнике «Орден Ленина». С великолепной обложкой, разработанной Алексеем.

Так что я уже шёл в литературном фарватере, проложенном моим братом. Не испытывая тех трудностей и проблем, которые выпали на его долю. Постепенно, по мере продвижения в литературу, увеличения количества рассказов, прибавилось смелости и уверенности в себе.

Захотелось воплотить и передать в словах накипевшее и наболевшее. Захотелось посмеяться, поёрничать, пофантазировать и даже постебаться и что-то переосмыслить. Увидеть прошедшие события в новом для себя ракурсе. С позиции прожитых лет и полученного опыта. Поэтому предложение Алексея поучаствовать в новом проекте — напечатать совместный сборник рассказов — я воспринял на ура. Издание сборника перевёртыша было задумано неслучайно. В раннем детстве, до семи лет, мы с братом спали валетом на раскладушке в маленькой двенадцатиметровой комнате в коммунальной квартире на Фрунзенской набережной. После сна раскладушка складывалась и убиралась вместе со спальными принадлежностями. Этот пережитый в детстве опыт мы и решили воплотить в нашем совместном сборнике-перевёртыше.

Прекрасные иллюстрации к каждому из рассказов, сделанные Алексеем, явились достойным его украшением. Объединённые общей концепцией — ироническая проза, — собранные воедино рассказы имели разные названия. «Кризис среднего возраста» — у Алексея и «Танцуй пока молодой» — у меня.

Вышедший из печати в самом начале двадцатого года, наш совместный сборник позволил мне вступить в Московский союз профессиональных литераторов и стать участником двух книжных ярмарок. В Минске и Самаре в том же году.

Поэтому для меня литературный опыт — это, в первую очередь, проза-терапия. Что-то очень и очень личное, что лечит и врачует мою душу и помогает двигаться дальше. Помогает идти по жизни с верой в прекрасное и чудесное, не смотря ни на какие трудности и препоны.

МАРИНА РЯБОЧЕНКО

Московский союз литераторов. Журналист, окончила Московский полиграфический институт. Более 20 лет проработала в СМИ — газетах «Московский комсомолец», «Советская торговля», потребительском издании «СПРОС». Пишет прозу. Некоторые рассказы опубликованы в литературных журналах, альманахе «Перекрёсток».

Издано три книги: «Записки из музыкального магазина», «Я работаю риелтором. Инструкция для начинающих», «Я работаю риелтором. Аренда жилья».

Немного о журналистике 80-х

Я пришла работать в газету «Московский комсомолец» в отдел информации весной 1984 года. Интересное было время — середина 80-х! Вот, к примеру, накануне восьмого марта мы с коллегой из отдела Таней Цыбой проводили рейд по цветочным магазинам — проверяли, как они подготовились к встрече праздника весны: каков ассортимент цветов, цены... Ассортимент был прост и скромен — розы, гвоздики, мимоза, тюльпаны... А сегодня кому придёт в голову проверить цветочные магазины? Цветами Москва буквально завалена цветами, во все месяцы года и купить можно любую экзотику!

Кому сегодня знакомо словосочетание молодёжная мода? Нет такого! Просто в магазинах есть одежда на любой возраст, на любой вкус и на любой кошелёк... А тогда, в 80-е, о молодёжной моде только начинали говорить — о том, что для молодых, активных, энергичных нужна особая одежда, более свободная, демократичная, яркая, непохожая на ту, что продавалась в советских магазинах. За четыре года работы в «МК» я написала огромное количество статей на эту тему. Да и кто должен быть ещё писать? «Московский комсомолец» был единственной молодёжной газетой Москвы. И написала я эти статьи не зря. При содействии «МК» талантливый модельер и энергичная дама Лидия Матвеевна Соселия открыла первый в СССР Дом молодёжной моды.

В годы работы в «МК» я была ведущей ежемесячной полосы «Только для вас», которая рассказывала о моде, здоровом образе жизни, увлечениях. Именно поэтому ко мне как-то подошёл наш фотокорреспондент Женя Матвеев со словами: «Можно, я приведу к тебе одного мальчику? Это знакомый моего хорошего знакомого. Он парикмахер, только окончил техникум. Ты же пишешь о моде. Может, у вас что и получится...»

И привёл Валентина Юдашкина — скромного, застенчивого молодого человека во фраке и с золотым эполетом на одном плече! Мы пообщались с ним минут десять и сразу нащупали интересную для читательниц тему: как пользоваться декоративной косметикой, какой макияж в моде? Какие тона актуальны летом, а какие — зимой? Эту информацию сегодня можно найти в любом женском журнале, на каждом женском сайте, а тогда, тридцать лет тому назад, небольшие заметки о секретах красоты, публикуемые раз в месяц, были настоящим откровением! С этих крошечных заметок началось восхождение Валентина Юдашкина к нынешней славе.

Летом 1986 года редакция отправила меня корреспондентом на Международный фестиваль молодёжи соцстран в Будапешт. В конкурсах на звание «лучшего» соревновались парикмахеры, пекари, токари... В свободное от официальной программы время мы знакомились с городом. В одном из центральных парков Будапешта я увидела, что почти все мужчины гуляют в шортах — было лето. Прилетев в Москву, я написала об этом небольшую заметку, заметив в конце, что шорты — это вполне нормальная одежда даже для городских улиц европейских городов. Нужно помнить, что во времена Советского Союза был жёсткий дресс-код. Как не пускали женщин с «голыми» ногами в ресторан, так и не пускали людей в шортах в общественный транспорт. А также во времена Советского Союза слово, напечатанное в газете, имело большую силу.

Я, конечно, не предполагала, чем всё это закончится...

На следующий день телефонный аппарат и секретарь редакции к обеду накались докрасна. Телефон редакции звонил беспрерывно. Люди, прочитав мою статью, стали ломиться в шортах в автобусы и метро, а их не пускали! Выход нашёл главный редактор «МК» Павел Николаевич Гусев. «Пусть берут нашу газету со статьёй и проходят». Так и было. Статья, напечатанная в любимой газете москвичей, действовала как волшебная палочка! Именно с тех пор шорты стали полноправным членом гардероба и мужчин, и женщин Советского Союза... Причём в любое время года! Раньше, глядя на иных юных дев, пытающихся превратить шорты в плавки, я смущалась и думала: «Что же я наделала!» А в нынешние времена уже трудно кого-то смутить или удивить!

В конце июля 1987 года в парке Горького впервые прошёл праздник газеты. Это было грандиозное по размаху событие. Десятки площадок, каждая из которых была посвящена определённой тематике. У меня, как у ведущей полосы,

была собственная площадка, у самого входа в парк. Хотелось чего-то особенного, и кто-то из ребят моего отдела предложил провести конкурс красоты. Такого у нас в стране ещё не было! Идея была увлекательнейшая, её одобрил наш главный редактор Павел Николаевич Гусев. И в нескольких номерах «МК» прошла реклама этого события. Конечно, ну конечно, этот первый в СССР конкурс красоты был самодеятельный, что называется, любительский. Никакого отбора участников, никаких состязаний, и, по-моему, мы даже не обозначали возрастные границы. Что было от настоящего конкурса — так это солидное жюри, в которое вошли Лидия Матвеевна Соселия, модельеры из Дома моды на Кузнецком, косметологи из Института красоты (это солидное заведение тогда располагалось на Калининском проспекте, ныне улица Новый Арбат), Валентин Юдашкин. Желавших принять участие в конкурсе было не счесть, причём стать эталоном красоты страстно желали не только девушки, но и юноши! Корректировать ход события приходилось на месте, и придумывать приз для красавца-мужчины — тоже!

Так с лёгкой руки «МК» была положена традиция проведения конкурсов красоты и в нашей стране! Следующий из них прошёл ровно через год. Это было уже солидное мероприятие, проводилось оно в каком-то концертном зале, а среди членов жюри была парочка и комсомольских лидеров...

Листая газеты тех лет, понимаешь, какая бездна простирается между той жизнью и этой. То, что было актуально и остро тогда, смешно и казусно сегодня, а то, о чем пишут сегодня, не могло присниться журналистам восьмидесятых даже в фантастических снах. Но самое главное, что было и что осталось навсегда — это чувство огромного счастья! Счастье, азарт, вдохновение, творчество, постоянный поиск новых интересных тем и новых поворотов в заслуженных старях... Этим ты жил каждый день, и каждый день был праздником!

В начале 1988 года я поняла, что засиделась в любимом издании. Меня пригласили работать в газету «Советская торговля». Тематика меня не привлекала вовсе, но что-то внутри толкнуло на этот шаг. И не зря. Мне очень повезло. Я попала в отдел, которым руководил креативный и прогрессивный человек — Михаил Львович Полячек. Именно ему пришла в голову идея начать работу по образованию потребителей, по защите их прав. Дело для тех времён неслыханное! Конечно, идея уже витала в воздухе, но до серьёзных шагов ещё никто не дорос. Какие права, какая информация на этикетке? Да и где эта этикетка? Пищевые добавки в продуктах? «Е» и прочее? А кто о них знает? Поле было непаханое, девственное...

Вначале наш отдел стал выпускать газету в газете. Специальный выпуск «Советской торговли» назывался «В защиту прав потребителей». Через пару лет эта газетка переросла в самостоятельное потребительское издание «СПРОС». Много лет мы трудились над тем, чтобы на этикетках товаров давали полную информацию о производителе, составе продукта, сроке производства и сроке годности... Например, несколько лет добивались от производителей, чтобы на соках всегда стояло указание его натуральности в процентах. Чтобы «соки» разделили на три категории: соки, нектары и напитки, и в каждой категории была своя цена. Боролись за то, чтобы при покупке технических изделий людям выдавали гарантийный талон. Чтобы при любой покупке людям вручали кассовый чек, по которому можно было бы вернуть бракованный товар. Мы проводили собственные независимые тесты самых различных товаров: молока, колготок, шампанского, творожных сырков, утюгов, косметики... Закупали продукты и товары в торговой сети, привлекали к тестированию независимых специалистов, проводили потребительское тестирование. В каждом номере «СПРОСа» публиковалось

3–4 теста, в которых была полная и правдивая информация о товарах выбранных групп. Рассказывали о том, как нужно отстаивать свои права в суде, если не удалось договориться с производителем мирным путём.

Два с лишним года я еженедельно вела передачу на ТВ, образовывая покупателей по самым разным вопросам. А покупателями была вся страна!

К сожалению, издание «СПРОС», существующее только на деньги подписчиков и редкие гранты, десять лет назад прекратило своё существование. Но и сегодня, покупая самые разные продукты, читая этикетки, я благодарю судьбу за то, что когда-то прикоснулась к этой важной и масштабной теме изнутри и с самых первых её шагов.

ВИКТОР ЧЕРНЯК

Московский союз литераторов. Член Союза писателей России. Доктор экономических наук, профессор, академик Российской Академии естественных наук (РАЕН), Действительный член Международной Академии инвестиции и экономики строительства (МИАЭС), Действительный член Europa Akademieder Naturwissenschaften (Германия). Почётный деятель науки.

Автопортрет, написанный ластиком

Родился в Москве, в ноябре 1938-го, на следующий день началась зима, а спустя два с половиной года — война. Папа на фронте, мама со мной и моей 11-летней сестрой, пережив страшный день московской паники 16 октября, пытается выехать в Свердловск (рассказ «Эвакуация» в книге «Дети войны»). В Москву вернулись в начале января 1944-го.

Жил, учился и работал в Москве. Родители на работе с утра до ночи, с бабушками, дедушками не успел познакомиться — они погибли в начале войны (Об этих днях повестях «В курсе событий» и «С близкого расстояния»). Была любимая коммуналка с комнатой 16 метров, потолком 3,80, окнами в Чапаевский парк, длинный коридор, двенадцать комнат, 52 соседа, общая кухня, и, как писал Владимир Высоцкий, — «всега одна уборная» (повесть «Коридор»).

Ночью мама палкой разгоняла крыс. Всю московскую жизнь мама работала в детской поликлинике № 71, кирпичное здание поликлиники в Чапаевском переулке сквозь деревья парка видели из окна нашей комнаты.

Однажды ночью в дверь сильно постучали. «Доктор, умоляю, у дочки 40...», — кричал мужчина. Папа говорит: «Вызовите скорую». Но мама уже надевала резиновые сапоги и плащ.

Каждый год на улицы Москвы выходили и строились в колонны нарядные люди — с песнями и бумажными цветами шли на праздничные демонстрации 1 мая и 7 ноября. Красный день календаря. Музыка из громкоговорителей гремела на весь город. Я сидел на плечах высокого парня, наша колонна быстро проходила возле ГУМа, я издалека видел Мавзолей и на трибуне маленькие фигурки вождей.

Три раза видел неорганизованную толпу: первый раз это было в тот день, когда закончилась война, по радио была объявлена победа, в другой раз — в день похорон Сталина, когда сестра вытащила меня из толпы, и в третий раз — в день встречи Юрия Гагарина.

Первый раз... Юрий Левитан по репродуктору объявил, что война окончена. Наши интеллигентные женщины распахнули двери своих комнат и всю ночь носились по коридору, пели, кричали, целовались, пили водку, неизвестно откуда появившуюся. 9 мая 1945 года в 21:55 Юрий Левитан зачитал в эфире текст приказа Верховного главнокомандующего о победе над фашистской Германией: «8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил. Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена».

Вся Москва со всех улиц и переулков пошла на Красную площадь. Люди бросались на офицеров, обнимали, подкидывали на руках. Мне почти 6 лет, я видел, как возле Исторического музея офицер на костылях купил полную тележку мороженого и раздавал детям. На земле под ногами стояли прожектора. В лучи прожекторов военные кидали горсти сверкающих монет. Дети носились в толпе.

Второй раз... 9 марта 1953 года в Москве состоялись похороны Иосифа Сталина. Врачи констатировали смерть вождя ещё 5 марта, в 21 час 50 минут. Народу о ней сообщил в шесть утра следующего дня голос диктора Юрия Левитана. В тот же день гроб для прощания выставили в Колонном зале Дома союзов. Похороны запланировали на утро понедельника 9 марта. До этого времени, по оценочным данным, увидеть усопшего пожелали около двух миллионов человек.

Во второй день прощания двери Колонного зала были закрыты для обычных посетителей, пропускали только официальные делегации. Желающим увидеть тело Сталина пришлось заново стоять в гигантской очереди на следующий день, и воскресным вечером 8 марта наплыв резко усилился, поскольку люди спешили воспользоваться последней возможностью.

Маршрут основной массы людей пролегал по Бульварному кольцу через Трубную площадь (потом её будут называть Трушной площадью) к Пушкинской площади, и далее по Большой Дмитровке и улице Горького к Колонному залу на Охотном Ряду.

Центр Москвы не мог вместить такого количества народа. Власти не ограничили допуск на дальних подступах и при этом плотно оцепили маршрут следования по центральным улицам, перекрыли боковые переулки военными грузовиками и не давали толпе растечься в разные стороны.

Сзади продолжали напирать вновь прибывшие. В результате множество людей, оказавшихся в ловушке, погибли от сдавливания грудной клетки или были затоптаны.

В тот день учительница, сидя на стуле у окна, читала стихи Маяковского, она была студенткой-отличницей, готовилась в партию. На переменке она вытащила из моего портфеля тетрадку и отнесла директору. В тетрадке была поэма про учителей (В 704-й всего до черта, Ученики там первого сорта, Учителя там ни то, ни сё, зато директор — большой осёл...) Эту тетрадку я увидел на столе директора, директор не знал, что со мной делать. За окном темнело, я был рад, так как в тот день была контрольная по русскому-письменному. А теперь ученики молча стояли вокруг учительницы, слушали стихи поэта революции, читала она с выражением.

Третий раз... В тот момент, когда по радио прозвучала знаменитая речь Левитана о том, что первым в космическом пространстве оказался «майор Гагарин Юрий Алексеевич», разнеслось многократное «ура!». Прохожие обнимались. Город гудел до самого утра. Люди отовсюду шли на Манежную площадь. В городе перекрывали движение. Занятия в институте не отменяли, но какие занятия! По улице Горького шли люди с транспарантами: «Космос наш! Ура!». Город кипел, как муравейник. В тот день студентам простили прогулы. Многие несли самодельные плакаты, наспех нарисованные...

Детство провёл на улице (об этом в рассказе «Детские игры»). Постоянные драки, выслеживания шпионов, игры в «войну» и «казаки-разбойники». Воспитывали меня все: соседи, прохожие, пассажиры трамвая, участковый милиционер, дворовая шпана, школа, пионерская организация. Друзья на всю жизнь — школьные — вместе, даже если в разных городах — вместе старели. О них роман «Школа», повести «Уроки и переменки», «Позвольте честно, по-стариковски».

Ухитрился, проживая в одном и том же доме, поменять семь или восемь школ: сначала ездил на трамвае от Аэропорта на Стрельню (школа стоит до сих пор, только не красная, кирпичная, а белая), в другую школу ходили через парк зимой в третью смену (начало уроков в пятом часу вечера) — в Чапаевский переулок. На уроках учителя не слышал — смотрел на чёрный квадрат окна, на котором висели шесть круглых капель-плафонов. «Что ты там увидел? — спрашивала учительница, оказывается, она давно вызывает меня к доске. — Ворон считаешь?» Потом другая школа — тоже Чапаевский переулок — там половину здания занимало военное училище, у нас не совпадали переменки, потом для «немки» не набрали полную ставку и нас перевели в бандитскую школу на Соколе и т. д. Так учеников перегоняли из школы в школу целым классом, пока наконец к восьмому классу не построили школу рядом с нашим домом, так близко, что зимой ходили без шапки.

Одного школьного учителя (географ) вспоминаю с благодарностью, ему было 26 лет, с ним ходили в поход, дружили после школы. Одного учителя люто ненавидел, он с пеной на губах ненавидел всех, его уволили, потом и школу снесли. Другие учителя работали, как умели. Примером «делать жизнь с кого» остались только родители. О них повести «Коридор» и «Не унывай», рассказы. Мои школьные учителя — Пушкин, Чехов, иностранцы — Джек Лондон, Марк Твен, в старших классах — «Золотой осел», «Золотой телёнок», «Яма», одновременно с ними — под партой — запрещённые Бабель, Мандельштам, «Энеида» Котляревского («За пазуху платочек клали Коль не было своих грудей»), рассказы Остапа Вишни («А посему сдавайте хлеба и лошадей государству»), «Приключения Кости Рябцева», «Автобиография» Нушича и все без разбора поэты. Очень помогало в жизни и профессии. Пушкин из «малой серии» всегда был со мной — на уроках, на лекциях, в метро, в командировках.

Студенчество — самое лёгкое время жизни с ненормированной свободой ночных разговоров, театры по дешёвым билетам, включая филиал Большого, закулисье, Третьяковка, Музей авиации, студии знакомых художников, каток в Парке Горького, Серебряный бор, кино на последний ряд, вечеринки в чьих-то свободных квартирах, но главное — трёп до утра на легендарных кухнях, магнитофонные ленты — Галич («А жена моя, товарищ Парамонова, в это время находилась за границею»), Анчаров («Слушай, кроха, не егози»), толпы молодёжи на площади Маяковского, под ногами поэта каждый мог читать свои и чужие стихи без микрофона и одёргивания. Появились новые друзья, научился выпивать, многому научился.

После третьего курса бросил свой институт и побрёл поступать в МГУ, на факультет журналистики. В приёмной комиссии сидел пожилой преподаватель лет 36, он полистал мою «зачётку» и велел плотнее закрыть дверь. Он-то и вправил мне мозги, сказал: «Закончишь свой институт, пиши, что хочешь, а выучишься на журналиста, о чём писать — не знаешь» — время было такое. Сожалею, что не запомнил его фамилии. С трудом приняли обратно: «Ты что себе позволяешь, пришёл-ушёл, у нас, между прочим, конкурс».

На последних курсах были замечательные профессора, авторы непревзойдённых учебников: Б. Я. Ионас, И. Г. Галкин, В. Ф. Гировский, И. Я. Иванов. Наставников не было, но у всех было чему учиться. Студентов они принимали всерьёз, приглашали к себе домой, знакомили с жёнами, Б. Я. Ионас позвал меня, мальчишку, в соавторы учебника для вузов. Кроме них, профессию узнал по Самуэльсону, изданному «для служебного пользования» — в магазинах не продавался; в то время по его книге «Экономика» (Нобелевская премия) учились студенты всего мира. Потом были другие классики — Витрувий, Альберти, Шуази. О них написал

книги «Свой метод», «Искусство создавать здания», «Уроки старых мастеров» (Пять томов и научно-популярная книга под тем же названием, несколько переизданий).

Главное личное научное кредо — сомнение.

Работал в разных должностях. Первая запись в «Трудовой книжке» — «рабочий второго разряда», то есть разнорабочий — это предполагало «подай, принеси» и самую низкую зарплату. Начитавшись книг Гладилина и Аксенова, к ужасу родителей, устроился в бригаду «на химию», чтобы жизнь повидать. Повидал. В бригаде я оказался единственным, кто в тюрьме не сидел. Все, кроме одного, отличные мужики с разными судьбами, и две молодые женщины. Об этом в рассказе «Бригада». Работал в проектных институтах — инженером, старшим инженером, руководителем сектора, начальником отдела, а потом генеральным директором Центра инвестиционных исследований, профессором (повести и рассказы — «Бегунок», «Маркиза», «Почтовый ящик», «Отдел», «Коллекционер блондинок» и др.). Времени не хватало. Наметил для себя планку — зав. сектором, но, вопреки желанию, пошёл дальше — повышали, назначали, выбирали. Попал в НИИ, поработал и наконец понял: это моё. Разрабатывал «Рекомендации», «Методики» для Госгражданстроя и Москомархитектуры, применённые более чем в 100 городах СССР и России. Новый товарищ закончил театральный институт, факультет сценографии. Ему скучно было ездить на Дмитровское шоссе, уговорил меня, там я поступил в аспирантуру.

Защитил кандидатскую, потом докторскую диссертации (рассказ «Защита» др.). Работая в НИИ, читал лекции в институтах, домоуправлениях, руководил магистрами в Международном университете (Москва), за рубежом проводил мастер-класс. Кандидатскую защитил в альма-матер, докторскую — в Институте экономики Академии наук в учёном совете академика Л.И. Абалкина. Сразу после защиты

пригласили на работу в Германию на сумасшедшую зарплату. Отказался. Был руководителем многих кандидатских диссертаций (российских и зарубежных соискателей) и нескольких докторских. Член диссертационных и экспертных советов.

Лучшее занятие для меня — это наука. Доказать с серьёзным математическим обоснованием, что предложенный метод лучше, надёжней, эффективней того, что было до сих пор. Корифеев Учёного совета, всех 19 профессоров, превратить в единомышленников, доказать, что кое в чём они заблуждались.

Работал на кафедре (названия кафедры менялись) Российского экономического университета (РЭУ) им. Г.В. Плеханова: лекции, семинары, дипломные проекты, пособия, магистерские и кандидатские диссертации. На кафедре основные направления: Инвестиционные проекты; Бизнес-планирование; Эффективность проектов зданий, районов, городов; Инвестиции, качество, риски; Управление программами и проектами — то, чему учили в бывшем Московском инженерно-экономическом институте им. С. Орджоникидзе, на факультете городского строительства, и чему научился сам в Проектных институтах и НИИ. Всё это очень далеко от художественной литературы, чем занимался в свободное от 24 часов время. За время работы в РЭУ опубликовал сотни научных статей, учебники для студентов, школьников, бакалавров, магистров, аспирантов, учебные пособия, монографии, доклады, а также научно-популярные и художественные книги. Когда вышла моя книга на казахском языке, я попросил аспирантку прочитать, что написано в названии.

Мои лучшие ученики — это аспиранты. У них было чему учиться. Одна аспирантка попросила надписать ей мою новую книгу. Надписал, она обиделась. Я написал: «Моей любимой аспирантке». Она попросила зачеркнуть слово «аспирантке».

Своими учениками горжусь. Защитив диссертации, они уезжали, улетали, уходили. А потом возвращались и хвастались своим производственными и семейными успехами.

Мои научные книги выиграли Всероссийские, Московские, отраслевые и академические конкурсы, в том числе зарубежные, награждены медалями (золотыми, серебряными, бронзовыми), а также грамотами, дипломами и др., в том числе — иностранными.

Член редколлегии научных изданий, главный редактор журнала «Консультант директора», был главным редактором альманаха «Литературный перекрёсток».

Жена. Кроме того, она врач и замечательно рисует, но, к сожалению, мало.

Дети — сын и дочь — доктора наук, профессора. У них другая жизнь. Обожаемые внуки рассказывают, спрашивают, зовут в гости, приезжают, обучают управлять интернетом, бывает, безнадёжно. Купил для них квартиру в городе-курорте Анапе, пять минут от пляжа.

Неосуществимым осталось: 3—4 экзотических языка, профессиональное фотографирование и лёгкое владение интернетом, как, например, умеют обе внучки. У них получается, у меня — нет. Говорят: «Я ж тебе на той неделе показывала!» Так получилось — простых вещей не знаю. У внуков и внучек получается в одно касание. А у меня не получается, признаюсь.

Приятель звонит, интересуется: «Вчера смотрел?». Не смотрел. Тогда со мной не о чем говорить. Да, телевизора нет.

Не люблю магазинов, кроме книжных и сантехники. Даже потрогать известную книгу доставляет удовольствие. Как они будут жить без бумажных книг? В магазин сантехники захожу, как в музей. Ни одного не пропускаю. В любом городе сначала ищу эти магазины. Однажды взялся редакци-

ровать американскую книгу по ремонту загородных домов, засмотрелся.

Сочиняя научно-популярные книги, наслаждаюсь и отдыхаю. Стараюсь о сложном — просто.

Стихи начал сочинять до того, как научился читать и писать. В рифму дразнил родственников. Они смеялись.

Сочинял стихи на бумажках в классе 4–5-м, не знал, что это стихи и это навсегда. В 9-м классе сосед по парте переписал чернилами мои стихи и втихаря отослал несколько моих стихов в журналы. В одном журнале не понравились строки «В седьмом часу в лесу росу/ К ногам отряхивали травы...», в другом журнале посоветовали почитать книжку «Как писать стихи» (оказывается, была такая), а в третьем попросили уточнить, в каком классе я учусь.

У папы была пишущая машинка «Москва», но дома я скрывал, что занимаюсь не только уроками. Однажды, выстояв целый день в очереди на Пушкинской, купил «Эрику» («Эрика» берет четыре копии...) — ровно за всю зарплату.

Первые рассказы опубликовал поздно — в 19 лет, в многотиражке. Сочинял песни для КВН, мы выиграли. Первый гонорар за песню для молодёжного кафе «Светлячок» («Добрый вечер, добрый вечер, старожил и новичок...») — это субботний ужин на двоих за счёт заведения. Песню исполнял дуэт. Первый гонорар за книгу — пианино для дочери.

Особое место в моей жизни, в жизни моих друзей и всех москвичей занимал период, который потом назовут «шестидесятники». Вся Москва была помешана на стихах. Это было время поэтов. Ничего подобного никогда раньше не было. Стихи любили все. Никакого деления на физиков и лириков. Поэты выступали в клубах, в концертных залах, на стадионах, в институтах, на предприятиях. Помню вечер в

Саду Баумана. Зал заполнен. На сцене Евгений Евтушенко. Но ему не дают начать выступление. Толпа на улице скандирует: «Евтушенко на балкон!» Вдруг по проходу бежит девушка, она срывает задвижку с дверей и с улицы в зал врывается толпа. Люди садятся на пол, и через несколько секунд наступает идеальная тишина. Евтушенко начинает своё бесподобное выступление со стихотворения «Студенту хочется послушать Скрябина...»

По вечерам на площадь Маяковского съезжалась молодёжь со всего города. Площадь была заполнена от «Пекина» до «Софии». Перегородили улицу Горького. Читали и слушали стихи. Никаких микрофонов. Однажды Евтушенко вынесли из толпы на руках и с трудом впахнули в раскрытую дверь случайного автомобиля. Ожидая Булата Окуджаву, разбили стекла в библиотеке на Октябрьском поле. Поэт приехал, но выступать не стал: «Вы что, хотите, чтобы у меня опять неприятности были».

Вскоре, однако, на площади Маяковского посадили траву и воткнули дощечку: «По газонам не ходить — штраф». Таланты и поклонники разошлись по кухням. Московские кухни, квартирники — тоже примечательное явление. Здесь собирались только «свои» — друзья, знакомые, знакомые знакомых. Поскольку многих не публиковали, а жить на что-то надо, на квартирниках поэтам собирали деньги, например, Галичу. Помню квартиру на Арбате — сидим на столе, на полу, а девчонка в очках с гитарой поёт Галича, Окуджаву, Высоцкого. Однокурсница переписала для меня в книжном магазине на Кировской всю новую книжку Андрея Вознесенского «Треугольная груша».

В Большом театре билеты всегда были дорогие. Но в филиале (теперь там театр Оперетты) — тот же репертуар, те же артисты — из Большого. А билеты за копейки, как в кино, кроме того, можно приходиться даже в свитере. Приходили по-

сле лекций. Великий Марио Монако («Риголето») не стоял на сцене, как принято, а перемещался, почти бегал, рубаха взмокла.

В театр Эстрады провёл знакомый осветитель, когда там боролись за звание чемпиона мира Ботвинник и Таль. Я стоял за кулисами, видел, как Ботвинник медленно отвинчивал крышку термоса.

Денег не было, но старался никаких новинок не пропустить — выставки молодых художников (в институте Сурикова), театральные премьеры (в «Современнике» на площади Маяковского, потом на Чистых прудах), фильмы в НИКФИ, промышленные новинки (ВДНХ), архитектурные проекты (градостроительные советы на Брестской). Жил всей Москвой. С друзьями, с подругами.

Спортом не занимался, школьные волейбол, футбол, парус — не в счёт. Дальше всего продвинулся в шахматах — в обеденный перерыв, после работы. Самым большим призом на межинститутском турнире была авторучка.

Путешествовал один и с друзьями по стране — горы, море, тайга, Подмосковье. С папой на Урале стреляли уток. С женой много раз были на Карпатах, у неё на родине, потом вдвоём — в странах Европы. Написал книги «В тот год Земля была кругла», «Путешествие по Западно-Сибирским рекам в хорошую погоду», а также большую книгу по истории и философии техники.

Жалею завистников и неудачников. Они не больные, просто у них завышенное самомнение и рабочий день — от и до с перерывом на обед. С теми, кто на вопрос «почему не сделал» отвечает «времени не было», перестаю общаться.

Никогда никуда не опаздывал, всегда приходил на пять минут раньше. Редко удавалось уйти с работы вовремя. Всегда у кого-то в конце рабочего дня появлялись важные вопросы, мы сидели до позднего вечера, обсуждали.

Дома иногда смотрю вестерны (к сожалению, раньше не видел). Красивые кони, справедливые мужчины, верные женщины.

Самое любимое место в Москве осталось только в памяти: аллея лип на Ленинградском проспекте от «Аэропорта» до «Динамо» и дальше. В девяностые пришёл и себе не поверил: аллею, нашу любимую аллею во времена правления решительного мэра спилили, тысячи прекрасных лип. Написал повесть «Город на берегу Таракановки» — для экскурсоводов и друзей, для всех, кто тогда там жил.

Награждали неожиданно, на собраниях среди прочих зачитывали приказ: медалями, орденами, грамотами, дипломами. Медаль «850 лет Москвы» (у мамы — «800 лет Москвы»), Золотая медаль Лауреата «Профессиональный учебник», Золотая медаль РАЕН «Во славу и пользу Отечества», медаль «За заслуги и развитие науки и экономики», орден «Золотой орёл» (Германия) и другие.

За научные книги награждали дипломами и медалями Международных (София и Прага), Всесоюзных и Российских конкурсов. Лауреат Международного архитектурного Квадриеннале (Прага), Международного Биеннале (София), Дипломы ВДНХ, Международной Ассоциации «Знание» и др. Лауреат РАЕН — за цикл «оригинальных учебников» для ВУЗов: «Управление строительными проектами», «Экономика строительства и коммунального хозяйства», «Бизнес-планирование», «Управление инвестиционными проектами», «Теория управления». Пишут и звонят читатели разных городов. Лауреат литературной премии имени И.А. Бунина (серебряная медаль).

Написал 9 томов — «Пазлы. Москва — 365 дней одного года», каждый день города — люди, события, начиная с 2013 года.

Последнее время преподавал экономику строительства и архитектуры на архитектурном факультете в Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (написал специальный учебник), председатель комиссии на защите магистерских диссертаций в Академии «Землеустройства». И, конечно, как всегда, пишу прозу и стихи, издаю, если удаётся.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Галечьян. Встречая 90-летие Московского союза литераторов...	3
О Германе Арутюнове — Георгий Дьяченко	9
Об Алексее Баташёве — Татьяна Михайловская. Воспоминание в ритмах джаза	23
О Татьяне Братковой — Лина Тархова. Я шла по её следам	27
О Дмитрие Верещагине — Пётр Шарганов. Силуэт в проёме двери в малый зал творческого союза	35
О Татьяне Виноградовой — Нелли Копейкина. Интервью с поэткой	52
О Юрии Влодове — Людмила Осокина	64
О Людмиле Вязмитиновой — Владимир Пряхин. Памяти Людмилы Вязмитиновой	72
О Валерии Галечьяне — Дарья Суховой	80
О Джангули Гвилава — Ева Меркачёва	91
О Жанне Голубицкой — Ната Кирвалидзе и Яна Голубицкая. Её университеты: приключения Жанны Голубицкой в исламском Иране и не только...	96

Об Александре Колесникове — Евгения Стёпина (интервью)	114
О Нелли Копейкиной — Умут Кемельбекова	126
Об Антоне Кротове — Марина Рябоченко. Антон Кротов — путешественник и писатель	131
О Викторе Кротове — Григорий Рахутин	140
О Ксении Кротовой — Мария Романушко. Искусство слова, верховой езды, семейной педагогики	143
О Ладе Кутузовой — Дмитрий Гасин (интервью)	149
О Еве Меркачёвой — Дмитрий Назаренко. Ева Меркачёва. Град обречённых	160
О Татьяне Михайловской — Валерий Галечьян	165
О Викторе Молчанове — Сергей Миронов	174
О Евгении Обухове — Джангули Гвилава. Другая жизнь Евгения Обухова	178
О Татьяне Поликарповой — Ада Дихтярь. Листья будущего лета	182
О Марии Романушко — Виктор Кротов. Мария Романушко, которая когда-то рекомендовала меня в наш Союз	190
О Михаиле Стародубе — Игорь Краснов (интервью)	198
Стасенко Л. И. Планета Галины Турчиной. Алла Зубова и её окружение	216
О Михаиле Файнермане — Борис Колымагин	224

О Татьяне Шипошиной — Юлия Мьялькина (интервью)	231
О Дианне Энтиной — Ирина Манина. Тинатин. Девочка-песня	239
О Наталье Юлиной — Наталья Леонтьева. Вершины Натальи Юлиной	245
Владимир Бармаков. Стрелец по фамилии Бармаков	250
Наталья Леонтьева. Немного о себе	257
Алексей Миронов. Алёша — Серёжа	259
Сергей Миронов. О себе	265
Марина Рябоченко. Немного о журналистике 80-х	269
Виктор Черняк. Автопортрет, написанный ластиком	275

КТО МЫ И КАКИЕ

Авторы Московского союза литераторов
друг о друге и о себе

К 90-летию Московского союза литераторов

Оформление обложки — В.А. Галечьян
Вёрстка — Т.М. Хуциев
Редактор и составитель — М.М. Стародуб

Издательство «БОС»
Издатель О.С. Бурлука
<https://bos-press.ru>

Подписано в печать 28.02.2022. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз.

О Г. Арутюнове - Г. Дьяченко
Об А. Баташове - Т. Михайловская
О Т. Братковой - Л. Тархова
О Д. Верещагине - П. Шарганов
О Т. Виноградовой - Н. Копейкина
Об Ю. Влодове - Л. Осокина
О В. Галечьяне - Д. Суховей
О Л. Вязмитиновой - В. Пряхин
Об А. Колесникове - Е. Меркачёва
О Н. Кирвалидзе, Я. Голубицкая
Об А. Кротове - М. Рябченко
О В. Кротове - Т. Рахутин
О К. Кротовой - М. Романушко
О Л. Кутузовой - Д. Гасин
Об Е. Меркачёвой - Д. Назаренко
О Т. Михайловской - В. Галечьян
О В. Молчанове - С. Миронов
Об Е. Обухове - Д. Гвилава
О М. Стародубе - А. Дихтярь
О М. Романушко - В. Кротов
О М. Файнермане - И. Краснов
Л. Стасенко - о Г. Турчиной
О Д. Энтинной - И. Манина
О Н. Юлиной - Н. Леонтьева
Ю. Мьялькина
В. Бармаков
Н. Леонтьева
А. Миронов
С. Миронов
М. Рябченко
В. Черняк